ПО КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

р. Протва
1
Роща
БОРОВСК
Уваровское
2
Обнинск
Белкино
р. Лужа
Белоусово
4
Спас-Загорье
МАЛОЯРОСЛАВЕЦ
Федоровское
3
р. Протва
Трубино
6
Полотняный
Завод
р. Угра
Грабцево
КАЛУГА
7
Городня
5
Калужка
Спасское
на Угре
8
Авчурино
Ромоданово
р. Ока
Желово
Григоровское
Перемышль
Гремячево
9
10
Ильинское
р. Жиздра
Нижние
Прыскино
Чекалин
11
КОЗЕЛЬСК
р. Ока
Хозцы
12
Оптина пустынь
Губино
Волконское

1. Пафнутьев-Боровский монастырь

2. Белкино. Церковь Бориса и Глеба. 1773

3. Трубино. Знаменская церковь. 1692

4. Малоярославец. Никольский монастырь

5. Калуга. Дом Золотаревых. 1806

6. Полотняный завод. Дом Щепочкина

7. Городня. Усадебный дом со стороны пруда

8. Спасское на Угре. Церковь Преображения. Середина XVI в.

9. Гремячево. Успенский монастырь

10. Ильинское на Жиздре. Успенская церковь. 1720-е гг.

11. Козельск. Дом Брюзгиных. Начало XIX в.

12. Оптина пустынь

72C1
H63

8-1-2
200-88

ПО КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

(ОТ БОРОВСКА
ДО КОЗЕЛЬСКА)

Е. В. НИКОЛАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
МОСКВА
1968

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Вместо предисловия — 5

1. Между Москвой и Калугой — 6

Пафнутьев-Боровский монастырь (7), Роща (20), Боровск-город (20), Высокое (26), Уваровское (27), Комлево (27), Белкино (28), Спас-Загорье (35), Трубино (38), Малоярославец, Никольский монастырь (43).

2. Вокруг Калуги — 49

«Милая Калуга» (49), Тихонова пустынь (59), Полотняный завод (59), Грабцево (75), Городня (79), Калужка (86), Авчурино (87), Спасское на Угре (94).

3. Дорога на юг — 98

Ромоданово (98), Григоровское (99), Гремячево (100), Перемышль (102), Ильинское на Жиздре (107), Нижние Прыски (111), Козельск (112), Оптина пустынь (118), Хозцы (126), Губино (126), Волконское (127).

Памятники архитектуры Калуги — 128

Библиография — 132

Примечания — 134

Вместо предисловия

И пусть не скатертью дорога.
И ясных не достанет дней.—
Езжай, чудес увидишь много,
Глядишь,— воротишься
умней.
И. М. Долгорукий
«Другу».

Три главы этой книги — это три маршрута, объединенные дорогой из Москвы на юг (на Орел и дальше на Киев): по Протве и близ нее, вокруг Калуги и от Калуги до Козельска (точнее, чуть дальше). Многое пришлось пропустить. Почти ничего не сказано здесь о памятниках Малоярославца (кроме Никольского монастыря), о многих селах на Протве, ничего — о дороге между Малоярославцем и Калугой, о Росве — большой усадьбе недалеко от Воротынска и т. д.

Обойти Калугу стороной мне казалось невозможным, но Калуга — это целая книга, и поэтому в маленьком очерке о Калуге я написал только о ее облике, о ее красоте, о ее связи с природой.

Пятьдесят лет назад в Калужской губернии насчитывалось около шестисот церквей. Сейчас на государственной охране их находится меньше сотни. Об остальных практически ничего не известно. Сколько их сохранилось? Какие они? Сколько уцелело усадебных парков? При первых же разведках нам встретились среди безвестных памятников такие блестящие церкви, как в Григоровском, Столпове или Губине. Конечно, то, что здесь описано,— это только малая часть области. И уж совсем малая часть России. Но все-таки это и Россия и Родина.

1. Между Москвой и Калугой

В старом гербе Калуги изображен «серебряный переклад [лента] на зеленом поле». Это символ калужской земли с ее лентами рек, просторами заливных лугов и полей, зеленью бесконечных лесов. «Гор, достойных приметчания по высоте их, не находится, больших озер нет. Количество рек и речек весьма велико и для того мало таких селений, которые бы при себе текучей воды не имели»,— писали почти двести лет назад калужские топографы. Но хотя и нет здесь «сих наводящих ужас Альпов» (как с удовольствием отметил в начале прошлого века один патриот этого края), а большинство речек легко перейти вброд, есть в этих пейзажах привычная и трогательная красота.

Не буду рассказывать здесь историю этой земли — это особая тема, а в каждом соответствующем месте что-нибудь сказано. Обычная история обычной русской земли: бесконечные нашествия татар, междоусобицы, часть земель под владычеством Литвы. Наконец, кажется, твердая власть — присоединение к Москве,— и сразу вслед за этим — польско-литовская интервенция. Опять эта земля стала границей. Калужские крепости в эту пору осрамились. После изгнания интервентов их привели в порядок и поддерживали. Но уже через столетие «остроги» развалились, славные в летописях города стали тихими уездными центрами, а то и вовсе селами. О бурном прошлом этой богатой, плодородной, торговой губернии даже историки вспоминали редко, пока 1812 год не всколыхнул всю Россию. Осенью 1812 года

здесь, на севере области, решилась судьба Отечественной войны. Названия калужских сел и деревень и сейчас звучат как строки военных реляций: Тарутино — лагерь русских войск, где за три недели переформировалась армия. Леташевка — ставка Кутузова. Спас-Загорье — место переправы русских войск через Протву. Малоярославец — поворотный пункт в войне. Городня — место, где Наполеон отдал приказ об отступлении. Война покатилась на запад. Заросли братские могилы и бастионы. К юбилеям выросли соборы и монументы.

Уже стала историей и недавняя война: тяжелые, жесточайшие бои 1941—1942 годов и наши первые победы. Прибавились новые монументы, для нас еще полные неостывшей боли.

Тяжело приходилось в такие годы памятникам архитектуры — беззащитным перед лицом войны, а слишком часто — и перед лицом воинствующих невежд. В истории калужской архитектуры (которая с самых ранних известных памятников всегда была ветвью московского зодчества) образовались непоправимые провалы. Но то, что осталось,— это огромное богатство, которое надо сберечь. Поколения уходят, а память и памятники остаются — живая нить, которая связывает прошлое с настоящим.

ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Как ни различны история и облик крупнейших русских монастырей, в судьбе их было много общего. Сначала это скромные деревянные «обители», потом военные крепости, потом пышные «святыни», собирающие толпы богомольцев. Вырос и разбогател и Пафнутьев-Боровский монастырь, но, к счастью для нашей архитектуры, облик его остался «крепостным». Это, наверное, самый суровый монастырь в Подмосковье. (Собственно, это уже Калужская область, но граница проходит совсем рядом и здесь все точно такое же, как в ближней Верее. Еще километров через восемьдесят пейзаж уже не спутаешь с подмосковным.)

Он стоит на берегу Истерьмы — ручья, впадающего рядом в Протву, стоит в низине, точно войско в укрытии. Протва петляет, подмывая то правый, то левый берег. Кругом старинные села, леса со всех сторон окаймляют горизонт. Кажется, что земля эта создана для жизни самой мирной: хлебопашества, охоты, рыбной ловли. Но тихая Протва долгое время была ближней границей московской

земли: местом опасным (сейчас сказали бы — стратегическим). Недаром монастырь окружен мощными стенами и вели в него чисто военные проезды в двух башнях.

Монастырь основан в середине XV века монахом одного из здешних монастырей Пафнутием. Пафнутий родился в Кудинове под Боровском, но дед его был татарином, присланным сюда из Золотой Орды для сбора дани. В ту пору монастыри играли иной раз важную политическую роль. Крупным политиком был и Пафнутий: он враждовал с митрополитом и был союзником московского князя, вероятно, хорошо понимая, что только Москве удастся объединить русские земли. Авторитет его был очень велик, к нему за советом и благословением съезжались почти со всей России. Одним из его учеников был Иосиф Волоцкий — тоже видный политик и писатель Древней Руси.

Первые сведения о монастыре похожи на поэтическую легенду: крошечный деревянный монастырь в густом бору, среди поющих птиц, где настоятель, добрый и мудрый, творит чудеса. Действительность была куда суровее: вражда с Василием Боровским, поджоги монастыря и поначалу — бедность. Но монастырь быстро рос и богател. Среди его вкладчиков были не только крупнейшие бояре, но и сам великий князь. Ко временам Ивана Грозного монастырь владел уже множеством сел, деревень и угодий.

В 1476 году закончен каменный собор (вероятно, довольно скромный), в 1511 году построена каменная трапезная, а к концу XVI века, словно в предчувствии грозных событий, возвели на месте старого огромный новый собор и каменные стены вокруг монастыря.

Для тех лет монастырь был довольно сильным укреплением. Подошедший к Боровску в 1610 году «тушинский вор» (второй Лжедимитрий) не смог взять его до тех пор, пока двое изменников-воевод не открыли ворота. Битва продолжалась в монастыре. И хотя исход боя был уже ясен, воеводa М. Волконский, будучи раненым, продолжал сражаться. Он был оттеснен к собору и там у его стен изрублен. В страшном побоище погибло двенадцать тысяч человек. Монастырь был сожжен, сгорели и все документы его ранней истории. В память об этой обороне и о подвиге Волконского много лет спустя, в 1777 году, Боровск-город получил свой герб: сердце с крестом (символ верности) в лавровом венке.

Когда миновало «смутное время», принесшее Руси столько бед, первой заботой государства было укрепле-

Ф. Толстой. Бой при Малоярославце. Барельеф. 1819

Пафнутьев-Боровский монастырь. Фото 1900-х гг.

ние западных и юго-западных границ. Заново был укреплен и Пафнутьев монастырь. «Городовые мастера» писали царю Михаилу Федоровичу, что стены крепости развалились «до земли». Вероятно, они немного преувеличили, потому что часть этих стен (три прясла от Оружейной башни до Входной*) и одна башня (Круглая) и сейчас существуют. Эти стены заметно отличаются от более поздних: они относительно низкие, с широкими зубцами, предельно скромные и по-своему красивые.

Входная, Георгиевская и Оружейная башни, которые стали настоящим символом монастыря, построены в ближайшие после литовского нашествия годы. Строителем их долгое время считали Федора Коня, возводившего одну из крупнейших крепостей в Европе — Кремль в Смоленске. Но истинный автор стал известен недавно. Это Трофим Шарутин, потомственный каменщик из Кашина. Семья Шарутиных дала в XVII веке несколько замечательных зодчих.

Башни, завершающиеся расщепленными зубцами (на Руси их называли «ласточкин хвост»), удивительно соединяют в себе строгость с изысканной красотой. Георгиевская башня была проездной. Как и во многих русских крепостях, старые входы в монастырь согнуты под прямым углом, чтобы легче было отсекать неприятеля.

Тайницкая* и Сторожевая башни построены в середине XVII века. Тайницкая позднее была надстроена, но Сторожевая не подвергалась никаким переделкам. Облик ее составляет разительный контраст башням начала XVII века. Могучий нерасчлененный объем, наклонные машикули, бойницы с наличниками, не просто маленькие, а крошечные по отношению к стене, создают образ дикой, чудовищной силы. Башня сейчас стоит непокрытой, без шатра, и это еще больше усиливает ее монументальность.

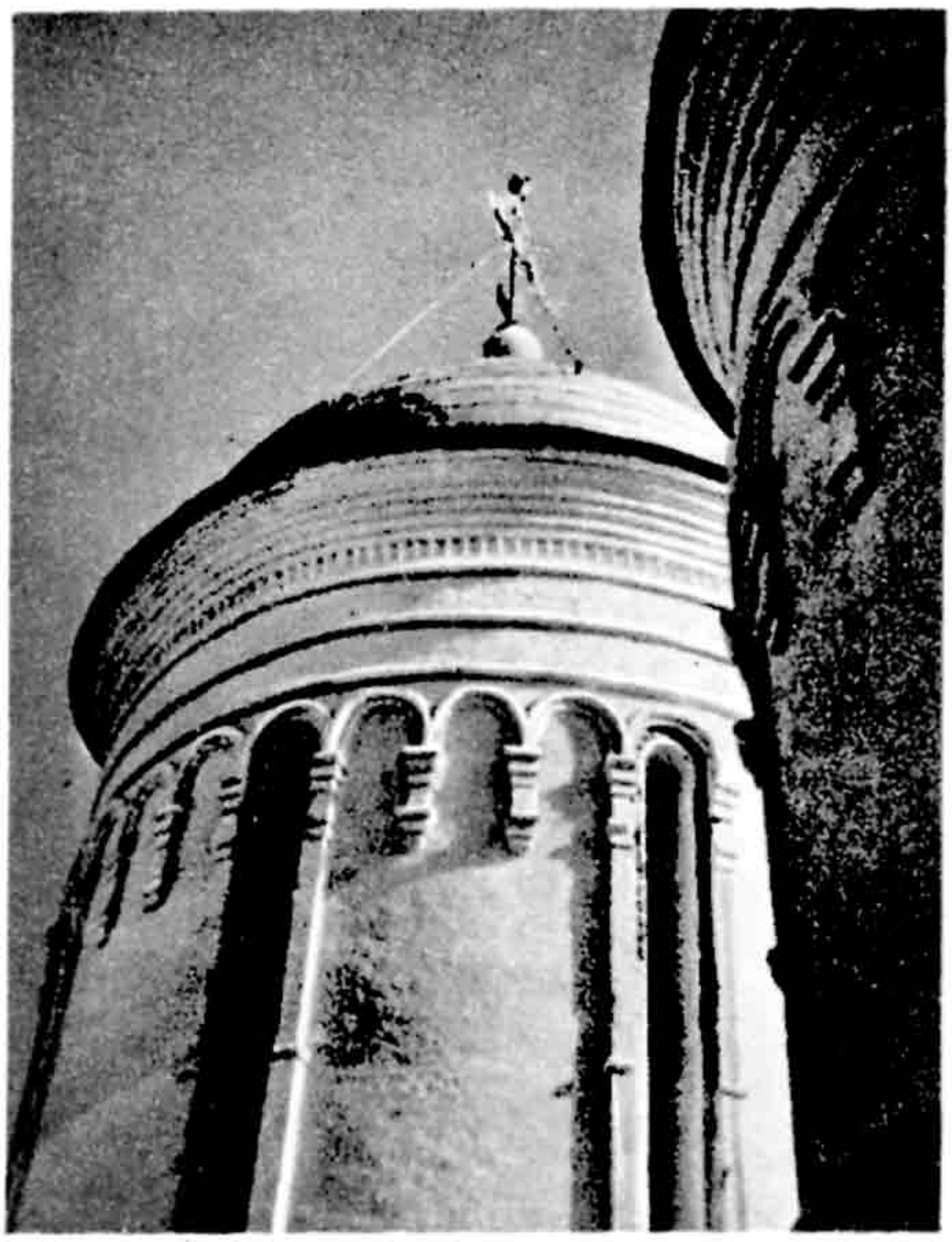
За стенами монастыря поместился целый городок. Разновременные и разнородные здания подчинены четкой

Пафнутьев-Боровский монастырь. Фото 1900-х гг.
←

иерархии: в центре — собор, палаты и кельи у стен, второстепенные церкви — в дальней от входа северной части. Но все это расположено свободно, безо всякой симметрии, будто ненароком.

Первое, что видишь, пройдя через «святые ворота», построенные уже в конце XIX века,— это трапезная (палата для общих обедов), самое старое здание монастыря. У нее здесь только один ровесник — небольшая «погребная палата» против западного входа в собор. Наряд середины XVIII века на ее фасаде закрыл собой детали начала XVI века. Возможно, это и есть та «поварня у городской стены», которая, как уверяли мастера в письме к Михаилу Федоровичу, одна только и уцелела.

Здание трапезной выглядит довольно сурово: стены неимоверной толщины, окошки крошечные. Никаких украшений, кроме узорчатых поясков из кирпича. Но зато уж пояски — обычный орнамент XVI века — смот-

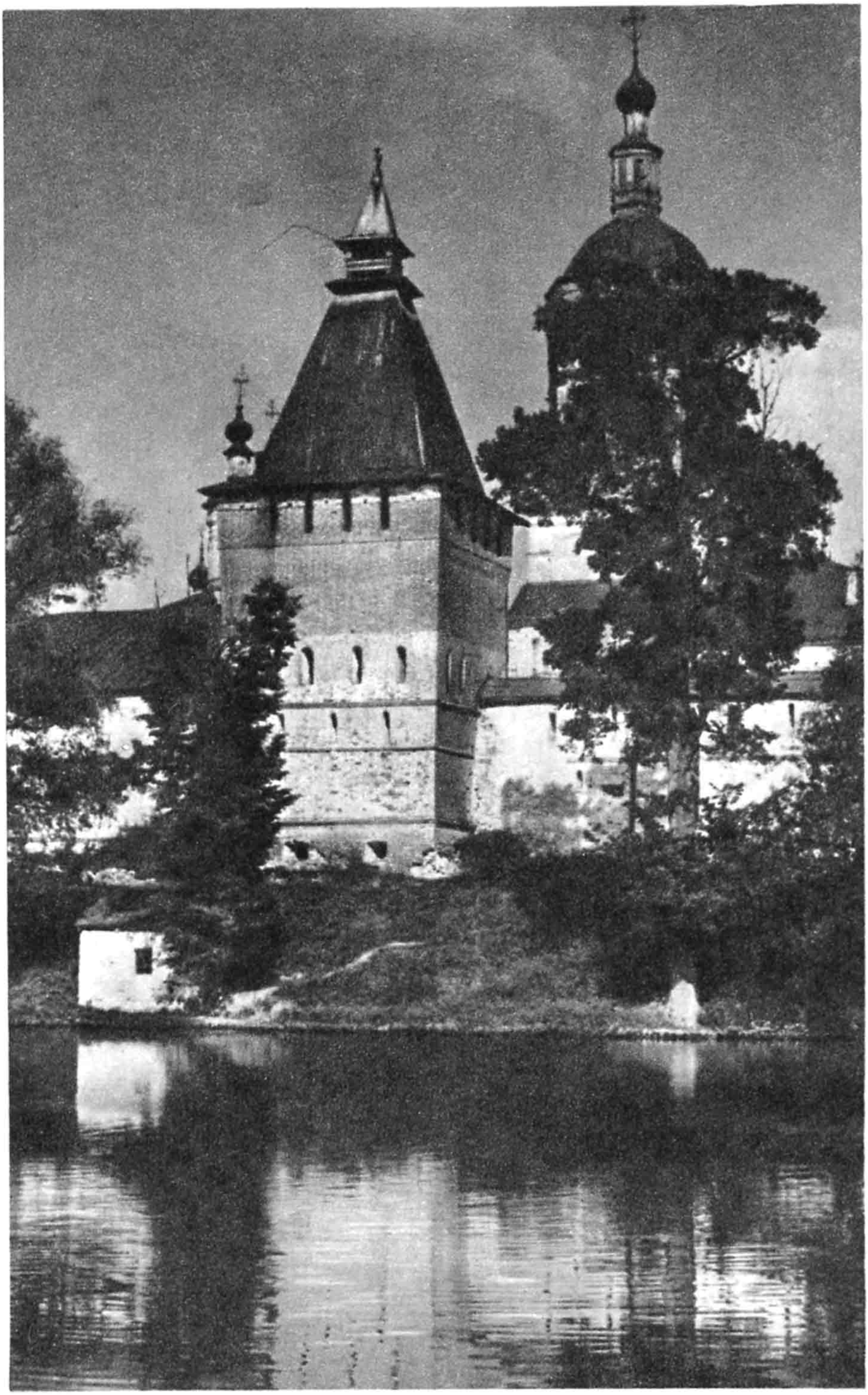
Пафнутьев-Боровский монастырь. Главы Рождественского собора. Конец XVI в.

Пафнутьев-Боровский монастырь. Тайницкая башня. Конец XVII в. Фото Г. И. Гунькина

→

рятся здесь как драгоценность. Основная часть трапезной: большая палата и при ней две маленькие — «келарская» (для келаря, своего рода «коменданта келий») и вторая (с плоским сводом), вероятно, церковь 1511 года. Помещения первого этажа служили кладовыми. Своды огромной (почти в 200 *кв. м*) трапезной палаты, как и в Грановитой палате Московского Кремля, опираются на мощный центральный столп. Во времена, когда не умели перекрывать большие площади однопролетным сводом, эта красивая и прочная конструкция применялась довольно часто.

Собор монастыря — одно из самых совершенных воплощений архитектуры XVI века*. В его облике есть что-то крепостное, он и впрямь служил в 1610 году последним прибежищем для защитников монастыря. По плану это самый традиционный русский храм — четырехстолпный и пятиглавый. В его архитектуре заметно влияние форм Архангельского собора Московского

Кремля, но уже глубоко переработанных. Конструктивная схема выражена в соборе с такой яркостью, что ее можно понять, еще не заходя внутрь. Своды опираются на четыре столпа, и в месте пересечения сводов со стеной образуются закомары — мощные полукружия. Огромная стена расчленена в соответствии с внутренним делением храма на три части. В каждом поле — узкое окно с простым наличником, и как отзвук его — щелевидное окно в закомаре, подчеркивающее вертикальность всего построения. Ниши закомар, неглубокие ниши-филенки фасадов образуют богатую и сложную пластику стен, не нарушая общей монолитности собора. Порталы при всей их скульптурности довольно скромны.

Пострадавший во время битвы 1610 года, собор был восстановлен на средства крупного воеводы боярина Лыкова, который в «смутное время» дважды защищал Москву: в 1608 году от войск Лисовского и в 1609-м — от крымских татар. Позже, в 1651 году, на средства царевны Ирины Михайловны был построен маленький северный придел. Он придал собору живописность, несколько нарушив идеальную симметрию его объемов.

В середине XVIII века, когда монастырь успел забыть о своем оборонном назначении, облик собора стал казаться слишком суровым. Его решили приукрасить. Сверх глав положили несколько рядов кирпича и установили на этих своеобразных постаментах новые главки, поменьше основных. Сделано это было, вероятно, еще и потому, что шатровые верха башен и колокольня, построенная в конце XVII века, «приглушили» звучание собора. После переделки он стал и выше и резче по силуэту. Когда при недавней реставрации надстройки были сняты, оказалось, что роль собора в ансамбле монастыря упала — просчет очень поучительный, показывающий, какой осторожности требует обращение со сложным организмом ансамбля.

Тот, кто бывал в Пафнутьевом монастыре лет пять назад, видел чудовищную картину: на месте центральной главы зияла пустота. Равнодушие оказалось не менее страшным врагом, чем литовские и французские захватчики. Бывший в монастыре до 1956 года музей закрыли, а новые хозяева зданий принялись хозяйствовать по принципу «после нас хоть потоп». «Потоп» наступил быстрее, чем рассчитывали,— центральная глава рухнула, раздавив своей тяжестью все, что под ней стояло. Сейчас глава уже восстановлена, это стоило и трудов и денег. Работа была временами столь опасной, что впору назвать ее подвигом реставраторов. С грустью думаешь, что этой

катастрофы могло бы и не быть и что виновные так и остались безнаказанными.

Внутри собор кажется еще огромнее, чем снаружи. Тут господствуют сплошные вертикали, и это безостановочное движение вверх настраивает на торжественный и возвышенный лад. Стены, столпы, своды и барабаны — все расписано фресками. Появились они, как гласит надпись внизу, в 1644 году и столько раз переписывались, что теперь можно понять только общую композицию. Но фрески не погибли — их необычайная живучесть объясняется техникой их исполнения: написанные по сырой штукатурке, они составляют с ней, по сути дела, одно целое. Когда удалили поздние записи, на одном из столпов предстало юное лицо воина и нежно-зеленый плащ, небрежно завязанный на его груди. Краски были такими свежими, будто собор расписали вчера.

Монастырь на Протве в течение трех веков был одним из художественных центров Руси. Здесь работали крупнейшие зодчие и живописцы древности, например Дионисий. Вместе с некиим Митрофанием он расписывал собор. Фрески привели современников в неописуемый восторг, и вскоре Дионисий работал уже в Москве, среди прославленных мастеров*.

В самом конце XVII века в монастыре возвели огромную пятиярусную колокольню взамен прежней звонницы. Многовековой опыт подсказал зодчим точное место для нее — впритык к трапезной. Колокольня так вжилась в ансамбль, что уже невозможно вообразить, что когда-то ее не было. Она лишена грации шатровых колоколен XVII века, но вполне гармонирует с мужественным обликом монастыря. Три нижних яруса, квадратные в плане, образуют высокое основание колокольни, на котором стоят два яруса восьмигранных. Такая композиция называлась «восьмерик на четверике». Но поставлен восьмерик не совсем обычно — так, что углы его направлены к серединам стен и углам четверика. Нижний ярус служил входом на колокольню и в трапезную. Во втором помещались ризница и небольшая библиотека: среди прочих редкостей здесь хранилось Евангелие 1533 года с великолепными миниатюрами, подаренное новгородским архимандритом Макарием, бывшим монахом Пафнутьева монастыря (сейчас оно в Государственном Историческом музее, где нашли приют и уникальные царские врата из монастыря). Аркады первого и третьего ярусов были заложены еще в первой половине XVIII века. Когда они были открытыми, то и весь образ колокольни был другим —

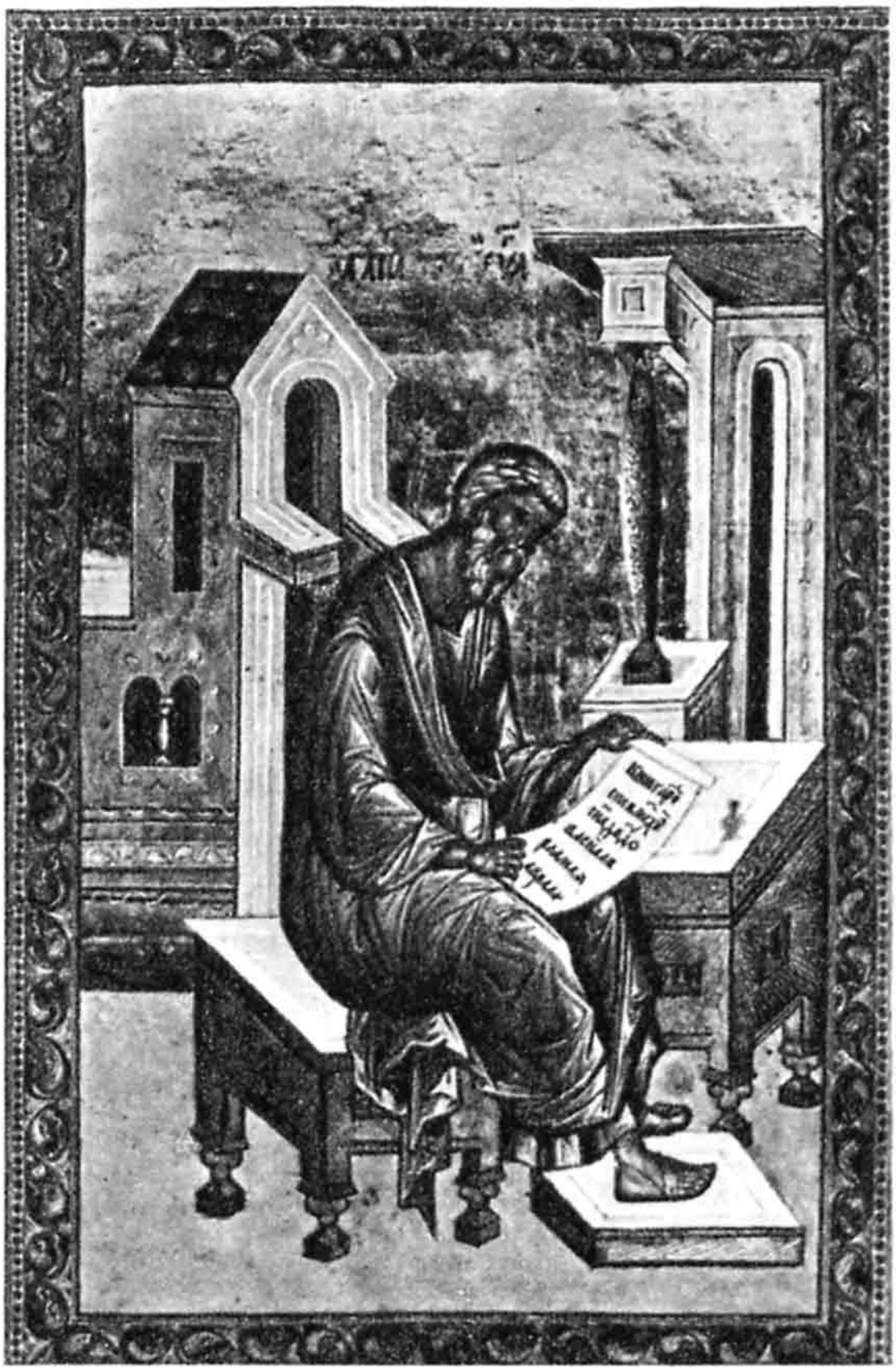
Икона «О тебе радуется» из Пафнутьев-Боровского монастыря. Вторая половина XVI в. ГТГ.

Евангелист Марк. Миниатюра из Макарьевского Евангелия (1533), хранившегося в Пафнутьев-Боровском монастыре. ГИМ.

арки, словно эхо, многократно повторялись во всех ярусах. Интересно, что колокола висели только в четвертом ярусе — пятый построен единственно для силуэта.

Колокольня опоясана несколькими рядами изразцов. Живописная архитектура этого времени страстно любила их за яркость и красочность. Хотя стоили они очень дорого (за тридцать изразцов платили в конце XVII в. столько же, сколько за лошадь), в некоторых постройках ими облицовывались целые стены. Все изразцы монастырской колокольни — фантастические птицы, клюющие плоды, жизнерадостные пропойцы с подписью «херувим» — московского производства: они встречаются во многих монастырях и церквах. Автор «херувима» известен — это был Степан Иванович Полубес, имевший мастерскую в Гончарной слободе (на современной улице Володарского). Изображения на изразцах верхних ярусов колокольни снизу не рассмотреть, видно только яркое пятно. Поэтому иногда употребляли четвертушки сборных изразцов (в

одном из монастырей под Новгородом употреблены даже четвертушки двуглавого орла — государственного герба!).

К концу XVII века монастырь необычайно разбогател (немного позже, в 1744 году, у него было одиннадцать тысяч крепостных) и изумлял современников своим великолепием и красотой. «Церкви божии, — писал один из них,— и град, и кельи, и все строение каменное гораздо стройны». Появились каменные палаты настоятеля (севернее собора; в 1760 г. к ним была пристроена церковь Митрофания), кельи у входных ворот, маленькие больничные палаты с церковью Ильи (1670) и братские кельи, очень длинные и необычные в плане — изогнутые соответственно изгибу стены. Почти все палаты были в три этажа (впоследствии всюду, кроме настоятельских палат, третьи этажи разобрали). В XVIII веке нового уже ничего не строили и занялись переделками.

В 1812 году французы ненадолго захватили город и монастырь, многое сожгли, многое разрушили. Следы

этого разбоя остались надолго. В 1837 году был составлен проект придания всем постройкам «новейшего» вида. Николаевская эпоха словно старалась и древности одеть в казенный мундир. К счастью, эта затея сорвалась, была пристроена только трапезная к собору (взамен старой паперти) да оштукатурены некоторые палаты. Суровый облик монастыря остался памятью о той поре, когда мирный год казался редкостью.

Знаю, что не многим суждено побывать на крыше собора — это не место для экскурсий. А жаль! Долго поднимаешься по лестнице, проходящей в северной стене,— лестнице, похожей на неимоверно глубокую бойницу. Идешь в полутьме, потеряв счет ступеням, локтями задевая стены, сохранившие здесь первоначальную обмазку, плотную, как перламутр. И когда уже начинает казаться, что конца этому не будет, лестница выходит на крышу и попадаешь в удивительный мир. Все воспринимается здесь с первозданной силой и свежестью: белизна собора, синева неба, полоса дальних лесов. Вознесенный на один уровень с верхами колокольни и башен, видишь не только весь монастырь, но и все окрестности. На юго-востоке — Рабушенская слобода. Ее церковь с безупречной точностью поставлена на самом краю обрыва, над Протвой. В этой скромной церкви (1804), сохранившей первоначальный иконостас, собрана целая коллекция деревянной скульптуры: тут и два «Христа в темнице» и несколько «Голгоф» (это композиция из трех фигур — распятый Христос, Иоанн Богослов и Богоматерь). За слободой, тоже на берегу Протвы, Русиново с ее церковью — постройки 1812 года. А на западе, за верхушками сосен, с крыши собора видна великолепная рощинская церковь и обесцвеченные дымкой церкви Боровска и его ближайших окраин.

БОРОВСК-ГОРОД. Дорога в Боровск огибает монастырь и проходит монастырским селом Рощей мимо церкви Рождества, стоящей над Протвой («настоящая церковь», как издавна называли собственно церковь без трапезной и колокольни, построена в 1708 г., колокольня и трапезная — в конце XVIII в.). Сама роща, по которой село получило название, и монастырские пруды — «рыбные сажалки» — остаются по правую руку. Отсюда до Боровска километра три.

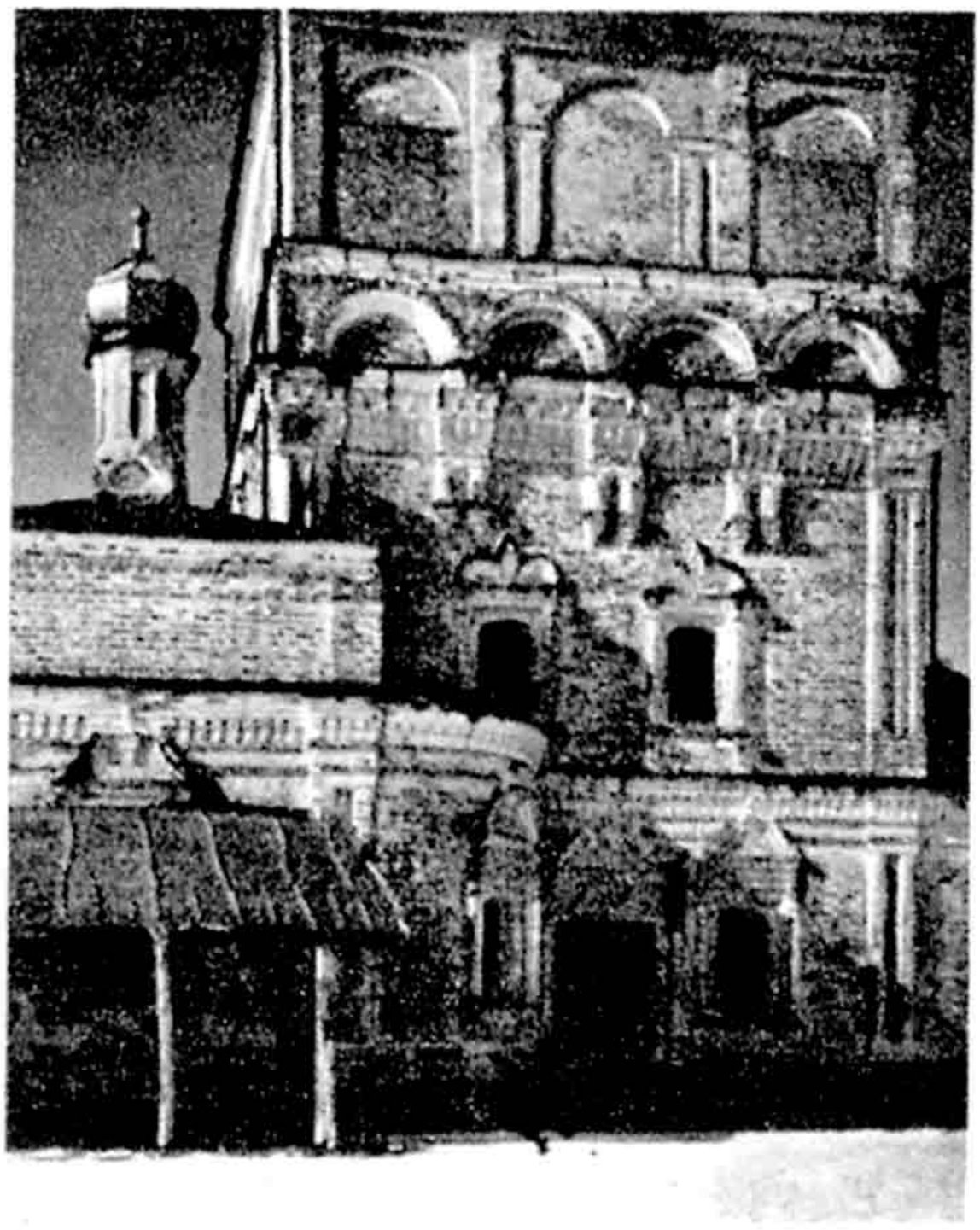
Этот город, в названии которого навсегда осталась его затерянность в лесах, много старше монастыря. Он

Боровск. Городской вал и собор

упоминается уже в XIII веке. Монастырь и был построен, чтобы прикрывать город, подобно тому как прикрывали Москву ее монастыри-крепости. Но Москва разрослась, теперь монастыри оказались почти в центре города. А Боровск остался маленьким городком, и его по-прежнему отделяют от монастыря поля и перелески.

До середины XVI века Боровск много раз переходил из рук в руки, и владельцы его часто враждовали и с Москвой и с другими княжествами. Но со времен Ивана Грозного, присоединенный к Москве, он стал прикрывать дальние подступы к ней. Защищенный самим местоположением, город был хорошо укреплен. Когда в начале XIX века рыли фундамент для «присутственных мест», наткнулись на подземный ход, выложенный из белого камня. Он вел к Протве и служил для внезапных вылазок и добывания воды в случае долгой осады. И поныне сохранился мощный вал, защищавший самую старую часть города.

Боровск. Церковь Бориса и Глеба. 1704. Фото М. Г. Каверзнева

Захваченный в «смутное время» поляками, Боровск за шесть лет их владычества так захирел, что в конце XVII века здесь было всего пятьдесят четыре двора — меньше, чем в селе средней руки. В петровское время он входил в состав Московской губернии, а с 1776 года — в Калужское наместничество. Это административное блуждание из Калужской в Московскую область и обратно продолжалось и позднее, так как город стоит на самой границе областей.

В 1812 году 10 октября Боровск был занят французами — наполеоновская армия рвалась к Калуге. Но уже через три дня судьба войны была решена под Малоярославцем. После ухода французов из восьмисот домов осталось сто двадцать, остальные сгорели.

«Это небольшой городок,— писал о Боровске в самом начале XIX века заезжий путешественник,— лежит в долине, окруженной холмами, самой природой образованными. При подошве их протекает изгибами река Протва,

придающая положению города, и без того уже картинному, много привлекательности и живости». Эта картинная красота Боровска и его окрестностей сохранилась почти не тронутой. Сейчас это обычный современный город, но такой небольшой, что почти отовсюду видно, где он кончается. К счастью, он слишком мал, чтобы здесь «исправляли» природу. Тут больше старались приспособиться к местности, чем приспособить ее к себе.

В силуэте всякого старого города главенствовали церкви. В Боровске с его низкой застройкой это особенно заметно. При самом въезде (на левой стороне Московской улицы) стоит церковь Бориса и Глеба. Если дата (1704) верна, то формы ее немного запоздали (что, впрочем, было обычным для архитектуры провинциальных городов). Традиция XVII века почти нигде не нарушена, разве только в приделе (может быть, более позднем), главка которого стоит не прямо на своде, а на высоком дополнительном четверичке. Позже церковь была надстроена. Эта надстройка — тонкие новые главы — и колокольня 1819 года сделали силуэт ее острее, она не потерялась среди домов, захлестнувших окраину.

От дороги, в том месте, где она прорезает старый крепостной вал, отходит тихая улочка с огородами по левую сторону. За валом виднеются главки собора. От этого безлюдного уголка веет древним Боровском, встречавшим врагов своими мощными укреплениями. Когда-то по верху вала шла дубовая стена с башнями. Она разрушилась уже очень давно, и в начале XIX века справа от въезда было построено уцелевшее до наших дней здание полицейского управления. Где-то недалеко отсюда, на валу, находилась надгробная плита с именами родных сестер (урожденных Соковниных) — княгини Урусовой и боярыни Морозовой (всем известной по картине Сурикова)*. Ученицы протопопа Аввакума, они были сосланы в один из здешних монастырей и умерли почти одновременно. Нельзя не вспомнить здесь и самого мятежного протопопа, одного из наиболее ярких писателей XVII века на Руси: почти два года своего заточения он провел в Пафнутьевом монастыре. Церковные власти пробовали и уговаривать его и морить голодом, но характер у Аввакума был железный.

Аввакум был противником церковных реформ, прежде всего исправления церковных книг, но за этим стояло широкое недовольство царем, патриархом, всем миром духовного и физического насилия. В раскол бежали, как в страну, где можно было жить по-человечески. Конечно,

о расколе в нескольких строках не рассказать. Это было сложное и противоречивое явление. Но сам Аввакум был очень цельной натурой и не замечал ни этих противоречий, ни противоречий в собственных рассуждениях. Фанатическая сила духа и сейчас обжигает в его записках. Неукротимого протопопа сослали в Пустозерск, но он и там не смирился. Кончилось это, как известно, весьма плачевно — Аввакума казнили по мотивам вполне политическим: «за великия на царский дом хулы» (надо сказать, не без оснований — такой критики на царя еще не слыхали на Руси). Аввакум был сожжен, но семена раскола остались. В одном Боровске в XVII веке сожгли тридцать самых «злых» раскольников. Спустя двести с лишним лет, перед революцией, в Боровске семьдесят процентов всего населения еще были старообрядцами. Доныне сохранились здания нескольких старообрядческих церквей, в том числе огромный собор на Московской улице (1912).

Боровск. Вид на окрестности из Высокого →

В той части Боровска, которая занимает высокое и ровное место, архитекторы конца XVIII века ничем не были стеснены и проложили прямоугольную сетку улиц. Здесь же разместился центр города — традиционная площадь с торговыми рядами, зданием присутственных мест, построенных «по образцу, изданному для всех ему подобных по уездным городам России», и собором. К этой площади ведет Московская улица, на которой стояли почти все лучшие дома города. Среди них (по левой стороне) есть дома, построенные еще в XVIII веке, и довольно богатые дома начала XIX века. Они принадлежали купцам — Боровск был по преимуществу купеческим городом, и многие из его купцов ворочали огромными деньгами.

Силуэт собора на центральной площади, его тонкие главы, шпиль его колокольни, построенной в 1819 году, видны издалека. Отделка собора, предельно скромная,— первой половины XVIII века, но под броней штукатурки

могут оказаться детали и более ранние, — по некоторым сведениям, он построен в XVII веке. Все другие церкви Боровска (не считая самых поздних) — времен классицизма. В начале дороги на Красное, на пригорке, у спуска, обходящего крутой обрыв, стоит изящная Спасская церковь (1804; она так и называлась «На Взгорье»). Несмотря на типичную церковную схему, в ее куполе, легком бельведере, огромных окнах живет, как и во всех церквах эпохи классицизма, неистребимая «светскость». Две другие церкви — Христорождественская (1834), колокольня которой обращена в водокачку, и Успенская (1826; на нынешней улице Ленина), купол которой виден из самых разных концов города, — еще скромнее.

Боровск окружен подгородными селами и слободами. Большие города рано или поздно поглощают такие села, о них напоминают только прежние названия. Но в Боровске, былой характер которого хорошо сохранился, даже ближайшие слободы, вроде Высокого, и сейчас расположены на отлете.

Свое название Высокое село получило, конечно, от места — самого высокого в городе. Городской собор кажется отсюда стоящим в низине, а ведь расположен он на холме. В Высоком был некогда очень древний монастырь, из которого ушел на Истерьму Пафнутий Боровский. Но при нашествии поляков он сгорел дотла. В конце XVIII века здесь стояли две деревянные церкви. Одна давно исчезла, а церковь Покрова (начала XVIII в.) уцелела — сейчас это одна из немногих деревянных церквей центральной России. Церковь обшита мелкими досками, а прежде ее мощный сруб со сдвоенными окошками, маленькая шатровая колокольня, тесовая кровля и главки, крытые деревянной чешуей, были, вероятно, очень красивы. После реставрации она, несомненно, станет самым интересным памятником Боровска. Деревья вокруг церкви сильно разрослись, и издалека она почти незаметна. Но вид от нее на окрестности сохранился: для этого еще давно были сделаны просеки. Внизу Протва, на том берегу — окраина города: дома с садами и огородами и среди них — силуэт Борисоглебской церкви. Левее — весь Боровск: крыши домов, церкви, собор. За городом полоса леса. Вдалеке белеет рощинская церковь, а рядом — нечто совсем маленькое: то, что еще час назад было огромным монастырем. За ним уже почти не имеющая размеров точка — церковь Рабушенской слободы. Холодными летними утрами отсюда можно видеть незабываемую картину. Туман редеет, а за монастырем мед-

ленно поднимается солнце. Воздух наполняется гомоном птиц, приветствующих новый день. Есть что-то библейское в этом ежедневном сотворении мира.

Вокруг Боровска сам собой сложился целый заповедник архитектуры начала XVIII века. Здесь есть прекрасные, незаслуженно забытые памятники. Например, село Уваровское, в петровское время принадлежавшее стольнику Философову. От тогдашней усадьбы ничего не сохранилось, кроме церкви Введения (1702), небольшой, но какой-то серьезной и многозначительной. Схема у церкви традиционная: восьмерик на четверике. Колокольня и трапезная (все одного времени) — на одной оси с церковью. Детали тоже традиционные, встречающиеся во многих памятниках петровского времени. Но, несмотря на всю типичность, в церкви есть свой характер и своя выразительность. На ее примере хорошо видно, какое многообразие можно извлекать из сравнительно небольшого арсенала форм и приемов. Замечательна была декорация апсиды — все ее элементы как будто знакомые, а в целом создавалось впечатление необычайной диковины.

Церковь стоит над прудами, образованными речкой Уваровкой. За церковью — старинный парк (в конце XVIII века здесь была небольшая усадьба, принадлежавшая Посниковым). Парк сильно пострадал, но его планировка понятна и сейчас: прибрежная часть, квадраты аллей, внутри которых росли плодовые деревья.

За парком — поля с лентами дорог. Одна из них (на Боровск) — бывший почтовый тракт, по которому осенью 1812 года двинулась на Малоярославец наполеоновская армия. Похожая на огромный проселок, дорога выглядит почти такой же, какой была полтораста лет назад.

У церкви Уваровского есть ближайшая родня — церковь в Комлеве (1712), старинном селе, принадлежавшем Пафнутьеву монастырю, а в XVIII веке — Сенявиным (здесь в 1763 г. родился Д. Н. Сенявин, один из крупнейших русских флотоводцев). Комлево и сейчас еще не слилось с Боровском, хотя расположено совсем рядом.

При всем сходстве с уваровской церковь Комлева крупнее и, пожалуй, суровее. Это безупречный памятник своего времени, чуть-чуть суховатый, но очень величественный. Ее необычный портал со странным, вроде ступенчатой горки, верхом в окрестностях Боровска встречается еще раз в рощинской церкви. Стоит церковь на холме и видна отовсюду. Пейзажу она необходима. Но церковь в таком запустении, что становится страшновато: уже нет ни трапезной, ни апсиды, ни приделов...

Комлево. Церковь Иоанна Предтечи. 1712

Уваровское. Церковь Введения. 1702. Апсида. Фото М. Г. Каверзнева

→

Вид от Комлева очень похож на вид из Высокого, и ему радуешься, как старому знакомому. Снова легко и весело становится при виде этих просторных, давным-давно обжитых мест. Здесь в маленьком русском городе и вокруг него, как и в десятках других наших городов, «дела рук человеческих» не враждебны природе. Здесь пейзаж ожил благодаря архитектуре. Вот о чем думаешь, когда едешь назад, и, как в кинотрюке, раскручивается в обратном порядке знакомая панорама. Гармония возможна. Это и есть одна из самых трудных, самых благородных задач архитектуры.

БЕЛКИНО. Белкино — это старинное село рядом с совершенно новым городом Обнинском. Некогда это была вотчина Семена Годунова, родного брата царя Бориса. В XVIII веке село перешло к Ивану Ларионовичу Воронцову. Двое его братьев сделали головокружительную

карьеру: один был государственным канцлером, другой — генерал-аншефом, но белкинского владельца чины, по-видимому, мало тревожили. Женившись, он вышел в отставку и жил с обычным размахом тогдашнего вельможи — зимой в Москве, а летом в Воронове (на старой Калужской дороге). В Белкино он приезжал только осенью охотиться. «По тогдашнему размашистому масштабу вельможных состояний,— пишет его правнук М. Д. Бутурлин,— о белкинской вотчине (с ее пятьюстами крепостными.—*Е. Н.*) говорили у нас как о сущей безделушке: «un petit coin de terre» («небольшой уголок земли») — и более ничего». Но, одержимый страстью к строительству, Воронцов и здесь построил каменный дом, церковь и насадил регулярный парк.

Потом как приданое за внучкой Ивана Ларионовича Белкино перешло к Д. П. Бутурлину*, хранителю Эрмитажа, владельцу замечательнейшей библиотеки, сгоревшей в 1812 году во время пожара Москвы (часть этой библиотеки — та, что была в Белкине, уцелела). Д. П. Бутурлин полюбил это место. Страстный садовод, он завел здесь оранжереи с огромными померанцевыми и лимонными деревьями и множеством редких цветов.

Усадьба в Белкине действительно небольшая, но очень цельная. Весь ансамбль возник, вероятно, в 80-е годы XVIII века. По «Описанию калужского наместничества» видно, что еще в 1782 году здесь были деревянный дом и плодовый сад. Только церковь построена раньше — в 1773 году, и сейчас еще цела надпись об ее освящении (на стене арки, ведущей из трапезной в церковь).

Глубоко традиционная архитектура церкви прочно связана с московскими памятниками середины XVIII века. Барокко здесь очень умеренное, «без излишеств». Поразительно сходство этой церкви с церковью в Киове, подмосковной того же И. Л. Воронцова. По-видимому, проектировал обе церкви архитектор К. И. Бланк, который много строил для Воронцова как в Воронове, так и в Москве. Впору назвать его «домашним» архитектором Воронцова, если бы то же нельзя было сказать о его отношениях с Шереметевыми, Паниными и другими московскими вельможами.

Церковь в Белкине необычайно узкая, ее северный и южный фасады едва выступают за грань восьмерика. Но только внутри понимаешь, до чего ж она мала. В «настоящей» церкви всего сорок квадратных метров! (Поэтому, да еще и потому, что церковь летняя, устроили в 1815 г. по проекту крепостного архитектора Г. Некрасо-

ва теплый придел.) Интерьер церкви мало связан с наружными формами архитектуры. Даже такая яркая деталь, как овальные окна четверика, для интерьера не существуют — окна фальшивые.

На стенах четверика в начале XIX века была изображена внутренность внушительного здания с коринфскими портиками, не похожего на скромную снаружи белкинскую церковь. Деревянный иконостас с резными обрамлениями икон и капителями в точности похож на эти росписи. Масштаб иконостаса таков, что выглядит он как триумфальные ворота, хотя, в сущности, он совсем маленький. Весь интерьер с его куполом, окруженным нарисованной балюстрадой, больше походит на зал какого-то дворца, чем на церковь. Но ни художников, ни заказчика это, по-видимому, не волновало. Церковных атрибутов почти не было, и в конце XIX века, спохватившись, расписали пространство над окнами библейскими сценами, а вместо кессонов купола изобразили херувимов.

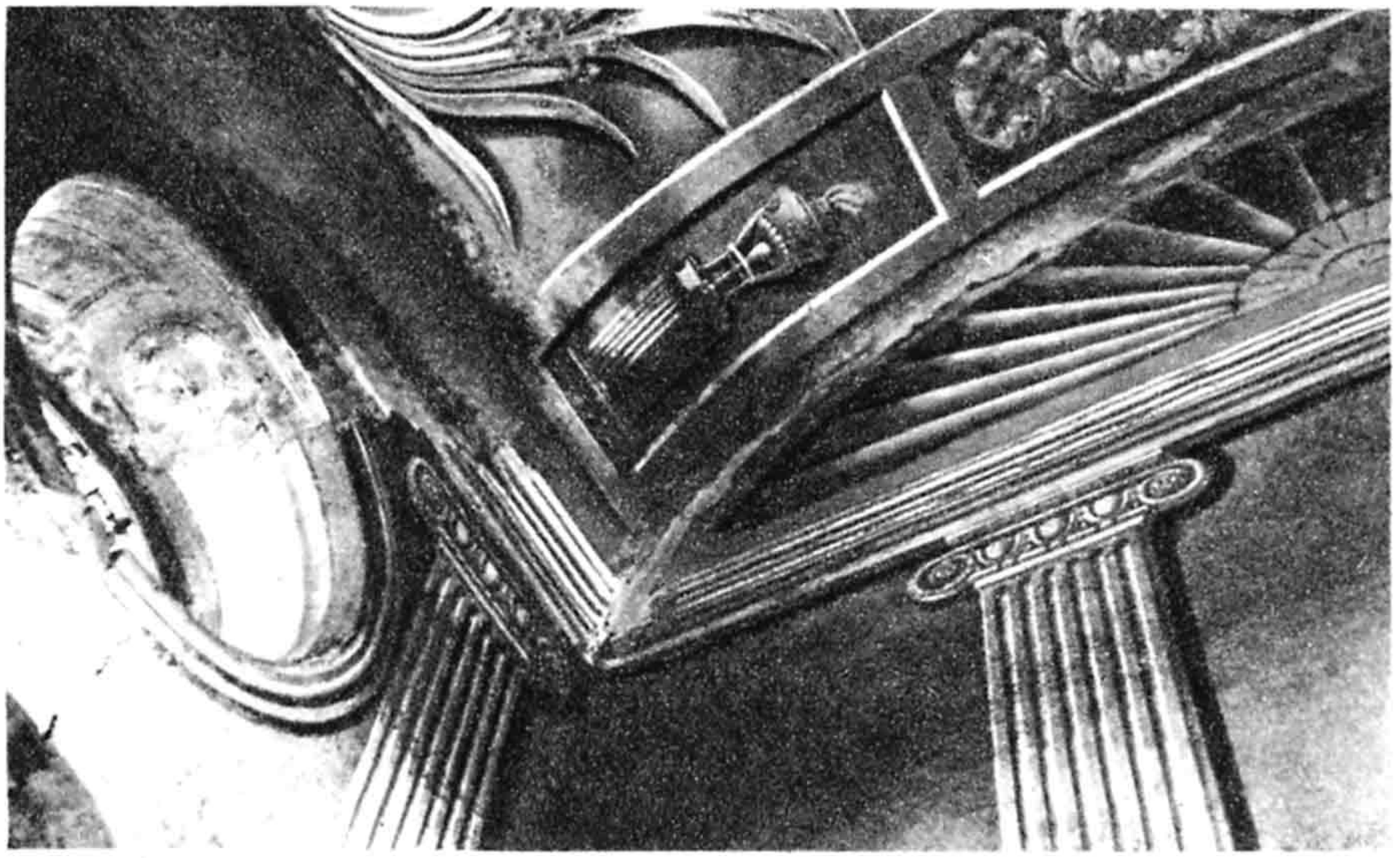
От отделки самого первого периода в церкви уцелела только роспись на откосах окон. Ее автор известен. Это ученик Баженова — Иван Некрасов. Летом 1772 года он «увольнялся» на двадцать девять дней в Белкино, а две недели спустя, «оступясь, упал с подмостков и повредил себя». В делах его именовали «архитекторский помощник и живописный подмастерье», и поступил он в Кремлевскую экспедицию «для писания блафонов».

Дом стоит недалеко от церкви и зрительно тесно связан с ней. Почти кубический, он мало похож на дворцы середины XVIII века, которые почти всегда были развернуты в длину. Но стоит он по-старому — в регулярном парке. Пейзажные, «английские» парки в эту пору только начали входить в моду.

Первое впечатление от дома — это простота. Тут нет ни колонн, ни портиков. Но каждый фасад решен по-своему: на боковых все оси равнозначны (на восточном фасаде при этом их шесть, на западном только четыре), а на главных выделен центр — рустом сверху донизу и балконом, но сделано это очень тактично, чтобы не нарушить монолитности дома. Не в пример многим зданиям в белкинском доме художественный смысл и цельность нигде не подменены пышностью.

Внутри дом тоже был не слишком роскошен, хотя были здесь и росписи, и паркеты, и шпалеры. Двусветный (с двумя рядами окон по высоте) зал был, по воспоминаниям М. Д. Бутурлина, «весь расписан аль фреско

Белкино. Церковь Бориса и Глеба. 1773. Вид с востока ←

Белкино. Церковь Бориса и Глеба. Роспись трапезной. Начало XIX в.

музыкальными эмблемами и разными орнаментами, а на потолке была живопись в большом круге, представлявшая мифологический какой-то сюжет».

В небольшом белкинском парке легко различить несколько районов: самый парадный, регулярный — перед домом, район у большого пруда, район каскадных прудов, наконец пейзажная часть, а в ней — свои уголки. Но при всем том парк удивительно монолитен. Хотя за ним никто не ухаживает, но и сейчас он не утратил своей живописности и былого обаяния.

От площадки перед домом, посреди которой рос когда-то огромный, видный за многие версты вяз, «начинался,— пишет Бутурлин,— регулярный стриженый сад из старых лип, посаженный белкинским основателем графом И. Л. Воронцовым. Этот сад шел прежде уступом до большого пруда, отделявшего всю господскую усадьбу от деревни. Главная аллея разветвлялась с обеих сторон боковыми, также стрижеными, а иные из них (внутренние)

до того густо заросли сверху, что солнце не проникало через зеленый свод. Недоставало лишь фонтана и статуи, чтобы придать этой части сада дворцовую грандиозность». Сад этот, конечно, давно утративший чисто регулярный характер, хорошо сохранился.

Английская часть парка, устроенная, а скорее всего переделанная из «полурегулярного» района, вероятно в самом начале XIX века, начинается сразу за каскадными прудами. Объединяет английский сад длинный «язык» — ответвление большого пруда. Район у двух нижних прудов служит как бы переходом от регулярной части к пейзажной.

Церковь находится за пределами парка (граница парка, как обычно, это ров с невысоким валом). Но зрительно церковь с ним тесно связана: поставленная на верхней террасе, она часто видна в разрыве деревьев. Рядом с церковью служба (вероятно, ее ровесница). Проезд ее служит воротами в парк. Отсюда к оврагу спускается

Белкино. Дом и верхний пруд
←

крутая дорожка. Она приводит в тихий, заросший уголок. Сделав большой полукруг, дорожка вливается в просторную солнечную поляну, которую в XIX веке называли «покат». Сюда выставляли летом деревья из оранжереи и здесь устраивали чаепития.

В конце аллеи снова оказываешься перед мостиком через ручей и видишь наверху в конце дорожки маленькое здание с высоким фронтоном. С запоздалым изумлением понимаешь, что это торцовый фасад той самой службы, через которую входили в парк. И только тогда вполне осознаешь, как мал этот уголок парка и как много в нем разнообразия.

СПАС-ЗАГОРЬЕ. Когда я проезжаю мимо Спас-Загорья, которое виднеется слева от шоссе (на 112-м *км*), я невольно начинаю улыбаться, и это уже превратилось в привычку: в силуэте церкви, в ее главах, слетевшихся, как

стайка птиц, на крутую крышу, есть какая-то беззаботная праздничность.

В XVII веке Загорье принадлежало Б. И. Лыкову, восстановившему после 1610 года собор Пафнутьева монастыря, и называлось Спасское-Лыковщина. Но церковь построена в самом конце XVII века, вероятно, уже при его внуке — последнем из рода Лыковых. Она стоит на крутом берегу Протвы, в ее излучине, возвышаясь над крестьянскими домами. Природа здесь не броская, и без церкви это место было бы каким-то потерянным.

В целом это обычный памятник конца XVII века, еще очень традиционный и по плану и по конструкции. Необычна только постановка шатровой колокольни* — ребра ее восьмерика ориентированы по странам света (как в колокольне Пафнутьева монастыря). Самая живописность церкви глубоко традиционна. Но есть в ней заметный привкус нового — в самих пропорциях церкви, капризности силуэта.

Спас-Загорье.
Преображенская церковь.
Конец XVII в.

←

Музыкой весеннего праздника звучат кресты Загорья. Это вообще одна из ярчайших страниц нашего прикладного искусства, до сих пор еще недостаточно оцененная. Без кружева крестов нельзя представить ни одну церковь конца XVII века, в том числе и Загорье — они не просто завершение, но важнейшая деталь ее образа. Центральный крест — трехметровая махина, умышленно преувеличенная по отношению к главе, снизу выглядит как ювелирное произведение.

Церковь Спас-Загорья сохранила все внутреннее убранство, а это встречается не так уж часто. Иконостас, вероятно, времени последнего крупного ремонта (1885), но «царские врата» с виноградным древом остались от XVII века. На иконах ризы первой половины XIX века, холодные, но изысканные. Напрестольная сень и приделъчик, выгороженный в трапезной, середины XVIII века, с небогатой, но хорошей резьбой. А в северном приделе стоит крошечный иконостас конца XVIII века с

резьбой, похожей на лепнину, и тоненькой решеткой царских врат. Деревянная скульптура «Христос в темнице», вероятно, ровесница церкви. В маленькой нишке сидит этот крестьянский Христос в терновом венце. В позе его безмерное терпение и готовность все вынести. Наверное, на него и были похожи те безвестные мастера, которые вырезали его и вложили в этот труд свое бесхитростное представление о справедливости и душевном мужестве.

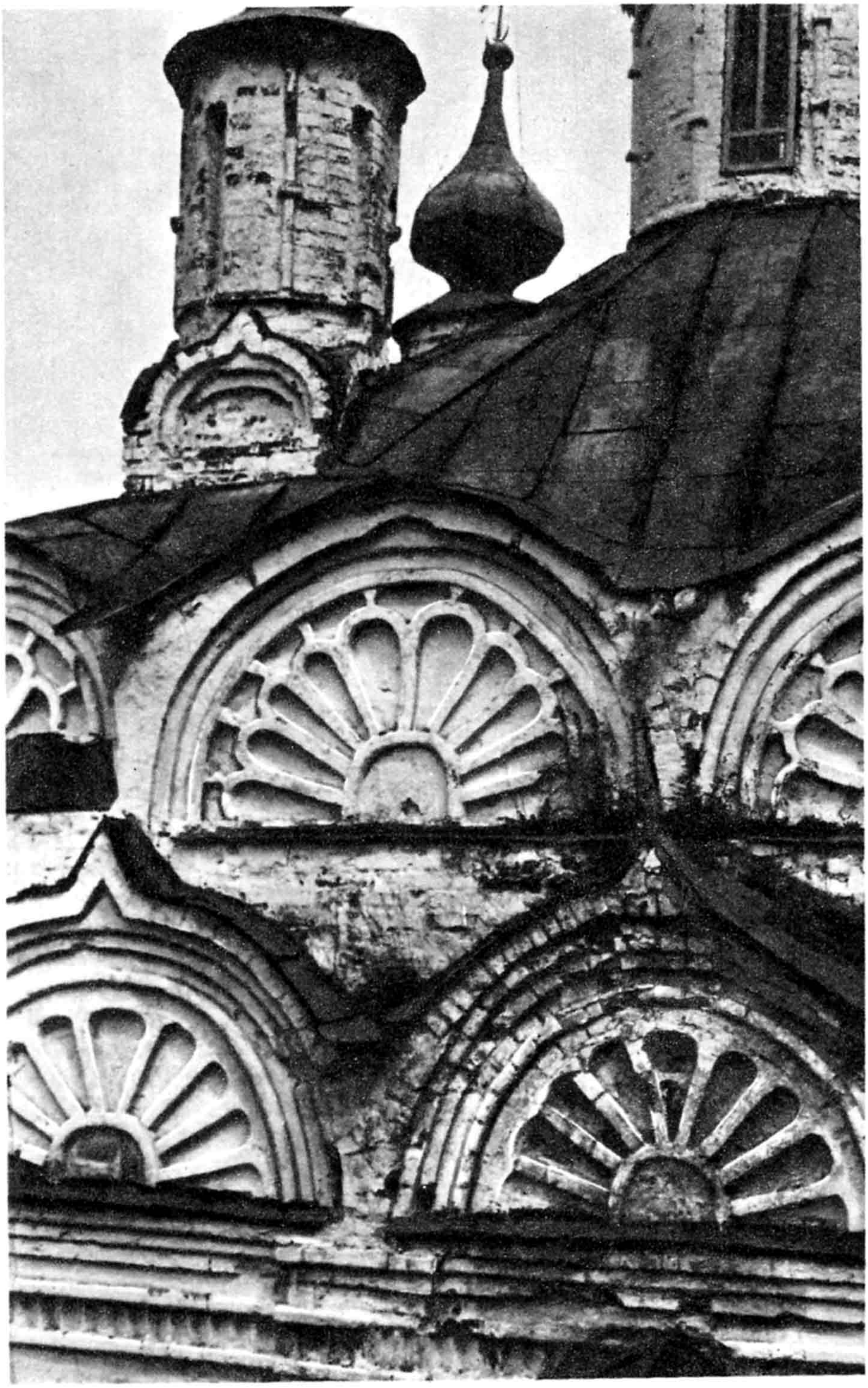
Неподалеку от села калужская дорога пересекает Протву. 11 октября 1812 года здесь произошло небольшое событие, очень характерное для этих героических дней. Заслышав канонаду, крестьяне Спас-Загорья и соседней деревни Нарышкино (сейчас слившейся с Загорьем), думая, что это французы, разобрали мост. Но это была русская армия, двигавшаяся к Малоярославцу, где уже шел ожесточенный бой. Времени, чтобы исправить промах, было в обрез, и мужики, разобрав несколько изб,

Спас-Загорье. Кокошники Преображенской церкви →

построили из них переправу. В память об этом в 1962 году у поворота на Спас-Загорье поставлен небольшой камень с надписью.

ТРУБИНО. По берегам Протвы, впадающей в Оку, недалеко от Серпухова, издавна стояли богатые села и усадьбы: Загорье, Федоровское с прекрасной маленькой церковью 1716 года, Трубино, Ильинское с одной из самых ранних церквей этого края (середины XVI в., сейчас сохранился только ее придел и шатровая колокольня конца XVII в.), Троицкое — знаменитая усадьба Е. Р. Дашковой, президента Академии наук и Российской академии. Трубино сверкает и среди этого богатства, но его мало кто знает.

Некогда в Трубине была вотчина К. О. Щербатова, крупного воеводы, участника многих походов и сражений, одного из тех, кто командовал подавлением разин-

Трубино. Воскресенская церковь (1674) и Знаменская церковь (1692, справа). Фото М. А. Ильина. 1930-е гг.

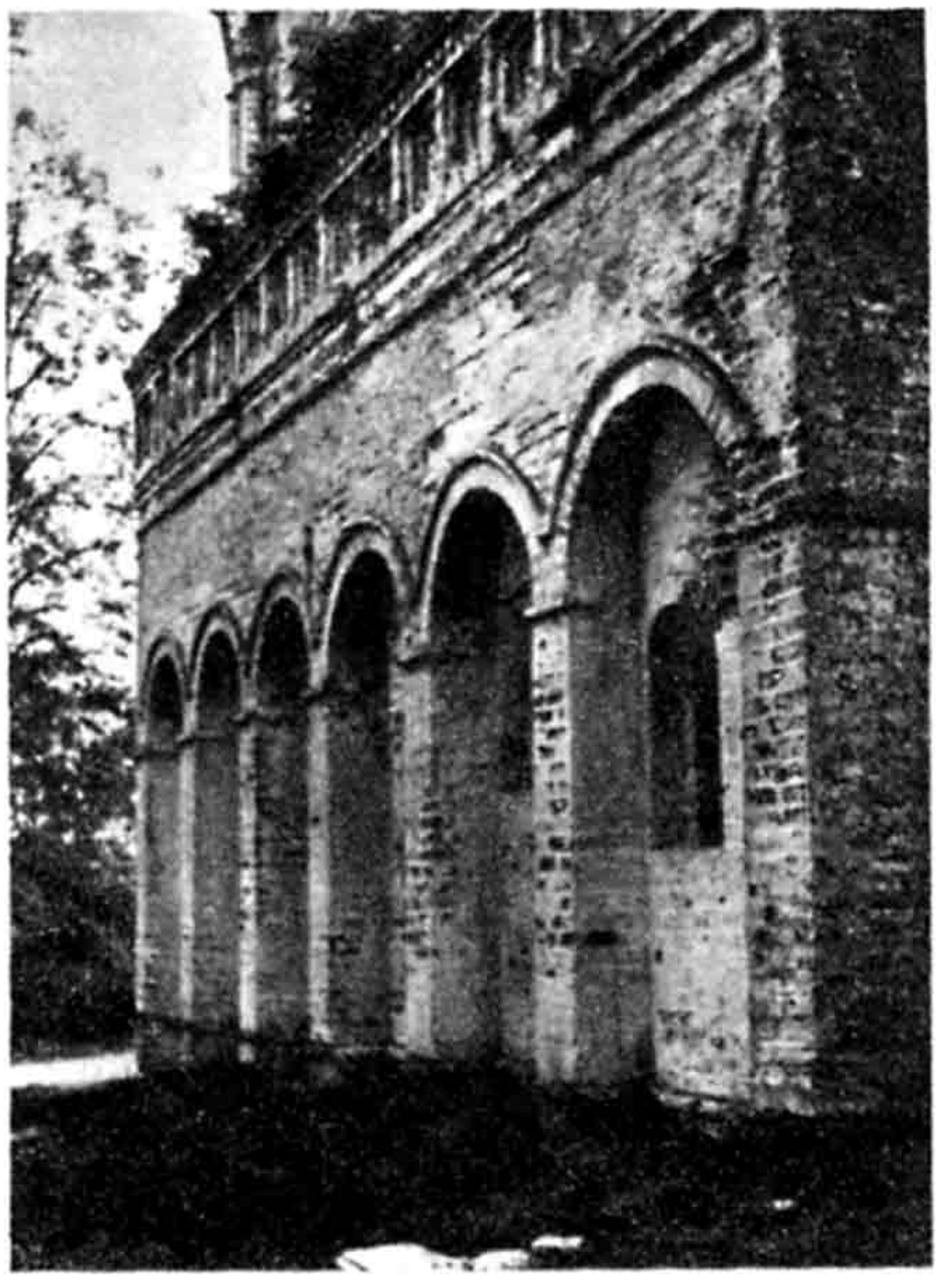
ского восстания. После ратных подвигов и расправ он жил здесь в своих хоромах, связанных галереей с церковью. Он очень заботился о благочестии: на его деньги возведена колокольня Пафнутьев-Боровского монастыря, в своей усадьбе он построил две каменные церкви — Воскресенскую (1674) и Знаменскую (1692), а старую деревянную церковь Трубина пожертвовал в Малоярославец.

Церковь Знамения — один из ранних памятников того типа, который можно бы назвать привычным термином «нарышкинское барокко», если бы этот термин не был явно тесноват для всех подобных церквей. Ближе всего к ней Покровская церковь Ново-Девичьего монастыря и, как ни странно на первый взгляд, два прославленных памятника: церковь в Троицком-Лыкове (на Москве-реке) и московская церковь Успения на Покровке. Но церковь в Трубине проще, в ней поражает ощущение чего-то неустоявшегося. В крошечной соседней церкви Воскресения все глубоко традиционно и до конца завершено.

Знаменская церковь моложе ее всего на двадцать лет, но сколько событий произошло за это время! В 1674 году Петру I было два года, а спустя двадцать лет, позади было уже и Преображенское, и бегство в Троицкую лавру, и победа в борьбе с Софьей. Три года оставалось до Азовских походов (куда стариком ходил и К. О. Щербатов) и пять лет до поездки Петра за границу. Жизнь стала круто меняться. Трубино — живое воплощение этого времени.

По сравнению с многосложными объемами «нарышкинских» церквей Знаменская церковь очень проста. Этажность спокойно уживается здесь с ярусностью. Центральная глава — колокольня (схожая с завершениями колокольни Пафнутьева монастыря и Высоко-Петровского монастыря в Москве) поставлена на сомкнутом своде и проходить к ней надо прямо по крыше. Формы церкви — наличники, главки, порталы—значительно проще и традиционней «нарышкинских». Но подобно тому, как слова

Трубино. Апсида Знаменской церкви

меняют смысл в зависимости от того, в каком тексте встречаются, здесь эти формы уже почти не кажутся традиционными. Вместо апсид нижней церкви снаружи сделано нечто поразительное — галерея, вросшая, так сказать, в стену. Некоторое подобие апсид едва выглядывает между пилонами. С северной стороны церкви существовало гульбище (сломанное в конце XIX в.). Оно было крупнее, чем декорация, возведенная у апсид,— с большим шагом и большой высотой арок. Гульбище нетрудно восстановить: следы его примыкания хорошо видны, а фундаменты наверняка откроются при раскопках.

В плане церковь кораблем. Она и впрямь чем-то похожа на корабль. Внизу мощный сводчатый подклет, где были два алтаря и общая одностолпная трапезная. Стены необъятной толщины с крошечными окошками, разбросанными с полным пренебрежением к симметрии. Основная церковь — во втором этаже, и при ней своя трапезная. Верхний храм — маленький, двусветный, с крошеч-

Малоярославец.
Никольский монастырь.
Вид с площади. Слева
Боровская дорога
и городище

ным алтарем и рядами голосников в сомкнутом сводике. Трапезная необычайно ладная, со звездчатым от распалубок сводом. Откосы ее окон обведены валиком: это нехитрое украшение придает окнам парадность и уют одновременно. В окнах были когда-то переплеты из белой жести со слюдой вместо стекол. Интерьер вышел удобный и совсем светский — русский быт стал, понаслу еще робко, уходить от средневековья.

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ. НИКОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Это был очень древний (основан в XIV в.), но почти неизвестный за пределами двух губерний городок в двести домов. И вдруг история ворвалась на его порог, и сожженный город стал известен всему миру. Это было 12 октября 1812 года. Судьба войны решилась в Малоярославце, которому суждено было стать «пределом нападения и началом бегства и гибели врагов».

Сейчас это по-прежнему маленький городок, через который проходит дорога на Калугу. В нем несколько домов начала XIX века, присутственные места (здание горсовета) и почтовая станция, где останавливался Н. В. Гоголь*. Две церкви: Казанский собор 1708 года (в нем сейчас кинотеатр), где до недавнего времени существовала доска над погребением отца А. Н. Радищева, и церковь Иоанна Предтечи 1772 года с домиком причта (направо от шоссе по дороге в Кариж — крошечный погост с церковью 1701 г.). Прекрасной сохранности городище (против монастыря), где стоял некогда деревянный острог (крепость). Многочисленные памятники 1812 года: музей, остатки редутов, несколько монументов и братские могилы русских воинов — близ музея и на старом кладбище.

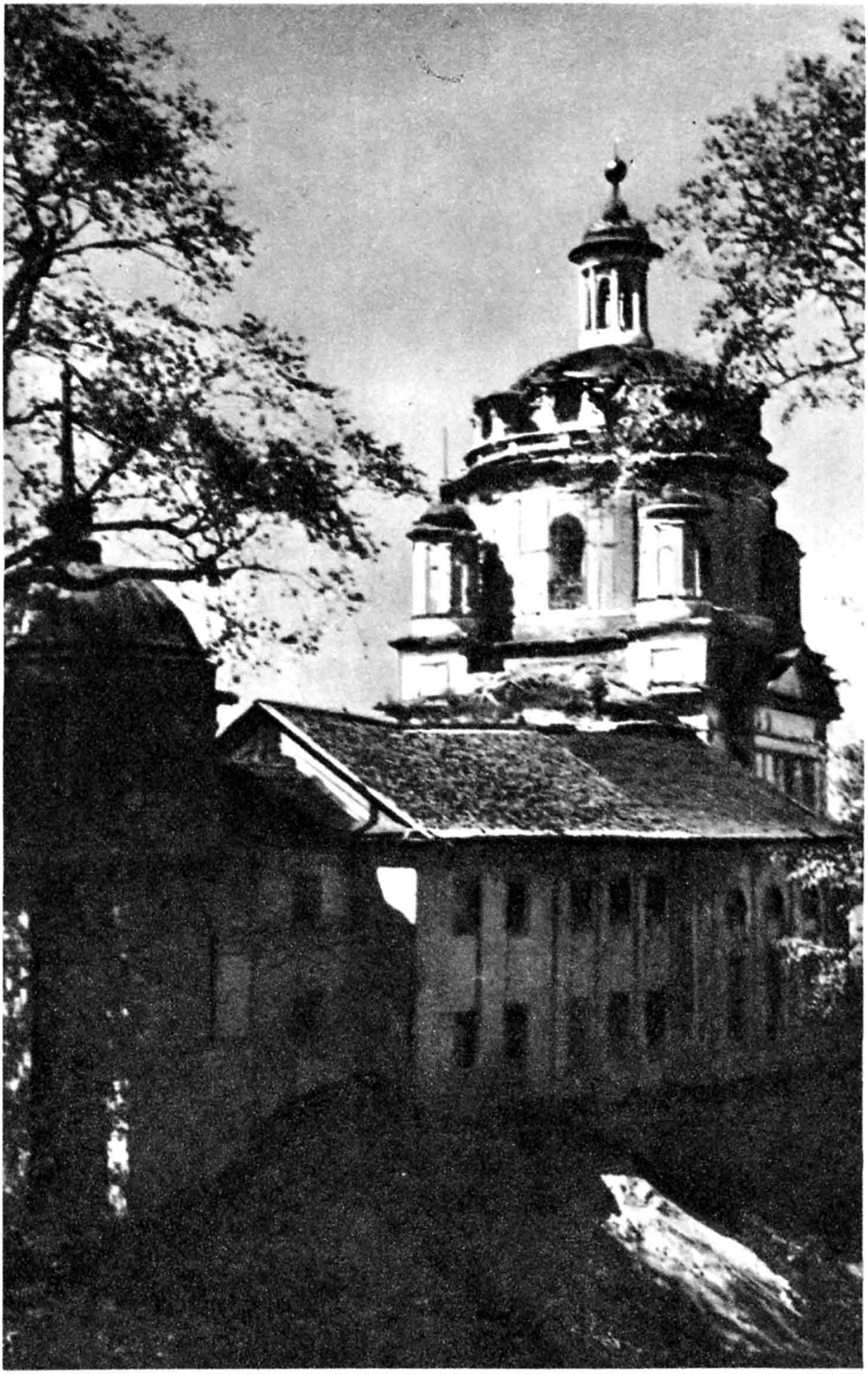
Но есть на восточной окраине города удивительный памятник сражения 12 октября 1812 года — Никольский Черноостровский монастырь. По дороге, проходящей у стен монастыря, французы много раз устремлялись в

Малоярославец.
Никольский монастырь.
Вид со стороны прудов.
Слева Корсунская
церковь (1813), за ней —
Никольский собор
(1823—1843).

⟶

город и много раз были отброшены назад, к реке. Монастырь был сильно разрушен, стены и ворота его изъязвлены ядрами и картечью (впоследствии Николай I запретил их ремонтировать, а к столетию сражения на воротах была укреплена доска с надписью «язвы 1812 года»).

Судьба монастыря была неразрывно связана с судьбой города. Основанный еще в XVI веке (вероятно, князьями Оболенскими), он вместе с городом пережил литовскую интервенцию и долгое время был захудалым монастырем, едва сводившим концы с концами. В 1775 году монастырь совсем закрыли, и возродился он только двадцать пять лет спустя благодаря богатейшему московскому купцу Целибееву, который в течение десяти с лишним лет жертвовал в монастырь огромные деньги. На его средства и началось в 1801 году строительство братских келий и хозяйственных построек, а в 1810 году настоятель доносил, «что более ни в каком строении вновь нужды не предвидится». А через два года разразилась Отечест-

Кариж. Церковь Покрова. 1701. Вид со стороны Малоярославца

венная война, и третьеразрядный монастырь стал «вековечным памятником события, великого и в малом месте», как патетически выразился один из его историков.

В память победы при Малоярославце и построен Никольский собор. Это был давний русский обычай отмечать крупные события возведением храмов. Деньги на строительство давали гвардейские полки и казаки, жители разных городов — все, кому дорога была память о двенадцатом годе. В 1818 году уже была готова нижняя церковь, но в 1822 году строительство было внезапно остановлено и собор разобран до основания. Говорили, что из-за неравномерной осадки появились трещины в фундаменте. Но, может быть, честолюбивый настоятель, пока шло строительство, решил, что внезапная слава монастыря требует и собора необычайных размеров и величия. В 1823 году был заложен новый собор по новому плану. Говорят, что в одном из документов монастырского архива упоминался автор этого собора — известный

архитектор А. Л. Витберг, друг А. И. Герцена. Больше об этом пока ничего не известно, но Александр I интересовался после Отечественной войны Черноостровским монастырем, а Витберг пользовался его покровительством и был в это время в зените славы. Собор строился больше пятнадцати лет; быть может, поэтому в его облике так сильны черты более позднего времени. Закончен он был в основном к 1839 году, а освящен несколькими годами позже — 26 августа 1843 года, в годовщину Бородинской битвы. С той поры в монастыре уже не строилось ничего нового, не считая корпуса между двумя восточными башнями.

С небольшой площади, на которой разыгралось первое действие драмы 12 октября, виден весь монастырь. Это целый «город в городе». Внешнее кольцо монастырских стен охватывает «предместье», как удачно выразились в одном старом документе. Сам монастырь занимает сравнительно тесную территорию — три площадки, уступами спускающиеся в сторону реки. В древности он весь, вероятно, и умещался в этих границах. На самой верхней площадке стоит все, что уцелело от колокольни,— ее нижний ярус со «святыми воротами». Законченная в 1821 году, она имела еще два яруса. Рядом с колокольней теплая Корсунская церковь, освященная в 1814 году. Башенка, выходящая к прудам, служила своеобразным притвором церкви. С другой стороны колокольни — больничный корпус (1813).

Следующая площадка расположена гораздо ниже, и с верхнего уступа прямо во второй этаж собора ведет переход, начинающийся сквозной аркой. Слева и справа от собора — трапезная и настоятельский корпус (закончены в 1810 г.), а за ними, на нижней площадке,— тесный «житный двор»: склады, погреба, квасоварня, дровяные сараи — словом, хозяйственный двор монастыря.

Собор властвует надо всем безраздельно, а ведь стоит он ниже многих построек — на средней площадке. Он так огромен (47 *м* высоты), что поначалу, кроме него, ничего не воспринимаешь. В облике его есть какая-то чудовищность. Его трудно вместить и в воображении и в кадре видоискателя. Если подбирать звуковой эквивалент собору, то это будет могучий рев медных духовых инструментов, быть может, не очень стройный, но очень внушительный. Полутонов в нем нет, точнее, их не замечаешь. Оторвавшись от могучего цоколя, тысячепудовая громада без пауз и передышек набирает высоту, пока не успокаивается в гармоничных формах купола. В

архитектуре собора допущены непростительные ошибки: пилястры на апсиде останавливаются, ни во что не упираясь, карниз чрезмерно мал для огромных полуколонн, и т. д. и т. п. Но, странное дело, чувствуешь, что ничего здесь нельзя поправить без того, чтобы не изменить весь образ собора. Цельность, в конце концов, важнее этих погрешностей, да и сами они кажутся не то что преднамеренными, но вполне естественными.

Сквозь измельченные детали 30-х годов, особенно заметные в обработке барабана, проступают другие черты: безукоризненные пропорции купола, его легкий бельведер, прекрасно прорисованные люкарны (окошки в куполе). Все это кажется пришедшим совсем из другого времени — конца XVIII века, времени кристально чистых памятников казаковской школы. Для собора, проектировавшегося в 1823 году, в этом нет ничего удивительного — эти две эпохи были связаны между собой, как отцы и дети.

Часами можно бродить по монастырю, по его дворам и дворикам. Здесь много неожиданных, порой нечаянных, а чаще глубоко продуманных перспектив и видов — то вид от Боровской дороги сквозь трое ворот и арку перехода, то перспектива узкой улочки между собором и Корсунской церковью или виды из монастыря на окрестности. «Малые формы» — ворота, башенки, лестницы — устроены с любовью и разнообразием. И все это многообразие объединено собором.

В послезакатный час, когда детали собора меркнут в полумраке, его связь с лапидарными и торжественными памятниками конца XVIII века становится еще более заметной. На ум приходят державинские строки:

«Гремит орган на стогнах трубный,
Пронзает нощь и тишину».

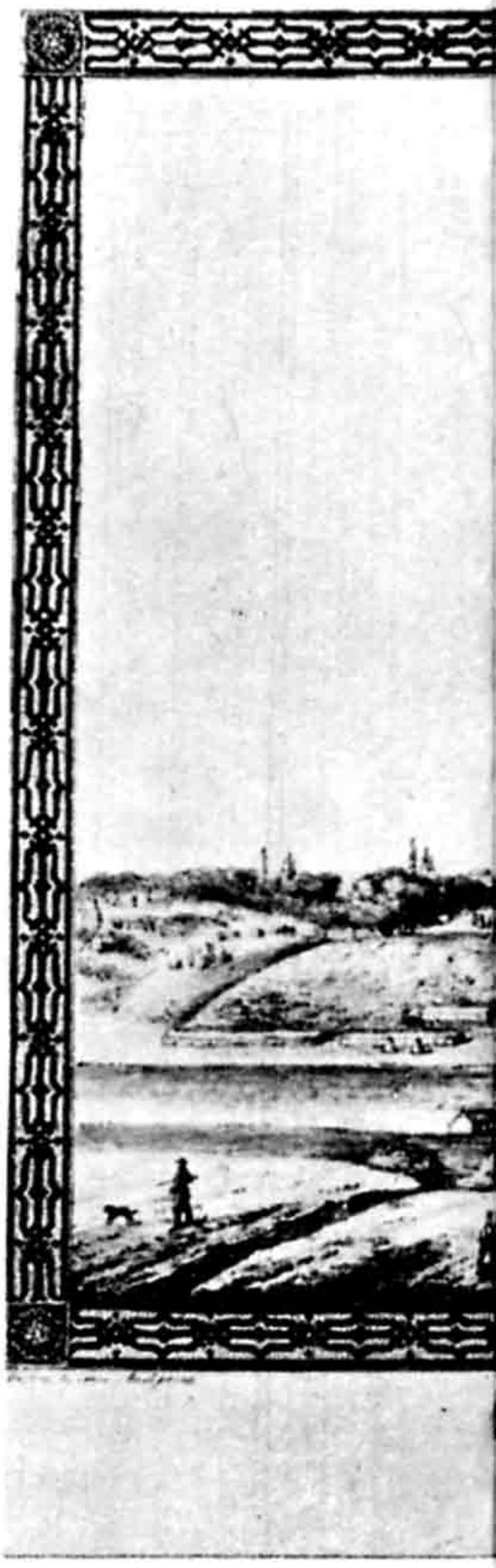
Пусть никогда не умолкает этот орган, как никогда не умолкнет память о 1812 годе.

2. Вокруг Калуги

«МИЛАЯ КАЛУГА». Поздний вечер. Конец лета. Я сижу в парке над рекой и вглядываюсь в нечто непонятное на том берегу. Оказывается, это костер, который разожгли мальчишки. Воскресенье, но в парке уже ни души. Только неутомимый репродуктор разносит песню. Я невольно вслушиваюсь — и изумляюсь: «Здравствуй, милая Калуга, город юности моей». Чудеса! «Милая Калуга» — лучшего названия для нее не придумаешь.

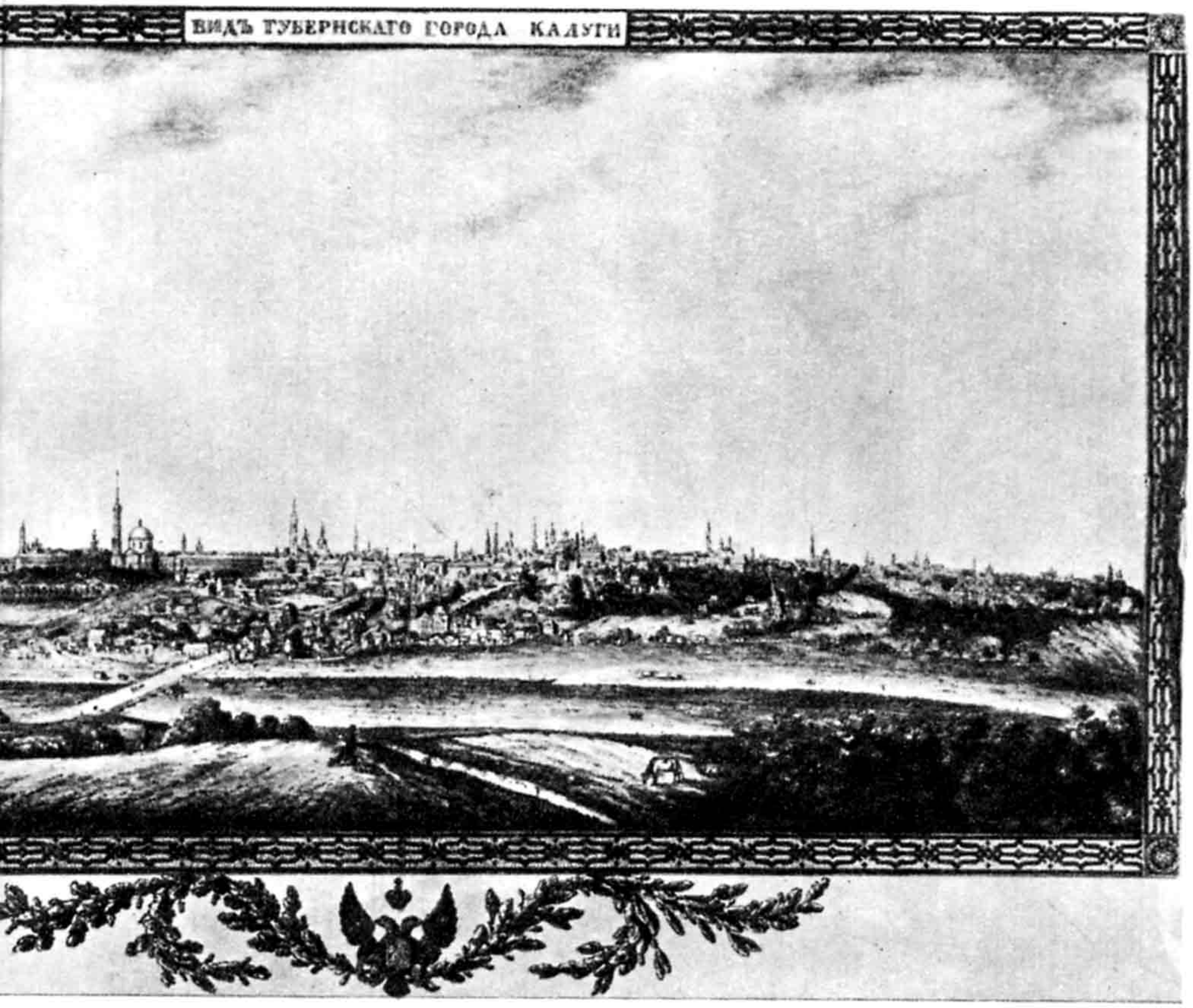
Многим полюбился этот небольшой город на Оке. «Мы любовались Калугой»; «Мало таких городов в Московском государстве»; «Губернский город Калуга может назваться прекрасным»; «Ежели смотреть отсюда [из-за реки] на город, он имеет вид прямо величественный»; «Город очень красив... Все так хорошо, что едва ли есть другой столь хороший губернский город»,— вот что писали в разные годы о городе, самое имя которого всегда служило символом провинции.

В ту пору, когда я впервые поехал в Калугу, мои представления о провинции, сложившиеся в основном по дореволюционной художественной литературе, были весьма смутными, и я ожидал увидеть... сам толком не знаю что, но что-нибудь беспорядочное, несуразное. А увидел чистый, умытый утренней росой город, центр, похожий на маленький Ленинград, цветущие сады, Оку и парк над обрывом — словом, город ясный и звучный, как поэтическая строфа. С той минуты я и полюбил Калугу, и теперь уже ясно, что эта любовь никогда не пройдет.

Калуга. Вид из-за Оки.
Литография К. Тромонина.
1837

Почти в каждом древнем городе есть хоть несколько памятников, ради которых люди едут иной раз многие сотни верст, замирая при мысли, что в гостинице не окажется мест. Есть такие памятники и в Калуге: палаты Коробовых, мост через овраг, гостиный двор, усадьба Золотарева. Но всего важнее — это она вся, весь ее облик, то непосредственное впечатление прекрасного старого города, которого никогда не заменят ни описания, ни картины, ни старые фотографии. Не раз мне казалось здесь, что я вижу оживший чертеж XVIII века и что сбывается фантастическая мечта всякого, кто с любовью разглядывал старые гравюры и литографии: войти в изображение, увидеть то, чего не вместили его тесные рамки. Однажды это осуществилось почти буквально: я шел вечером в гостиницу одним из переулков, мимо церкви Георгия за Лавками. Переулок упирался в удивительную улицу (Софьи Перовской), сплошь состоящую из старых домов. За ними в мутном закате высилась колокольня собора,

видная почти с любого места этого района. Странная мысль, что я уже встречал однажды этот вид, не давала мне покоя весь следующий день, пока в музее я не натолкнулся на литографию, сделанную точно с этой точки почти полтораста лет назад.

История Калуги сложилась так, что архитектура ее сравнительно молода, хотя сама она — древний город. Памятники XVII века сейчас можно пересчитать по пальцам. Облик Калуги определила архитектура конца XVIII — начала XIX века, когда Калуга стала богатейшим торговым городом, центром наместничества, а потом губернии.

Калуга — это город русского классицизма. Здесь работали первоклассные архитекторы: П. Р. Никитин — один из крупнейших русских градостроителей, потом И. Д. Ясныгин — ученик Баженова. В начале XIX века его сменил Н. Соколов. Каждый последующий архитектор глубоко вникал в работу предыдущего и продолжал его дело.

Калуга. Улица Декабристов (Георгиевский переулок). Слева церковь Георгия за Лавками. Вдали собор

Вероятно, поэтому Калуга и стала таким цельным городом.

Есть одна удивительная особенность в облике Калуги. С тех пор как возникли на земле города, заслонившие природу от людей, человечество мечтало о том, что когда-нибудь оно вырвется из их каменных мешков. Мечтой стали города-сады. Но такие города существуют! Средние города России (о маленьких [illegible] говорить) никогда не теряли связи с природой. В центре Калуги почти нет улиц, которые не заканчивались бы загородным видом. Тишина полей и лесов окружает этот город. Сразу за маленькой Яченкой, впадающей в Оку, начинается знаменитый «бор» — огромная сосновая роща, куда по воскресеньям перебирается полгорода, как, вероятно, и сто лет назад. Несмотря на это, бор мало похож на место массовых гуляний. Здесь свежо и чисто. Золотые стволы сосен уходят в небеса. Часами можно лежать и слушать их вечный шум, самый спокойный шум на свете.

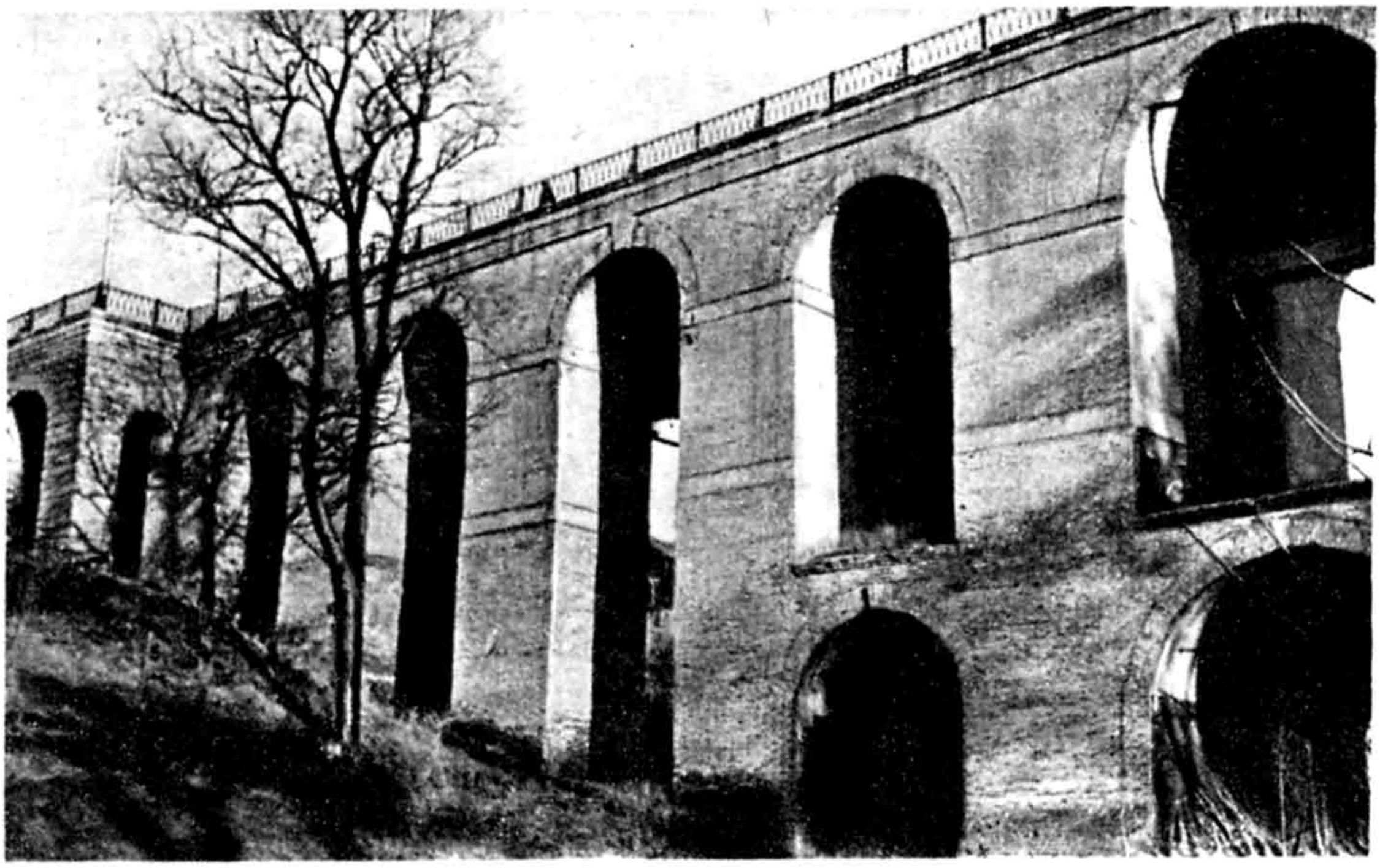
Калуга — типичный город на большой реке. Связь старых городов с рекой определялась, конечно, не одними художественными замыслами: река была главной дорогой, поила и защищала. Но выбрать место по реке, надежное и красивое,— это наши предки умели! Калуга стоит так, как стоят усадьбы времен классицизма: в излучине реки, на возвышенном и обрывистом берегу. С этого берега, с площадки городского сада, видны дальние леса и Ока, которая, медленно извиваясь и блеща на солнце, скрывается за холмами.

На площадке всегда толпится народ. Здесь место встреч и ожиданий, а многие, как и я, просто приходят сюда любоваться привычным, никогда не надоедающим видом. Напротив города — деревушка с ласковым названием «Ромодановы дворики», посреди ее — небольшая церковь. Для Калуги эта церковь имеет первостепенное значение: она одна противостоит целому городу, и без этого привычного ориентира правый берег Оки стал бы безлюдным.

Как и во всяком древнем городе, основные высоты в Калуге заняты церквами. Они скрепляют город, с их помощью приезжий легко найдет дорогу, ими замыкаются многие улицы (особенно эффектно это выглядит, когда улица доходит до оврага и продолжается уже за ним, поднимаясь в гору). Церкви видны из многих дворов, придавая им ту поэзию, которую уловил Поленов в своем «Московском дворике». Калуга вообще очень похожа на Москву, ту Москву, которая ушла уже безвозвратно в прошлое. Это сходство отмечали современники еще в начале XIX века.

В облике Калуги много такого, что встречалось чуть ли не в каждом из русских городов. Но во всей России нет, вероятно, второго такого памятника, как мост через Березуйский овраг (построен П. Никитиным в 1780 г.). Римский виадук в центре России, фантазия Пиранези — вот что такое калужский мост. Овраг очень глубок, и когда спустишься по его зеленым склонам к ручью, бегущему по дну, и подойдешь к устоям моста, невыразимо огромным, начинаешь понимать, мечтой о какой архитектуре жила эта эпоха, и радуешься, что эта мечта столь необыкновенно осуществилась в обыкновенном русском городе.

Свой план, простой и ясный, в котором улицы, параллельные Оке, соединяются с древней радиально-кольцевой планировкой, Калуга получила в 1778 году. В этом плане нет ничего надуманного, он умело связан со сложным

Калуга. Мост через Березуйский овраг. 1780

рельефом и в нем нашлось место и старым памятникам, и оврагу, и великолепному ансамблю центра.

Почти всех, кто видел Калугу в начале XIX века, поражало обилие в ней каменных домов. Богатая Калуга застраивалась быстро и к 1809—1810 годам, когда на смену прежним типовым проектам пришли новые, город был почти отстроен. Во второй половине прошлого века он обеднел, следовательно, его почти не испортили переделками.

От конца XVIII и начала XIX века здесь сохранились целые улицы и кварталы. Все сдержанное разнообразие таких улиц составляют рядовые дома, рядовые даже в собственном смысле слова, скромно стоящие в ряду других домов, столь же скромных. Но архитектурное воспитание этой поры таково, что лучший дом Калуги стоит в застройке с той же примерной скромностью. Об этом доме нельзя не рассказать. Это блистательная страница истории нашей архитектуры.

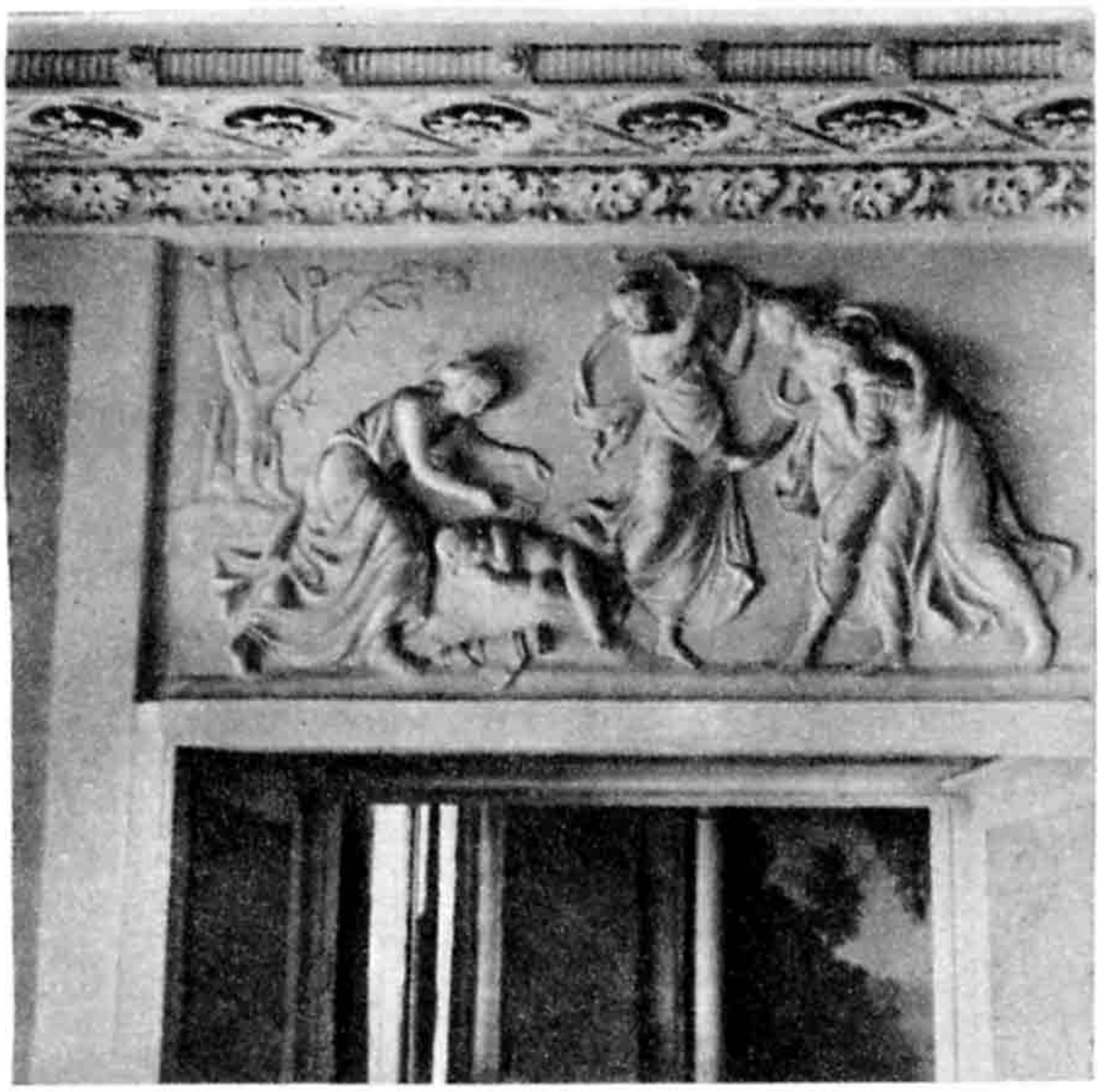

Калуга. Дом Золотаревых. 1806—1808. Фонари у подъезда

В России много старинных дворцов богаче дома Золотарева, но очень немногие дают, как этот, такое полное представление о культуре эпохи, которая взрастила Пушкина. Сколько раз сменились за минувшие полтораста лет и моды и вкусы, но вечная молодость этого дома не померкла. И не должна померкнуть.

Дом (точнее, городская усадьба) купца Золотарева стоит на замечательном, хотя и неприметном месте. Из его окон видны долина Оки, тихая Пушкинская улица (на нее выходят парадные комнаты), живописный овраг, корпуса присутственных мест, собор, церкви в зелени садов. Видно, что город любили и умели им любоваться.

Эта усадьба (с 1922 г. в ней бессменно помещается Краеведческий музей) сохранила множество мелочей, нигде больше не уцелевших. Вероятно, нигде (кроме разве Ленинграда) нет уже больше старых фонарей у крылец, нигде нет булыжных мостовых с узором в крупную клетку (а в пушкинское время так был замощен весь Петер-

Калуга. Дом Золотаревых. Барельеф в большой гостиной

бург) или кабинетика, который «зеленью расписан в виде рощи»,— словом, всего, что осталось только на старых чертежах и на страницах книг. Все это как будто мелочи, но значат они гораздо больше, чем кажется на первый взгляд: они придают городу те полутона, без которых он так же немыслим, как немыслима русская поэзия без поэтов «второго ряда». Даже «презренная проза» — конюшни и каретный сарай — здесь превращена в поэзию. Все наполнено гармонией, чувством масштаба, уважением к людям.

Это памятник московской школы, но в нем очень естественно соединилось все, что есть самого обаятельного в Калуге. Для своего времени (1806—1808) в доме нет ничего необычного: его формы типичны для архитектуры допожарной Москвы. Но как из одинаковых слов слагаются непохожие фразы, так из одних и тех же форм русского классицизма, к этому времени отточенных до совершенства, возникало бесконечное разнообразие.

Бесценные сокровища хранят интерьеры дома Золотаревых, полные барельефов и росписей. Это целый музей декоративного искусства. Здесь собраны почти все барельефы, встречающиеся в «маленьких дворцах» Москвы, уцелевших от пожара 1812 года: «Времена года», «Музыка», «Танец», античные мифы — и все это «в исполнении XVIII века».

Четыре барельефа над дверьми анфилады составляют единый рассказ. Сначала амуру поклоняются и куряг фимиам (в буквальном, а не в нынешнем смысле), а когда он засыпает в типичной ребячьей позе под деревом, крадут у него лук и стрелы. Эту сценку можно поместить среди иллюстраций к поздним стихам Державина:

«Ходя в рощице тенистой,
Видел там Эрота я.
На полянке роз душистой
Спал прекрасное дитя.
Сквозь приятный сон умильный
Смех сиял в лице его,
Будто яблочки наливны
Рделись щеки у него.
Почивая безоружным
Снежной грудью он блестел
По ветвям над ним окружным
Лук спущенный, тул* висел».

На последнем барельефе обезоруженный, прикованный цепью к статуе Минервы (простая аллегория — любовь побеждена разумом) амур горько плачет и ломает руки.

Как в стихах Державина, дыхание реального мира чувствуется за античной формой этих барельефов, предельно обобщенных, но полных наблюдательности и страстной любви к жизни.

Все богатство, весь блеск декоративного искусства подчинены в золотаревском доме архитектуре — «сему главнейшему из искусств», как говорится в одном из учебников архитектуры XVIII века. С изумлением видишь, что скромным задним комнатам, куда не заглядывал, наверное, глаз постороннего, уделено столько же любви и внимания, сколько и парадным залам. Кто выдумал странную легенду о том, что от русского классицизма веет холодом? Возвышенность и теплота — вот образ золотаревской усадьбы.

С тех пор как в доме разместился Краеведческий музей, интерьеры дома и музей не могут ужиться друг с другом. Интерьеры «выталкивают» экспозицию — первое время смотришь не на нее, а только на архитектуру,

росписи, барельефы. Но экспозиция мстит дому: интерьеры раздроблены, росписи или закрыты или полузакрыты, о многих из них посетители даже не догадываются. Происходит это потому, что, в сущности, никакого «постороннего» назначения дому не придумаешь: он сам по себе музей, и единственно, что здесь может быть — это музей художественно-бытовой (бытовой потому, что быт вызывает к жизни и архитектуру и прикладные искусства), подобный «Старому домику», существовавшему перед революцией в Петербурге, или «Музею 40-х годов», созданному в 1919 году в Москве. Это был бы уникальный музей русской культуры начала XIX века, в нем всеми красками засверкали бы прекрасная мебель, посуда, бронза, блекнущие сейчас в сумбурной экспозиции краеведческого музея. Такой музей должен стать делом общерусским: слишком мало у нас памятников, подобных золотаревскому дому, и совсем нет музеев русской культуры. Не живописи, скульптуры или мебели, а именно русской художественной культуры в целом. Ибо синтез искусств и составлял ее сущность — как раз об этом и говорят интерьеры дома.

В Калуге много черт провинциализма именно в том смысле, что она не копировала столицу. Природный ландшафт Калуги нивелировался только в самых необходимых случаях. Не устраивали никаких набережных. С удивительным тактом сохранили овраг, он и сейчас остался одним из самых милых мест в городе. Зеленые спуски к реке, неровности рельефа — все это кажется естественным, но за этим стоит глубокая осмысленность художественного облика города.

Судьба Калуги не может не тревожить. Город быстро растет, и его легко испортить! Испортить из самых благих побуждений. Как сберечь незабываемый вид города? Как сохранить неповторимость его районов? Как сочетать благоустройство и живописность? Слишком много уже и сейчас промахов. Грозным предостережением уже красуется на берегу оврага, заслонив белый свет и ни с чем не считаясь, промышленная махина.

«Калуга — город-музей», — писали сравнительно недавно в одной из центральных газет. В музее надо быть осмотрительным. А главное — надо, чтобы центр Калуги действительно стал музеем-заповедником. И сделать это надо немедленно, пока еще не поздно.

Как все старые города, как и Москва когда-то, Калуга кончалась сразу у заставы. С московской стороны город очень разросся, но со стороны дороги на Медынь и сей-

час, как и раньше, кончается у Яченки. Проедешь по косому спуску Смоленской улицы, последняя церковь убежит назад, прогремит мост, дорога пойдет вдоль Оки, и вот уже город, будто провожая, глядит вам вслед.

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД. Почти все тридцать километров до Полотняного дорога идет лесом. Первый раз леса расступаются у деревни Мстихино, а второй — у поселка, который называется «Лев Толстой» (а район — Левтолстовским!). Это бывшая Тихонова пустынь — один из самых богатых монастырей губернии. Богатство и погубило его архитектурный облик. В 1880—1890 годах — худшее для русской архитектуры время — он был почти полностью перестроен (собор 1886 г., последней закончена колокольня — 1894 г.). От прежнего монастыря осталось очень немного: два корпуса начала XIX века, участок ограды с зубчиками по верху, псевдоготическая юго-западная башенка и ярусные пруды, окруженные живописной рощей. Огромная пятиярусная колокольня монастыря видна за пятнадцать-двадцать километров, иной раз из самых неожиданных мест.

Сразу за железнодорожным переездом, в лесу, лежит старинное сельцо (то есть деревня с барским домом, но без церкви) — Бегичево. Здесь сохранилась усадьба начала XIX века: дом, службы и парк. И только километрах в пяти от Полотняного дорога пойдет по местам высоким и открытым.

Странное у этого места название, словно вывеска предприятия. В сущности, так оно и есть. В 1718 году калужский купец Карамышев построил на берегу реки Суходрев полотняную и бумажную фабрики и вдохнул жизнь в тихий, замкнутый со всех сторон лесами погост. Его прежнее название — «Взгомонье» — постепенно забывалось, и поселок стали называть по имени фабрики. В деле у Карамышева было два компаньона: его племянник Г. И. Щепочкин и «калужский посадский» А. А. Гончаров. Карамышев вскоре умер, а спустя несколько лет между компаньонами произошел «полюбовный раздел». Гончаров, которому досталась львиная доля, сумел развернуться вовсю. Через пятьдесят лет калужский «горшечник» был уже крупным вельможей, имел множество заводов и фабрик, несколько усадеб, дома в Москве и в Калуге и мог похвастать тем, что с ним когда-то переписывался Петр I, а в его доме в Полотняном останавливалась Екатерина II.

А

Б

В

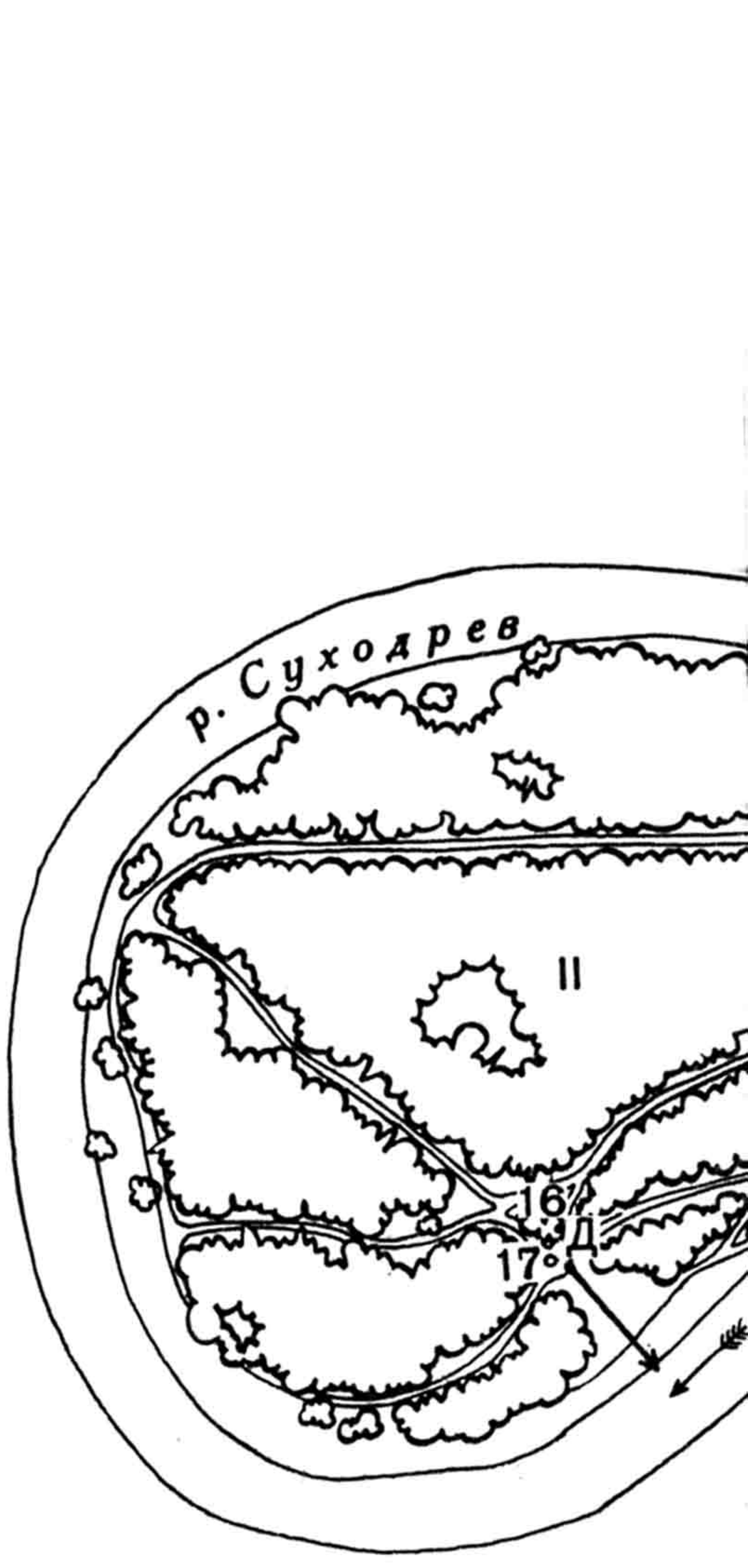
Усадьбы Полотняного завода
(обмеры Г. Г. Оранской, Ю. А. Веденина и Е. В. Николаева)

I. Регулярный парк; II. «Большой сад»; III. «Нижний сад»; IV. Территория фабрики.

Усадьба Гончаровых
1) Главный дом; 2) Терраса с подпорной стенкой; 3) Служебные корпуса. XVIII в.; 4) Спасские ворота. Середина XVIII в.; 5) Фундаменты церкви Спаса; 6) Ворота конного двора. Середина XVIII в.; 7) Конный двор; 8) Каменная ограда; 9) Фундаменты оранжереи; 10) Ворота в парк. Середина XVIII в.; 11) Пруды; 12) Плотина; 13) Дамба «Нижнего сада»; 14) Елизаветинская (Пушкинская) аллея; 15) Группа сосен; 16) Группа деревьев на развилке; 17) Место Пушкинской беседки;

Усадьба Щепочкина
18) Главный дом; 19) Службы. XVIII в.; 20) Постройки XVIII в. на фабрике.

Стрелками обозначено направление основных видов

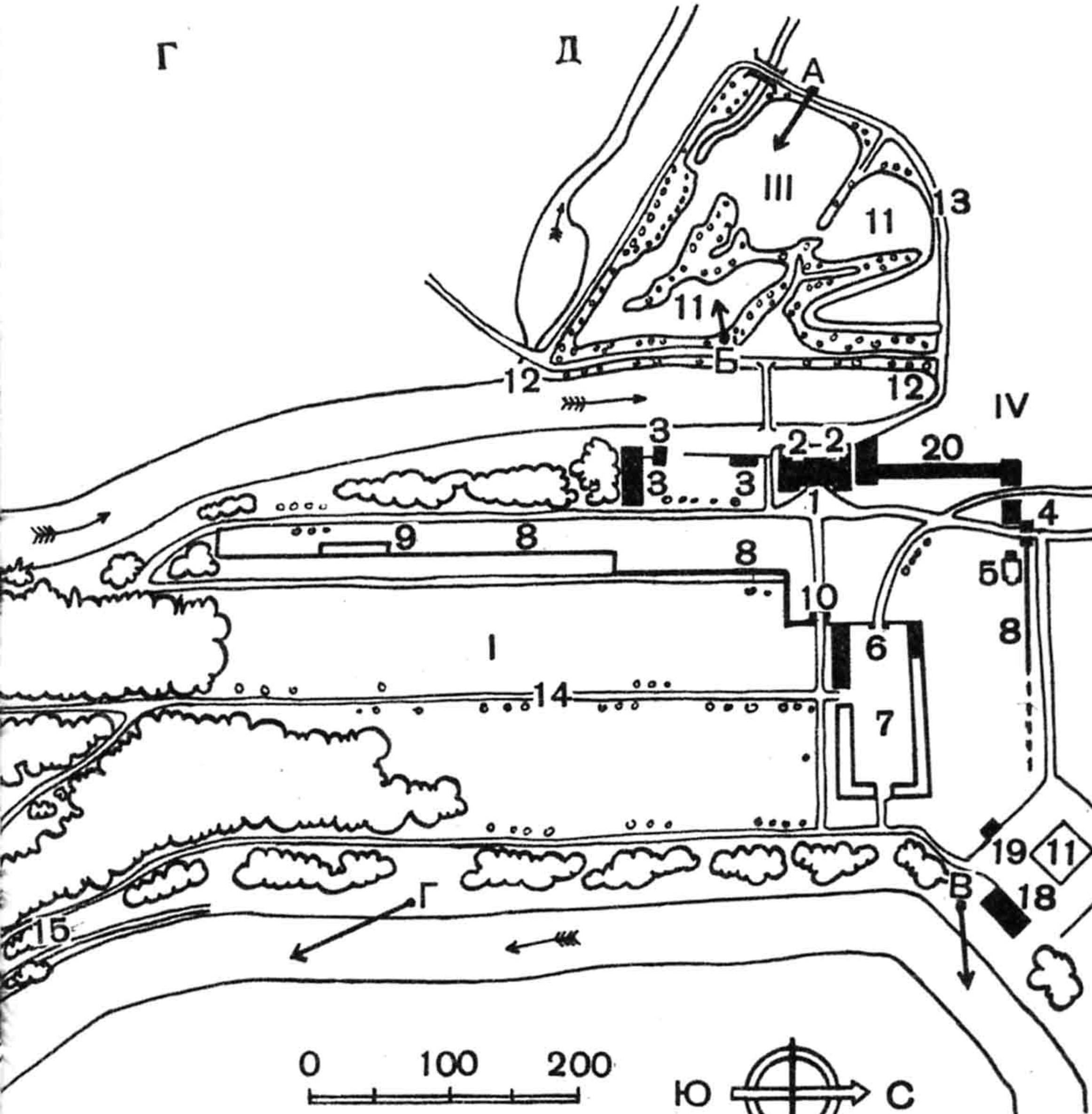

Г

Д

А
III
11
13
11
Б
12
12
IV
3
3
3
2-2
20
1
4
9
8
8
10
Б
8
I
6
14
7
19
11
В
18
19
Г
15
0
100
200
Ю
С

Афанасий Абрамович умер в 1784 году восьмидесятипятилетним стариком. Сын пережил его ненадолго, и усадьба перешла к Афанасию Николаевичу Гончарову — деду жены А. С. Пушкина. Выросший на всем готовом, дед Натальи Николаевны быстро промотал огромное состояние. Его внучка была выдана замуж за Пушкина фактически бесприданницей, вернее, с приданым, на котором лежал огромный долг.

В середине октября 1812 года в усадьбе помещался Главный штаб русской армии. Полотняным заводом помечено одно из писем Кутузова. Комната Кутузова была в третьем этаже, в левом, если смотреть со двора, ризалите.

Навсегда освящен для нас Полотняный завод именем Пушкина, который жил здесь дважды — в 1830 и 1834 годах. В первый раз он приехал сюда еще женихом и был представлен Афанасию Николаевичу — главе гончаровского дома (душевнобольной отец Натальи Никола-

Полотняный завод. Вид дома Гончаровых до перестройки. Конец XVIII в. Реконструкция автора

евны в делах участия не принимал). С этим приездом связана история, доставившая Пушкину немало хлопот. В подвалах гончаровского дома много лет лежала статуя Екатерины II, отлитая в Берлине в 1782 году. Пушкин прозвал ее «бронзовая бабушка». Афанасий Николаевич купил статую в 1800-х годах, собираясь поставить в Полотняном в память приезда императрицы. Но ко времени пушкинского сватовства установить статую владельцу было уже не под силу. Он решился продать ее на переплавку. Пушкин сперва хлопотал об этом перед шефом жандармов, но потом, разглядев ее, усовестился губить «прекрасное произведение искусства» (как он выразился в одном из писем). Ему удалось организовать комиссию из виднейших русских скульпторов, и статую решено было пощадить. Много лет спустя (в 1846 г.) она была установлена в Екатеринославе*.

Вторично Пушкин приезжал в Полотняный в августе 1834 года, спасаясь от казенного ликования по случаю

открытия в Петербурге Александровской колонны. Афанасий Николаевич к этому времени уже умер. Владельцем заводов стал родной брат Натальи Николаевны — Д. Н. Гончаров, исправный чиновник, ездивший в 1829 году с русской миссией в Персию и разбиравший там бумаги посольства. От него Пушкин и узнал страшные подробности гибели Грибоедова.

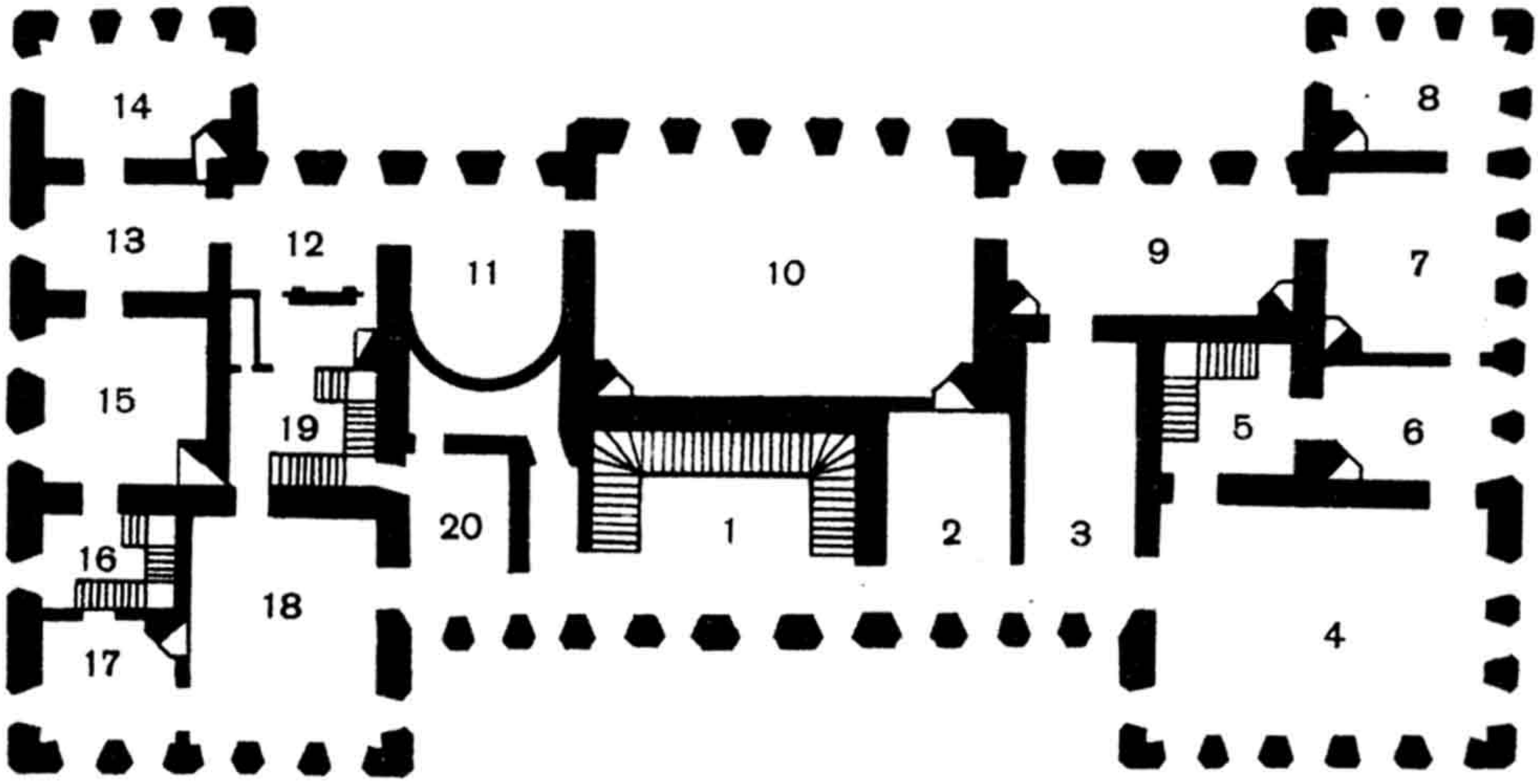
В этот раз Пушкин прожил в Полотняном две недели. Он поместился в летнем так называемом Красном доме, стоявшем на берегу П-образного пруда, а работал во дворце, в кабинете Д. Н. Гончарова (окна кабинета выходят на северный фасад — третье и четвертое окно от канала — ответвления Суходрева). Страстный библиофил, Пушкин с наслаждением рылся в огромной, хоть и довольно бессистемной гончаровской библиотеке (сохранился перечень восьмидесяти двух книг, которые он прочел или собирался увезти с собой). Как и четыре года назад, он каждый день начинал прогулкой по парку. Здесь, «в уединеньи величавом», ему, вероятно, впервые за многие месяцы ничто не мешало работать.

В последние годы жизни Пушкин не забывал Полотняного, мечтал даже поселиться здесь вдали от двора, от столицы. Но сделать этого он так и не сумел. После его гибели здесь несколько лет жила Наталья Николаевна.

На рубеже XIX и XX веков заводу еще раз суждено было сослужить службу русской культуре. В 1898 году здесь жил А. В. Луначарский, сосланный в Калугу. Он очень полюбил этот «очаровательный уголок Калужской губернии» и его хозяев: Д. Д. Гончарова (которого он в своих воспоминаниях назвал «нашим дорогим товарищем») и его жену — артистов оперного театра Зимина. (Познакомился он с Д. Д. Гончаровым еще в Петербурге, в одном из марксистских кружков.) В Рабочем театре Полотняного выступали и О. Л. Книппер, и Е. Ф. Гнесина, и сами хозяева. Полотняный в это время, по словам Луначарского, превратился в настоящие маленькие Афины. Говорят, что в подвалах дома печатались революционные прокламации.

Шли годы. Наступил зловещий сорок первый. Война нанесла усадьбе страшные раны: дом был сожжен, парк истерзан, деревья вырублены. Но остов дома и сейчас возвышается над прудами.

Даже по понятиям XVIII века, знавшего огромные дворцы, дом очень велик. «Палаты, куда меня привезли, поразили меня огромностью, богатством и великолепием»,— писал один из гончаровских гостей. Дом стоит бок о бок

Полотняный завод. Дом Гончаровых.
План второго этажа:*

1) Парадная лестница; 2) Прихожая; 3) Биллиардная; 4) Зал; 5) Служебная лестница; 6) Лакейская; 7) Кабинет; 8) Комната при кабинете; 9) Столовая (малая гостиная); 10) Большая гостиная; 11) Китайская (диванная); 12) Екатерининская (парадная) спальня; 13, 14) Комнаты хозяйки; 15) Детская; 16) Служебная лестница; 17) Кабинет; 18) Спальня (девичья); 19) Лестница в 3-й этаж; 20) Проходная

с фабрикой. Основателя усадьбы такое прозаическое соседство не смущало: фабрика была его гордостью (гончаровская бумага считалась лучшей в России), она сделала его дворянином и одним из первых богачей.

«Большой дом» был закончен, скорее всего, в конце 1760-х — самом начале 1770-х годов**. (В 1773 г. в доме велись какие-то работы, быть может, доделки, а в 1775-м в нем уже принимали Екатерину II.) На старых фотографиях это довольно прозаическое здание, больше похожее снаружи на какое-то официальное учреждение, чем на дворец. Но первоначальный облик дома был совершенно иным. Это был пышный, сперва красный (цвета сурика), а потом лазоревый дворец, с богатой и живописной отделкой фасадов. После смерти Афанасия Абрамовича его внук взялся за переделку дворца. Вкусы деда ему казались, вероятно, наивными. Дом перепланировали, появились фигурные печи, росписи плафонов, стен и т. д. Дом стал роскошным новомодным дворцом, но прежнее

великолепие фасада на полтораста лет было скрыто под штукатуркой.

Трудно в пустых объемах полуразрушенного дворца узнать былые залы и гостиные, известные нам по старым фотографиям и картинам художника А. Средина, автора первого исследования о Полотняном заводе. От внутренней отделки сохранились только печи третьего этажа, лепные карнизы да открытые недавно под поздней закладкой необычайно нежные росписи откосов окон. Но удивительное дело: былой характер дома и сейчас прекрасно чувствуется — это был величавый и холодноватый дворец, пронизанный анфиладами.

Второй этаж дома был, как всегда, этажом парадным. По-настоящему жилых комнат тут всего несколько. Хозяева и многочисленные гости жили в третьем этаже, где комнаты были сравнительно невысокими и простыми. «Печи в пестрых изразцах» были почти единственным их украшением. В первом этаже, перекрытом сводами, помещались «людские», кухня и т. п., а за железной дверью одной из комнат, защищенный сводами от пожара, бережно сохранялся гончаровский архив. Центральное место среди комнат парадной анфилады, окнами выходящих в парк, занимала просторная гостиная, где собирались вечерами хозяева и гости. Бывал здесь и Пушкин, не раз рассматривая, наверное, портреты, которыми увешаны были стены. Трезво и зло, с гордостью сжав в руке письмо Петра I, глядел на него основатель усадьбы. Многих из этих людей Пушкин хорошо знал, с иными была трагически связана его судьба. Вплоть до революции в доме хранились портреты сестер Натальи Николаевны и убийцы поэта — Дантеса, женившегося незадолго до роковой дуэли на старшей из них — Екатерине. Большинство этих портретов находится ныне в музеях Пушкина в Москве и Ленинграде и в Калужском музее. Старинная мебель (малая часть того, что было в доме) собрана в московском музее Пушкина и в Краеведческом музее Калуги. Архив Гончаровых составляет сейчас отдельный фонд Центрального Государственного архива древних актов.

Интерес ко всему, что связано с Пушкиным, долгое время оставлял в тени вторую усадьбу Заводов — усадьбу Щепочкина*. Между тем дом Щепочкина — один из самых ярких памятников русского искусства конца XVIII века, и судьба его сложилась несравненно счастливей, чем судьба гончаровского дома. Сведения об истории этой усадьбы чрезвычайно скудны. Раздел между

Полотняный завод. Дом Щепочкина. Вид со стороны реки

А. А. Гончаровым и его компаньоном произошел в 1735 году. Г. И. Щепочкину досталась треть имущества, а это было немало. Его состояние еще больше возросло после удачной женитьбы на Н. П. Демидовой — дочери крупнейшего русского заводчика.

Дом Г. И. Щепочкина поставлен над рекой, на самом краю обрыва. Ясным, белым объемом он отчетливо рисуется на фоне далей. Суходрев делает здесь сильный поворот, и открывается вид вдоль реки, теряющейся у горизонта. Второе такое место найти трудно не только в Полотняном, но и во всей Калужской области — удивительное сочетание простора и уюта. Фасады дома поражают различием настроений и чувством масштаба: дворовый фасад спокоен, прозаичен, а фасад в сторону реки полон возвышенной красоты. Портик неспроста устроен именно с этой стороны: его крупные колонны видны издалека. Дом почти лишен украшений, но кажется необычайно нарядным и изысканным.

Землемеры, составлявшие в 1782 году атлас Калужского наместничества, оставили такое описание обеих усадеб Полотняного завода (Гончаровых и Щепочкиных): «Два дома каменные, при домах четыре сада, два регулярные с плодовитыми деревьями, два иррегулярные с неплодовитыми деревьями, двенадцать прудов». Таким образом, в 1782 году дом Щепочкина уже существовал. Позже он был, вероятно, капитально перестроен, так как современный его облик и вся внутренняя отделка принадлежат 1790—1800 годам.

Всего четверть века отделяет этот дом от гончаровского, но для русской культуры это целая эпоха. Державин, автор громоподобных од, в 1797 году писал: «Петь откажемся героев и начнем мы петь любовь». Человек с его неповторимым внутренним миром, его личные симпатии и домашние радости становятся важнейшей темой искусства. Как ни наивны кажутся нам страдания «бедной Лизы» или домик-«шале» в императорском парке, самое противопоставление людей простых, нечиновных миру всеподавляющей государственности было далеко не наивным. Монархии это было противопоказано.

Искусство с жадностью восприняло важнейшую мысль Ж.-Ж. Руссо о связи человека с природой. Дом Щепочкиных неразрывно связан с прекрасной в своей безыскусственности русской природой. Перемены коснулись и интерьеров: дом не на много меньше гончаровского, но масштабы и образы его совсем иные. Владелец словно заявляет, что он человек «партикулярный» (частный) и строит жилище для себя и по своему вкусу.

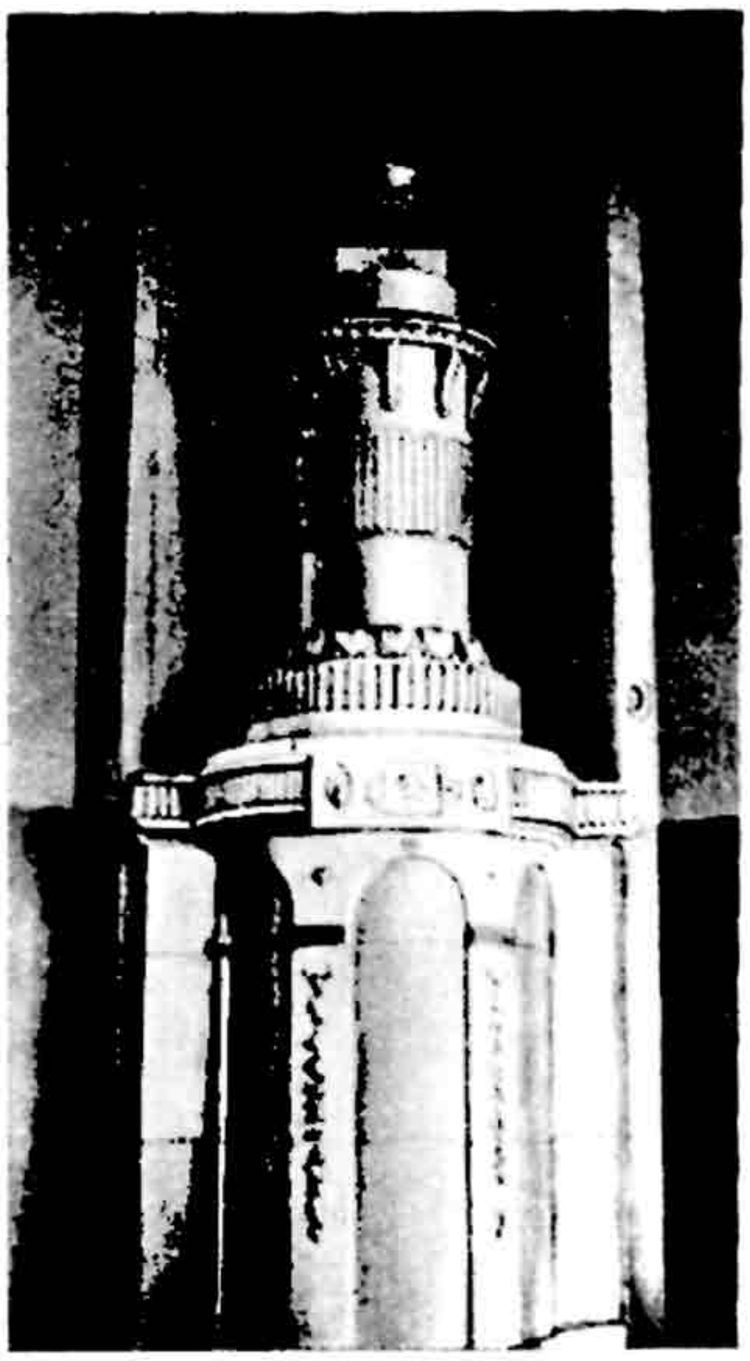
Когда минуешь лестницу и вестибюль, разделенный колоннами на две части (забавно, что плафоны в обеих его половинах одинаковы), дом еще кажется очень скромным. Но уже зал встречает нас во всей красе — небольшой, светлый, с великолепной фаянсовой печью и тонкими лепными карнизами (в каждой комнате дома они разные). Величие и теплота, эти два качества, на первый взгляд столь противоположные, прекрасно уживаются в памятниках русского классицизма. На плафоне зала изображены музыкальные инструменты, напоминающие о музыке, звучавшей здесь во время концертов, балов и обедов. Сквозь распахнутые двери зала была видна длинная анфилада, замыкавшаяся когда-то росписью на стене последней из комнат. В центре, за белокаменной колоннадой портика, находится большая гостиная — пышная, многоцветная, с величественными печами четырехметровой высоты. Тонкостью исполнения печи могли

бы поспорить с мраморными скульптурами, а сделаны они из грубого фаянса. Но главное украшение комнаты — вид из ее окон. Природа врывается в дом, и на память приходят слова первого на Руси теоретика садово-паркового искусства А. Т. Болотова о том, что «хорошие виды и прекраснейшие положения мест, а особливо лежащие вдали, видимые из окон дома и изображающие бесчисленные красоты натуры, всякий дом несравненно делают веселейшим».

Однако заказчикам мало было видов из окон и роспи-сей плафонов: стены комнат тоже были расписаны пейзажами — рощами, руинами, мостиками, переброшенными через овраги,— так сильна была наивная жажда приблизиться к природе, а точнее — приблизить к себе природу. (Росписи эти сохранились под позднейшей покраской стен: пробные расчистки показали, что их можно восстановить.) Без сомнения, здесь работали те же мастера, которые вели в 1806—1808 годах отделку дома Золотаревых в Калуге. Они же отделывали и дом Гончаровых (вероятно, в 1811 г.) — некоторые росписи совпадали почти буквально. Это наводит на мысль, что и дом Щепочкина отделывался примерно в то же время.

Последняя комната анфилады — парадная спальня. В русских домах она служила, как правило, не столько спальней, сколько гостиной, в которой для всеобщего обозрения красовалась под пышным балдахином парадная кровать. В алькове, за исчезнувшими колоннами (о них напоминает балка архитрава), сохранился самый замечательный плафон дома. Изображен он как бы с точки зрения человека, лежащего на траве и глядящего в полуденное небо. Поле плафона окружено простеньким заборчиком, из-за которого свешиваются кусты и вьющаяся зелень. Живопись поистине виртуозная, без мелочных подробностей. Все сделано сильными, звучными ударами кисти, и небольшой плафончик выглядит весьма монументально. Но, пожалуй, всего характернее для дома — комнаты хозяйки, умышленно выключенные из анфилады, очень маленькие (в самой большой — 12 *кв. м*) и хорошенькие, как табакерки. Изразцовые печи уже не белые, а цветные. (Из гончаровского архива известно, что цветные изразцы покупались в Калуге, где было старинное изразцовое производство.) Хорошо, наверное, было коротать в этих теплых комнатах зимние вечера, а летом встречать утро на балконе, выходящем в парк.

Как и в гончаровском дворце, первый этаж дома был служебным, а третий — сплошь жилым. Отделка комнат

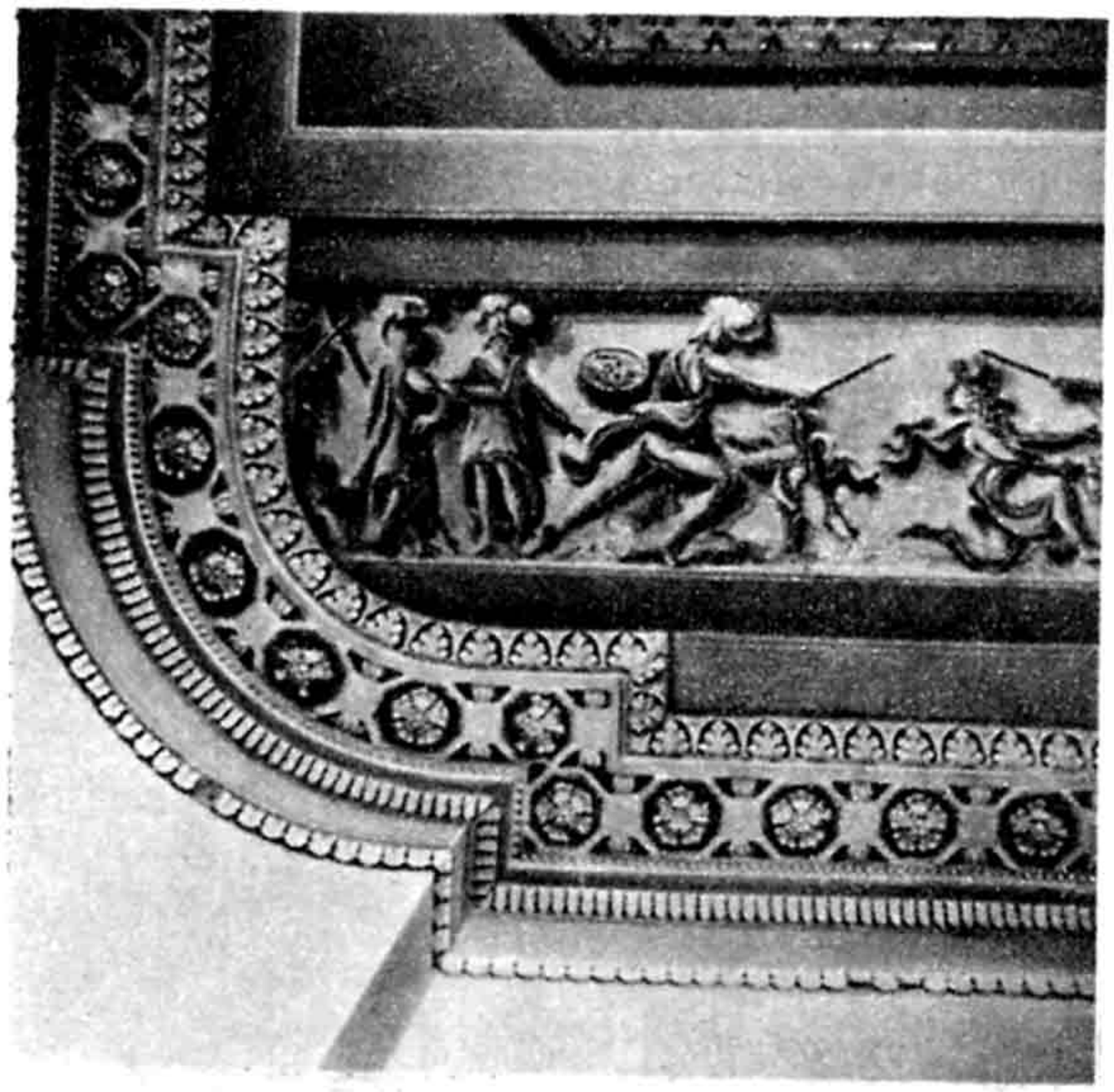

Полотняный завод. Дом Щепочкина. Печь большой гостиной

всегда была здесь очень проста. Среди скромных помещений третьего этажа есть две комнаты с огромными, занимающими всю стену полуциркульными окнами, в которые, как в раму, заключен знакомый вид вдоль реки, отсюда кажущийся почти безграничным.

Кто строил этот дом, к сожалению, неизвестно. Ясно только, что это были московские мастера, скорее всего, кто-то из ближайших учеников М. Ф. Казакова.

В Полотняном, как уже упоминалось, на две усадьбы было четыре парка. При доме Щепочкина был, вероятно, только небольшой садик (по крайней мере, ничего другого нельзя сейчас обнаружить). Но зато уж дальние виды здесь использовали сполна, поступив точно так, как советовал в своих статьях А. Т. Болотов: «Сии виды не токмо придают великолепие парку, но и малый парк могут сделать большим. К тому же за оные [виды] и платить не надобно». Разумеется, не возбранялось хозяевам пользоваться гончаровским парком, вплотную

Полотняный завод. Дом Щепочкина. Плафон в алькове парадной спальни

подходившим к дому и в художественном отношении тесно с ним связанным.

В гончаровском архиве часто упоминаются три парка: «Красный» (вокруг П-образного пруда), «Нижний» (в низине за каналом) и «Большой» (в излучине Суходрева, огибающего усадьбы).

Изо всех парков «Красный сад» был, вероятно, самым старым. Он исчез уже очень давно (в середине XIX в. его территория отошла под торговую площадь). Судя по описаниям, это был небольшой регулярный сад с цветниками и затеями, которые придумывала неистощимая на этот счет фантазия XVIII века.

«Нижний сад» от гончаровского дворца отделен каналом. Место низкое и невыразительное, из которого, казалось, трудно было что-нибудь извлечь. Борьба с природой в садово-парковом искусстве — неблагодарное занятие. Эту истину устроители парка прекрасно понимали. Они не стали насыпать горы и осушать местность, но

обвели участок дамбой и устроили цепь прудов — «водяной парк», по которому на лодке странствовать было сподручнее, чем ходить пешком. Питаются пруды от канала (через подземную трубу), и назначение их самое неожиданное: для лучших сортов бумаги нужна очень мягкая вода, и пруды служили отстойником. Поэзия и проза здесь прекрасно уживались. Вода на фабрику подавалась по узкому канальчику, обложенному белым камнем. Первый от канала пруд уютен, как небольшая гостиная. Отгороженный от большого пруда низкой насыпью с аллеей на ней, он существует «сам по себе», хотя насыпь и рассечена протокой. По главной дамбе, высокой, а значит, всегда сухой, идет дорожка, которая служит провожатым. Когда тропинка минует место, где дамба пересекается с насыпью, перед глазами распахиваются просторы большого пруда. Его истинные размеры понимаешь далеко не сразу. Полуостров у восточного берега так ловко перекрывает виды, что пруд кажется поначалу меньшим, чем есть. Но вот дамба круто поворачивает. Пруд вытягивается и занимает всю длину парка. Долго идешь вдоль берега и почти рядом видишь остров, прекрасный и загадочный, с кудрявыми ивами, ветки которых купаются в воде. Идешь, мечтая попасть в этот рай, совершенно забывая о том, что это все тот же полуостров восточного берега, куда так просто пройти. Новый поворот открывает еще одну часть пруда — тихую, ласковую, заросшую кувшинками. Только здесь вполне понимаешь мудрость создателей парка, которые одним только полуостровом «выкроили» из этой скромной территории столько разнообразия. Вот и опять виден дом — знак того, что маршрут замкнулся.

Всего, что мы видели, пожалуй, с лихвой хватило бы и для самого ненасытного воображения. Но, устраивая усадьбу в Полотняном, владельцы ни в чем не знали удержу. Есть еще один парк — тот самый «Большой сад», который уже упоминался. То, что он уцелел, кажется настоящим чудом; исчезли все павильоны, в руины превратился огромный дворец, а парк — казалось бы, самое изменчивое и недолговечное в усадьбе — сохранился, несмотря на невзгоды, которые выпали на его долю.

Роща в излучине Суходрева существовала всегда (в XVIII в. здесь был зверинец), но парк был устроен только в начале XIX века. Его прибрежная часть — это парк с внешними видами, тот тип парка, который был одним из блестящих вкладов России в ландшафтное искусство. Красота окрестных пейзажей поразительна. Поистине

«натура здесь свое дело сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный» (по выражению архитектора конца XVIII в. Н. А. Львова).

В нескольких шагах от дома Щепочкина есть небольшая площадка, обложенная камнем. Деревья растут здесь только под обрывом. Внизу, на той стороне, которую весенние воды заливают до горизонта,— низкие ветлы, стога, лодки, сложенные на берегу. Чем дальше уходишь от дома, тем больше меркнет первоначальный вид, а справа уже разворачивается панорама, полная иной красоты. Распрямившись после поворота, река уходит к темной полосе леса, заслоняющего горизонт (на самом деле это опушка парка). Легкая сумрачность появляется в пейзаже, в стене леса, в реке, внезапно тоже потемневшей. Еще немного — и река станет вовсе похожей на лесное озеро. Потом обрыв, который еще недавно подходил к самой воде, начинает отступать от берега. Вдруг попадается группа сосен (до этого были только вязы и липы) — начинается внутренняя часть парка, очень светлая и солнечная, и скоро дорожка выходит к тому месту, где стояла так называемая Пушкинская беседка. Пушкин, по преданию, очень любил это место и во время утренних прогулок подолгу сидел здесь. Та Пушкинская беседка исчезла еще в конце XIX века. Судя по рассказам, это была обычная для русских парков «Миловида» (беседка со сквозным видом). Внутри башенок, соединенных колоннадой, были устроены диванчики. Вид отсюда спокойный, уравновешенный — вода, небо, листва. Никакого движения, покой, тишина. Выше беседки — развилка дорожек, на островке между ними сохранилась старая группа деревьев. Если пойти влево или прямо,— выйдешь на опушку, но перед этим долго идешь по спокойной, незаметно спускающейся к реке «лесной» части парка (сюда зимой иногда забегают зайцы). Вот и опушка — типичная опушка парка: плотная стена деревьев, могучий дуб, простирающий консоли своих ветвей над дорогой, идущей по краю. Речка здесь умиротворяющая, неширокая и чистая. Перед ней мягкий, будто прислонившийся к парку луг. Разумеется, и это тоже парк (недаром он так напоминает пейзажи художников конца XVIII в.). Такие «сельские» районы, вдохновленные поэзией сентиментализма, встречались во многих русских парках.

Отсюда низом или прежней дорогой можно вернуться к Пушкинской беседке, а за ней выйти на скрытую прежде тропку, которая выведет на неимоверно длинную аллею (сейчас ее называют тоже Пушкинской, владельцы

же называли Елизаветинской). Аллея прорезает фруктовый сад и заканчивается почти у самых парковых ворот. Старых деревьев осталось считанное количество (большинство их погибло вскоре после войны) — это могучие двухсотлетние липы, по которым видно, что в XVIII веке деревья немилосердно стригли. Аллея стала совсем светлой — солнце беспрепятственно проникает сквозь листву молодых липок. Место очень высокое, и отсюда видна зубчатая полоса леса, окаймляющая усадьбу.

Вот каков «Большой сад» Полотняного — «натуральный, но не уподобляющийся простой натуре» (слова А. Т. Болотова). Любой теоретик садов и парков конца XVIII века остался бы им доволен. «Он составлен из небольшого числа важных частей. Единообразие прервано противоположностью, противоположность связана общим согласием и дорожками, каждая излучина и поворот которых имеют свою причину». Странно, что это написано не о Полотняном, а совсем о другом парке, внешне даже мало похожем на него.

Все в Полотняном кажется простым: так легко «уложен» он в пейзаж, так несложны и естественны перемены видов и настроений. Но простота эта обманчива — за ней скрыта упорная работа истинного искусства. Русская природа показана здесь с такой страстной силой, что этот маленький уголок земли навсегда останется для меня возвышенным и трогательным образом Родины.

Бывает пора в октябре, когда природа дает последний парад. Время это длится недолго, и порой достаточно дня, чтобы все облетело. Первое дыхание зимы уже пронеслось над Полотняным. В школе — доме Щепочкина — вставляли глухие рамы, а парк весь сквозил солнцем. Порывы ветра, даже слабые, взметали вихрь листьев, долго и беззвучно кружившихся в воздухе. Я шел над рекой, вода в которой стала темной и прозрачной, и думал о том, что память удивительно «прирастает» к месту, память о Пушкине — в особенности. Словно именно ко мне, ко всем, кто навестит места, где он бывал, обращены слова его послания «К Горацию»:

«Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье...»

Пускай же вечно сохраняются предания и памятники Полотняного — места, о котором поэт в тяжелейшие для него годы писал: «Ах, кабы Заводы были мои! Тогда меня в Петербург и московским калачом не заманили бы».

ГРАБЦЕВО. В Калужской области было когда-то неисчислимое количество усадеб. Были богатейшие поместья таких фамилий, которые считали свой род от Рюрика — не меньше. Были крошечные имения: «дом деревянный, при доме сад плодовитый» — от них и следа не осталось. Были настоящие культурные гнезда, вроде Полотняного или Авчурина. Были имения такие дальние, что в иное время года до них и добраться было невозможно. И были совсем близкие, чуть ли не в черте города. Например, Грабцево. Грабцево по отношению к Калуге — то же, что Останкино к старой Москве,— ближайший пригород. В конце XVIII века Грабцево принадлежало одной из самых колоритных фигур екатерининского времени — П. Д. Еропкину, одно время московскому генерал-губернатору.

В 1771 году начался в Москве «чумной бунт». Давнее недовольство народа вылилось в дикое убийство архиепископа Амвросия, который, пытаясь приостановить распространение заразы, запретил «лобзание» иконы. Московское начальство бежало, и Еропкин на свой страх и риск принял командование городом. С этого и начался его «случай» (фавор). Современники сохранили о Еропкине память как о человеке совершенно бескорыстном — его баснословное богатство вполне это позволяло.

Зимой он давал грандиозные обеды в своем московском дворце, в котором без труда разместились бы все губернские учреждения Калуги, а лето проводил в Грабцеве.

Дом в Грабцеве был деревянный. Перед ним — парадный двор с цветником, справа — хозяйственный дворик с отдельными воротами. Ни старый дом, ни флигели, ни хозяйственные постройки (кроме одной) не сохранились. Та единственная, что уцелела, имеет стрельчатые окошки. Похоже, что и дом был «готический».

Пейзаж вокруг усадьбы совсем невыразительный. Здесь, на месте почти ровном, на берегу захудалой речушки Городенки, был разбит величавый регулярный парк, сохранившийся и поныне. От «готических» башенок его каменной ограды уцелела только одна — северо-западная. У пруда башенки почти задевала вода. Аллеи парка, расходящиеся «звездой», хорошо сохранились. Деревья сильно разрослись, их привольные кроны придали особое очарование облику парка. Это живая история — борьба природы с рационалистическими принципами давней эпохи. Одна из аллей, идущая от дома к пруду, значительно шире других. Как деревья ни склоняют свои ветви, они не могут сомкнуться над ней, и аллея напоминает длинный вытянутый луг.

Грабцево. Парк. Центральная аллея

Парк имеет легкий уклон в сторону реки. Дом стоит выше пруда, и от этого водная гладь казалась больше, чем была на самом деле. Между тем пруд в Грабцеве, ныне спущенный, был огромен. Какие водные праздники (в XVIII в. их очень любили) устраивались, вероятно, здесь! Парковый берег пруда подсыпан, тщательно выровнен и по самому его краю посажены сосны. Сюда, как река в устье, вливается центральная аллея. А с противоположного берега в разрыве деревьев видны церкви, которые неожиданно делают этот величавый и монументальный парк загадочным и романтическим.

Церкви находятся уже вне пределов парка, прямо на них выходит одна из его аллей. Они стоят тесно, будто переговариваясь о чем-то друг с другом. Старшая из них — Успенская (1772), «бедный родственник» богатых «нарышкинских» церквей Подмосковья — ярусных и крестообразных (точнее, четырехлепестковых) в плане. На примере Грабцева видно, что тип этот был хорошо изве-

Грабцево. Группа церквей и башенка усадебной ограды

стен и за пределами Подмосковья. Убранство фасадов церкви прежде было богаче: кроме оконных наличников верхнего восьмерика были еще довольно пышные наличники в нижнем ярусе (один из них хорошо сохранился). Наличники — одна из тех деталей, которые выдают довольно позднее происхождение церкви: в них уже чувствуется барокко не «нарышкинское», а пережившее Петровскую эпоху.

Другая, теплая Никольская церковь (1791) — маленькая, уютная, с двумя совершенно одинаковыми фасадами. В плане она, как и собор в Черноостровском монастыре, «кораблем» (точнее, «кораблико̀м»). Купол прежде завершался характерной для классицизма формой: отрезком колонны, которую пересекал куб. В люкарнах (слуховых окошках) купола чувствуются последние, почти угасшие отзвуки барокко.

Бывают люди, с которыми отношения устанавливаются медленно, трудно, с другими же через полчаса чувствуешь

рид должен бы получиться! А вышел стиль живой, органичный.

В грабцевской колокольне тоже сплавились самые разные формы, но сквозь них пробивается классическое начало. Чувствуется любовь и к древнерусскому искусству — в нижнем ярусе явно вдохновлялись колокольней московского Ново-Девичьего монастыря (примерно в это время ее обмеряла и реставрировала «команда» М. Ф. Казакова), особенно чувствуется восторг к удивительным созданиям XVII века, когда обыкновенный кирпич силой искусства был превращен в драгоценный художественный материал. Узоры белого камня, как кружево, покрывают яркий кирпичный фон колокольни. Качество строительных работ выше всякой похвалы. Здесь, как нигде, чувствуешь, какие молодцы были русские каменщики и как много от них зависело. Недаром архитекторы ценили свои «команды» и держались за них.

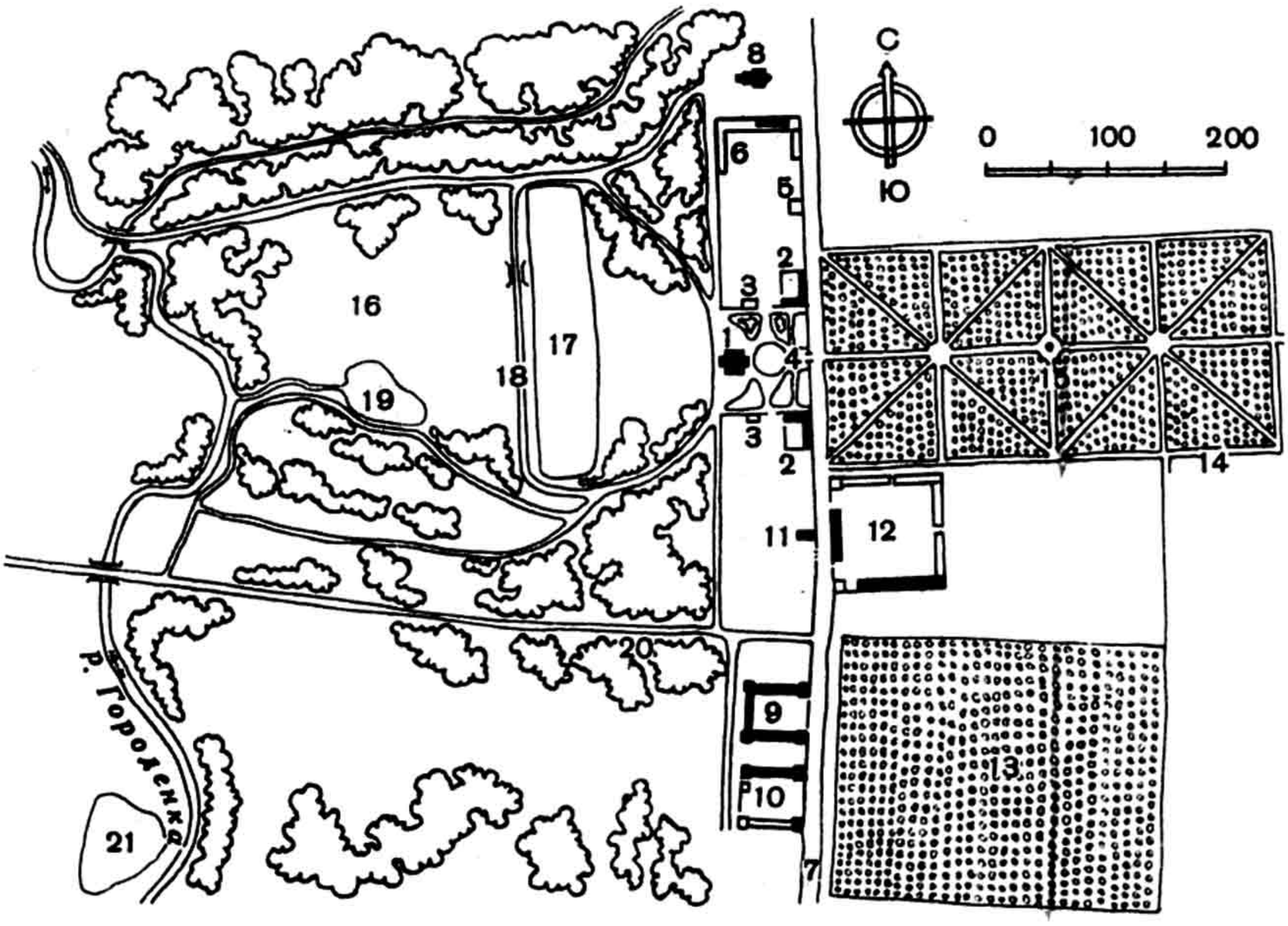
С грабцевской колокольней связана интересная загадка. М. А. Ильин высказал когда-то предположение, что ансамбль Грабцева строился по проекту М. Ф. Казакова. Казаков одно время служил под началом Еропкина, но документов о его работах для Грабцева нет никаких. Есть зато в музее архитектуры в Москве два чертежа — фасад и план колокольни. На одном из них написано: «колокольня Зачатьевского монастыря. Копировал в 1789 году». И все. Кто копировал — неизвестно. И для чего — тоже неизвестно. Колокольня этого московского монастыря, построенная в самом конце XVIII века, в мелочах отличается от этого проекта. А грабцевская колокольня — ничем не отличается! Известно, что семья Казаковых (а у него все три сына были архитекторами) была связана со строительством в Зачатьевском монастыре. Таким образом, мы довольно близко подобрались — если не к М. Ф. Казакову, то к его школе, а эти два понятия почти неразделимы.

ГОРОДНЯ. От Грабцева до Городни всего четыре километра полем и лесом. Но пойти в Городню так — значило бы войти в усадьбу через калитку. А надо войти через «парадный вход», проехав по старой подъездной дороге, которая ответвляется от шоссе, идущего в Авчурино (на Никольский перевоз).

В старину Городню называли «Чертовское» (вероятно, от слова «черта» — граница, здесь проходили Засечные леса). Это старейшая вотчина князей Голицыных*, пере-

шедшая к ним через связанных между собой родством бояр Хитрово, Бегичевых и Стрешневых. Голицыны владели этим селом с середины XVIII века вплоть до самой революции. Почти пятьдесят лет повелевала здесь Н. П. Голицына — знаменитая «усатая княгиня», прототип пушкинской «пиковой дамы». Родилась она в год закладки Зимнего дворца и пережила поэта почти на год. В ее характере удивительно сплавились противоречивые черты эпохи. Она была умна, властна и внушала трепет всему Петербургу. Ее мнения были верховным приговором, всех она принимала сидя и только для императора делала исключение. И этой фантастической власти она добилась сама: муж ее имел сравнительно скромный чин бригадира и к тому же умер на полвека раньше ее. Она сама вела хозяйство и детям дала прекрасное по тем временам образование. Ее сын — Д. В. Голицын был долгое время московским губернатором. Герцен вспоминает о нем с глубоким уважением. Лучше всего сильный и сложный характер Натальи Петровны (Пушкин воспроизвел в своей повести лишь отдельные ее черты) характеризует такой случай. Когда в Зимнем дворце ей был представлен один из Чернышевых (правая рука Николая I при расправе над декабристами, он ради корысти подвел под каторгу своего дальнего родственника З. Г. Чернышева), Н. П. Голицына, сама урожденная Чернышева, посмотрела на него, как на пустое место, и сказала: «Я знаю только одного Чернышева — того, который в Сибири».

Городня расположена очень высоко и видна далеко с дороги на Никольский перевоз. Но когда сворачиваешь на проселок, усадьба исчезает и появляется лишь перед последним подъемом. После крошечной Городенки (той, что протекает в Грабцеве) дорога круто поднимается в гору. Вскоре показывается улица, широкая, с двух сторон застроенная многочисленными хозяйственными постройками: скотным и конным дворами, погребами. А дальше шли исчезнувшие ныне оранжереи, баня и т. д. В Городне имелось большое хозяйство, но дом был летним, и это хорошо объясняет особенности архитектуры усадьбы. Все хозяйственные постройки крупные, несокрушимые, а дворцовая часть скромная, уютная, какая-то умышленно интимная: небольшие ворота (на которых некогда лежали сфинксы), небольшой парадный двор с клумбой (в старом значении этого слова — группой кустов), маленькие деревянные домики около главного дома (в левом жила Н. П. Голицына, в правом — ее дочь; оба

План усадьбы Городня. Обмеры Г. Г. Оранской:

1) Главный дом; 2) Хозяйственные флигели; 3) Фундаменты жилых флигелей; 4) Ворота; 5, 6) Фундаменты бани и оранжерей; 7) Ограда; 8) Церковь Спаса; 9, 10) Рига (?) 11) Погреб; 12) Скотный двор; 13) Фруктовый сад, 14) Регулярный (верхний) парк («Роща»); 15) Предполагаемое место обелиска; 16) Пейзажный (нижний) парк; 17) Верхний пруд; 18) Дамба верхнего пруда; 19) Нижний пруд; 20) Колодец; 21) Древнее городище

домика давно не существуют) и, наконец, дом — реально, пожалуй, даже большой, но кажущийся тоже совсем небольшим.

Создается впечатление, что эта необычайно изысканная усадьба возникла сразу и окончательно. Но Голицыны Городню не создавали, а только перестраивали. В середине XVIII века здесь уже были каменные флигели (на левом недавно были обнаружены фрагменты первоначальной отделки), большие службы (хорошо сохранившиеся) и регулярный парк. Но дом тогда был деревянным, и стоял он, вероятно, на том же месте, что и нынешний. От доголицынской Городни уцелел замечательный памятник — усадебная церковь, не слишком мудреной, но очень хорошей архитектуры середины XVIII века. Удивительно мастерски сделаны окна «настоящей» церкви. Прямоугольное окно первого этажа и овальное второго стянуты общим наличником, в окнах занятные решетки. Церковь очень маленькая, особенно поразительных

Городня. Церковь Успения. Середина XVIII в.

размеров апсида: кажется, можно достать рукой до ее крыши.

Регулярный парк расположен через дорогу от дома. Разбит он на месте совершенно плоском и окопан, как обыкновенно, рвом. Планировка его очень проста: два квадрата с радиальными аллеями, сходящимися в центре. Между квадратами в начале прошлого столетия стоял небольшой обелиск. Что-то случилось с парком еще очень давно: большинство старых деревьев погибло. Они уцелели только на центральной аллее и на северной, идущей по краю парка. Эта пограничная аллея сплошь состоит из огромных могучих лип со следами стрижки.

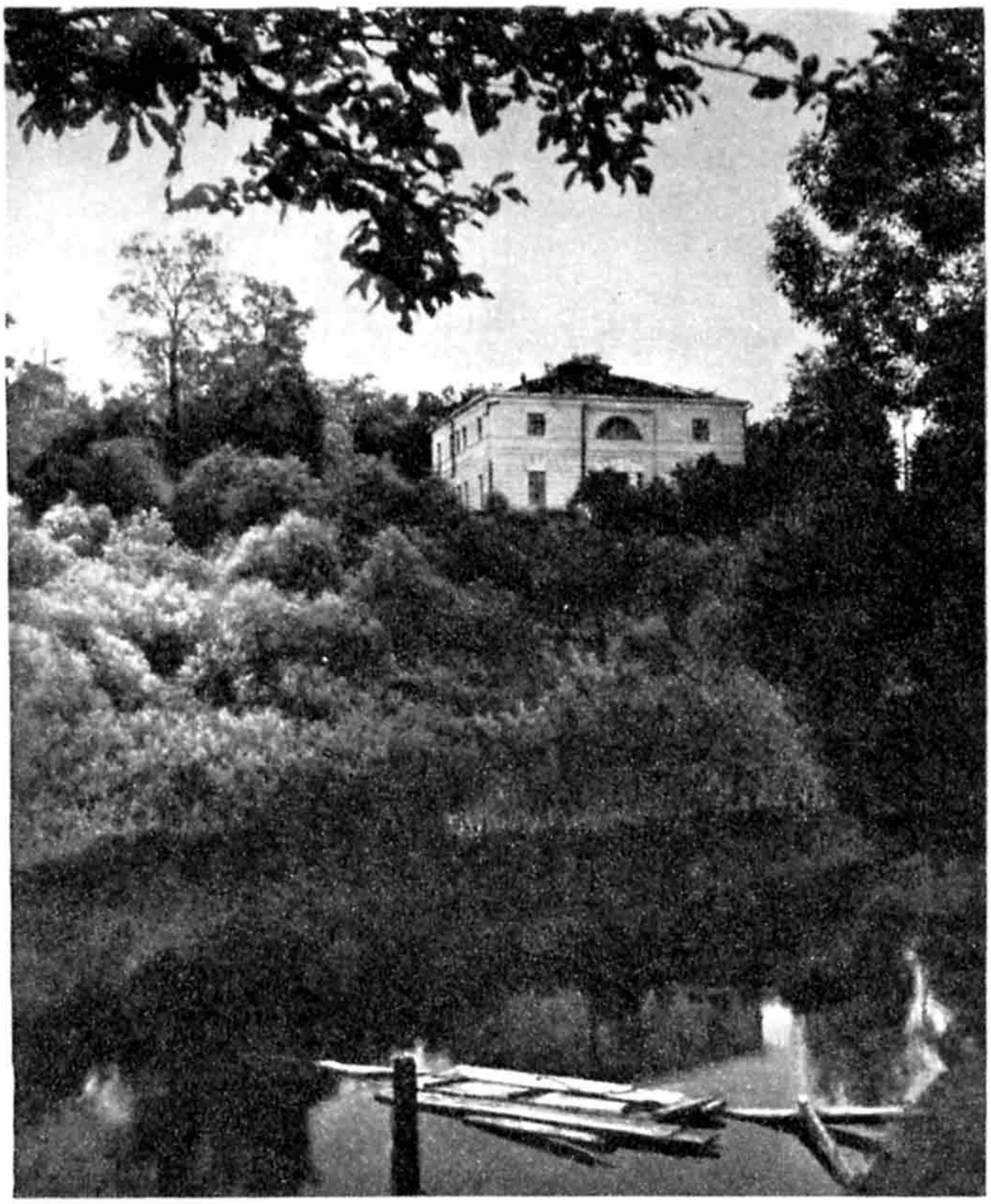
«Я нашла здесь по приезде законченное крыло нового здания, исключительно красивого,— писала Н. П. Голицына своей дочери в конце лета 1798 года.— Послезавтра я туда переезжаю... Хорошенько поблагодари от меня Андре, это он сделал план».

Не совсем понятно, о каком доме (большом или флигеле) идет речь, но, во всяком случае, ясно, что в самом конце XVIII века перестройка Городни уже была почти закончена. «Андре» — это было домашнее имя А. Н. Воронихина, автора прославленного Казанского собора в Петербурге. Для Голицыных он, бывший крепостной Строгановых, был свой человек, почти что член их семьи дочь Н. П. Голицыной была замужем за Строгановым). В ту пору уже знатный архитектор, Воронихин, конечно, только присылал чертежи и давал советы. Практические работы вел, наверное, архитектор поскромнее (быть может, крепостной). Старых планов дома и парка не сохранилось (что они были, видно по уцелевшей книге описей), а на этих чертежах была, наверное, и воронихинская подпись. Может быть, он и к парку приложил руку: по его рисункам известно, что он был хорошим парковым архитектором.

Дом в Городне подчеркнуто прост. Кажется, что его можно понять мгновенно, но вникаешь в него дольше — и поражаешься богатству оттенков его архитектуры. Как и в доме Щепочкина в Полотняном, главным фасадом, пожалуй, ни один его фасад не назовешь, они почти равноправны. Художественное решение фасадов поражает изяществом замысла: со стороны двора устроен плоский ризалит (выступ), над ним — фронтон, со стороны пруда фронтона нет, а вместо ризалита — легкая нишка. С этой стороны дом смотрится монолитом, «кубиком». Лепка (голицынский герб во фронтоне, розетки) — тонкая, изящная, нисколько не вырывается из плоскости стены. Боковые фасады до крайности скромны. Единственное их украшение — тройное окно, но не «итальянское» (одно большое, с обеих сторон которого два половинчатых по ширине, чаще всего применявшееся в таких случаях), а три тесно сдвинутых обычных. Одно это выдает руку подлинного художника, который умеет быть сдержанным и достигать эффекта самыми малыми средствами.

Внутри дома после войны ничего не сохранилось, ничего — в самом точном смысле этого слова. А судя по единственной фотографии (интерьер зала), дом был отделан с необычайной изысканностью: нежнейшая лепка, росписи, печи и т. д.

Дом стоит почти на краю небольшой террасы, насыпанной, наверное, еще в середине XVIII века. Обрыв здесь стремительно уходит вниз, и ничто не заслоняет вида в сторону подъездной дороги. Прямо под домом пруд, на невысоком холме, напротив,— деревня. Кругом обступили

Городню леса и перелески. Второй парк Городни занимает небольшое пространство между речкой и домом, а вправо доходит до оврага. За оврагом начинался лес, где на опушке стоял самый дальний «Новый павильон». Его заросшие фундаменты видны от церкви.

Нижний парк создавался одновременно с домом, но пруд, как и терраса, вероятно, середины XVIII века. Позже только слегка нарушили его геометрическую правильность. Полотняный, его «Большой сад» еще стоял у меня перед глазами, и невольное сравнение было очень поучительно. Рельеф Полотняного, его обрывы и необъятные виды продиктовали величавый, «распахнутый» парк. В Городне все другое: виды просторные, но замкнутые, рельеф очень мягкий. На литографиях начала XIX века видно, что парк в этом месте был тщательно обдуман и все особенности рельефа, все его неровности тонко обыграны. В таком парке зелень, посадки должны были значить очень много, а именно это и есть самая хрупкая,

Городня. Усадебный дом со стороны пруда

Городня. Регулярный парк. Южная аллея

самая легко искажаемая часть. Потому-то этот парк и пострадал сильнее, чем все остальное,— слишком много бурь пронеслось над Городней (иногда совершенно реальных: в августе 1965 г. ураганом сорвало и бросило в парк крышу дома).

Вдоль пруда по насыпи (как и в Полотняном) идет дорожка. Маршрут задан абсолютно точный, свернуть с него физически невозможно. Это место служит архитектуре и по своей сдержанной изысканности очень напоминает «архитектурную часть» Городни. С дорожки виден дом в его взаимоотношениях с природой. Спокойный и простой, дом отсюда выглядит необычайно поэтичным. Высоко вознесенный над прудом, он медленно поворачивается своим монолитным объемом — то виден в просвете между деревьями, то закрывается ими, а в воде дрожит его неверное отражение. «Лобовых» точек старательно избегали. Этим зрелищем невозможно налюбоваться. Прекрасно сознаешь, что все это «сделано» и рассчитано,

Городня. Нижний парк.
Вид с террасы дома.
Литография С. Лукина.
Начало XIX в.

но все кажется абсолютно естественным. Так они и останутся в моей памяти, противостоящие друг другу и немыслимые друг без друга: «дело рук человеческих» и природа — воплощенная эстетика классицизма, ожившая картина Семена Щедрина.

□

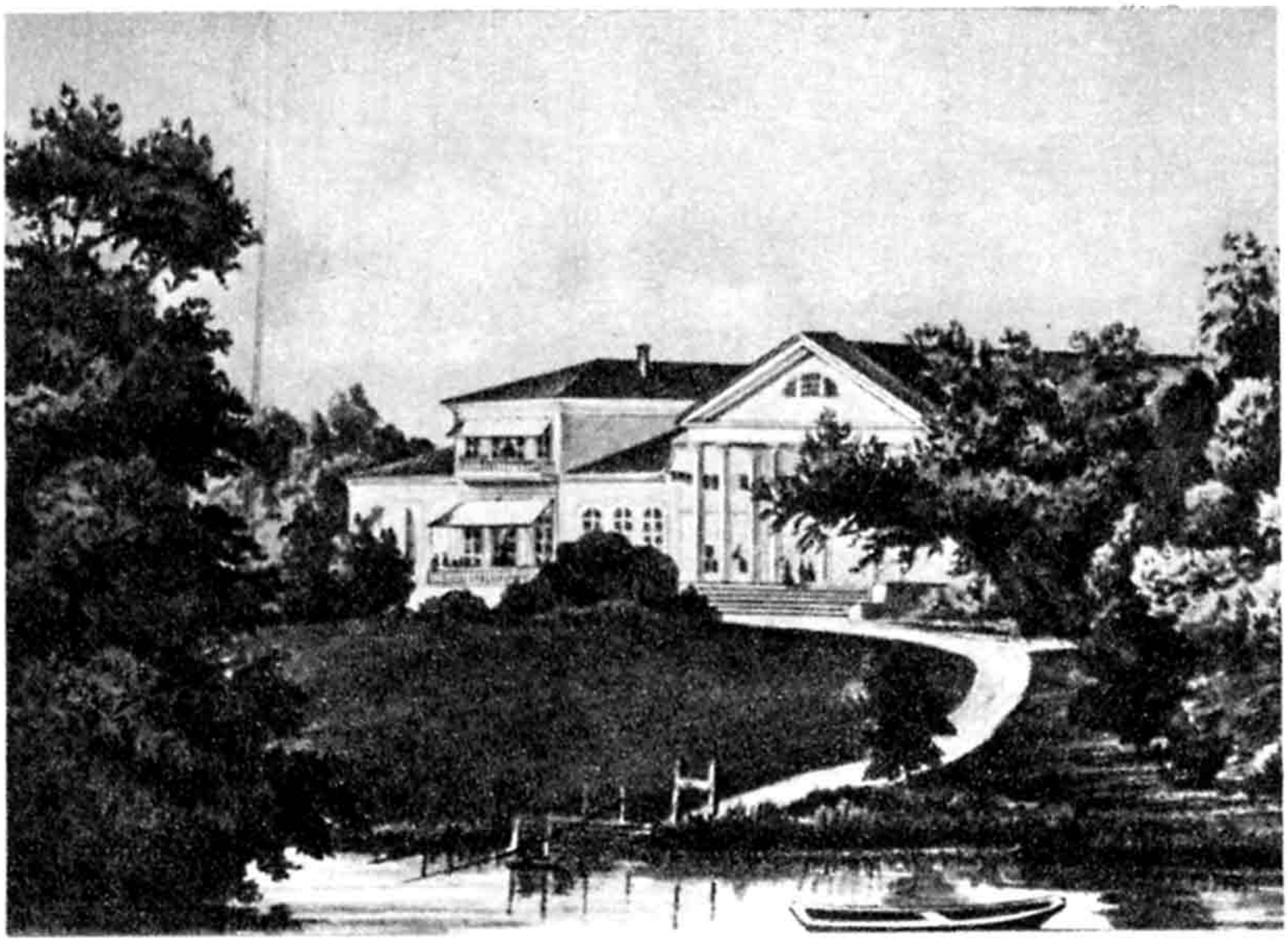
Дорога на Никольский перевоз идет почти все время параллельно Оке, километрах в трех от нее. В том месте, где шоссе пересекает речку Калужку, видна на горе большая церковь села Явленного. Говорят, что ниже по Калужке было первоначальное местоположение Калуги (городище здесь сильно пострадало в последние годы). В прошлом Явленное было очень знаменито — в здешней церкви хранилась икона Калужской божьей матери. Местный помещик Хитрово в 1760 году построил здесь каменную церковь (которая сохранилась и сохранила под

штукатуркой детали первоначальной отделки), в конце XVIII века пристроили колокольню и трапезную и вновь расширили трапезную в конце XIX века.

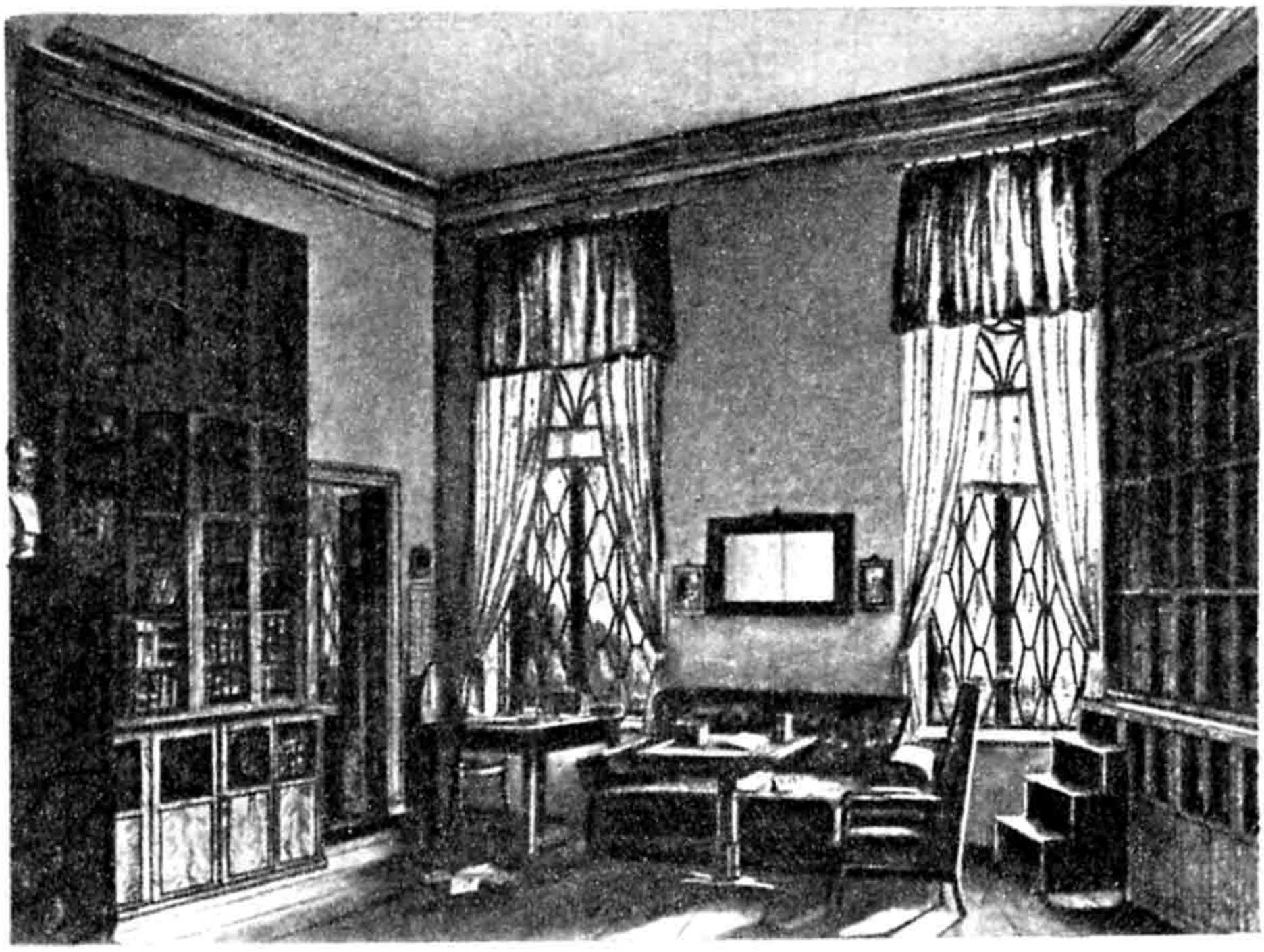
Рядом с церковью — городище, аккуратное, как на рисунке в учебнике. Казалось, природа тоже берегла этот памятник нашей древнейшей истории, времени, от которого почти ничего больше не осталось.

АВЧУРИНО. Есть памятники архитектуры общерусские, известные всем. И есть памятники «местные» — за пределами области их знают только специалисты. Такой типичной «местной» усадьбой долгое время было Авчурино. И вдруг в архивных документах, относящихся к Авчурину, засверкало имя В. П. Стасова, прославленного архитектора начала XIX века, одного из создателей облика «пушкинского» Петербурга, и усадьба предстала совсем в другом свете.

Авчурино. Старый дом и пруд. Акварель Ш. Ребу. 1846. ГИМ

В XIX веке Авчуриным владели Полторацкие*. Это было одно из культурнейших семейств России, дружившее с Карамзиным, Львовым, Державиным и само оставившее светлый след в нашей истории. Хорошо знал оба поколения Полторацких Пушкин. Купивший Авчурино Д. М. Полторацкий приходился родным дядей А. П. Керн (той самой Керн, которой посвящено одно из лучших пушкинских стихотворений). Сестра его была замужем за А. Н. Олениным, президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки. Отец жены Д. М. Полторацкого — П. К. Хлебников, один из богатейших петербургских купцов,— был страстный библиофил. В его библиотеке, в то время лучшей библиотеке России, Карамзин нашел Киевскую и Волынскую летописи. Был в этой библиотеке и один из немногих уцелевших экземпляров радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», купленный сыном Хлебникова незадолго до того, как весь тираж был уничтожен. Мудрено ли, что выросший

Авчурино. Библиотека в «готическом» доме. Акварель Ш. Ребу. 1846. ГИМ

около такого собрания внук Хлебникова — С. Д. Полторацкий, один из старых приятелей Пушкина (в авчуринской библиотеке были книги с автографами поэта), стал глубоким знатоком и ценителем книги. Он собрал замечательные материалы по русской библиографии и щедро позволял ими пользоваться. Библиотека Хлебникова, умноженная С. Д. Полторацким, находилась в Авчурине до 1856 года, позже она поступила в Румянцевский музей. Недавно стало известно, что вездесущий Полторацкий был одним из тайных корреспондентов герценовской «Полярной звезды»*.

Хлебниковых и Полторацких с архитектором Стасовым связывала давняя дружба.

Для Авчурина В. П. Стасов выполнил пять проектов перестройки церкви. Маленькую авчуринскую церковь, построенную еще в первой половине XVIII века, хотел перестроить уже Д. М. Полторацкий (это первый известный нам проект, сделанный Стасовым для Авчурина). Но в

1818 году он умер, и вдова его задумала превратить церковь в некое подобие мавзолея. Могила Полторацкого находилась сразу за апсидой церкви, и Стасов предложил расширить алтарь так, чтобы заключить надгробие в пределы церкви.

По окончательному проекту старая церковь сохранилась во всех габаритах. Стасов сам заказывал памятники лучшему петербургскому мраморщику Кампиони, иконы — академику Егорову, сделал проект иконостаса и следил за тем, как он выполняется. И хотя практическое строительство (которое тянулось с 1819 по 1833 г.) вел архитектор Л. Пелли, авчуринская церковь, по справедливости, стасовская работа.

Прежний, достасовский облик церкви можно представить без труда — сохранились ее чертежи до перестройки (ими, вероятно, и пользовался Стасов). К тому же старая ее архитектура видна сейчас как на ладони. Это было очень небольшое здание середины XVIII века с «ломаной»

Авчурино. Никольская церковь. Середина XVIII — начало XIX в. Фото 1930-х гг. Калужский краеведческий музей

←

крыцей, овальными окошками чердака, дугообразными перемычками проемов и рустованными лопатками на углах. Все эти трогательно-скромные украшения при перестройке исчезли под гладью штукатурки. Теперь это стал лаконичный, даже немного суровый памятник русского ампира, похожий на фрагмент знаменитых «провиантских магазинов» в Москве. Хотя размеры церкви остались почти те же, что были, она будто выросла. Вся лепнина церкви привезена, вероятно, из Москвы. Парящие над центральным окном ангелы — родные братья тех, которые были на Книжной палате, сгоревшей от авиабомбы в 1941 году.

□

Когда подъезжаешь к усадьбе, расположенной на крутом берегу Оки, и сворачиваешь с большака, начинается настоящая горная дорога, которая в конце концов

Авчурино. Парковая скульптура

превращается в обычную подъездную аллею и выходит к парку. С другой стороны дороги стояли службы — обширные и многочисленные, потому что в Авчурине было образцовое по понятиям XIX века хозяйство (уцелело здание конного двора). Сейчас здесь большой совхоз, четырехэтажные дома. Но ощущение замкнутости этого места и сейчас не исчезло. Кругом леса. Стена сосен на противоположном берегу. Пустынная лента Оки. Парк усадьбы доходил почти до реки, но зрительно он с ней мало связан. Это нетрудно понять: Ока — не Суходрев и уж, конечно, не Городенка. Масштаб ее чрезмерно крупен для такой усадьбы, как эта. Давно замечено, что на подобных местах усадьбы, чтобы они «не потерялись», часто отгораживали от просторов, оставляя только несколько «окон».

Старый дом стоял над прудом — традиционный русский усадебный дом с мезонином и колоннадой, а по сторонам его — два флигеля, построенных в самом нача-

Спасское на Угре. Церкви Преображения (середина XVI в.) и Введения (середина XVII в.)

устроена огромная поляна: все это сделано для дома, для видов на него и от него. Маленький круглый павильон, единственный уцелевший павильон Авчурина — один из представителей той бесчисленной армии затей, которые наполняли некогда все русские усадьбы. Он служил, вероятно, «чайным домиком» и стоял в укромном, полном уюта уголке парка (за «готическим» домом). Сейчас это место совершенно опустошено.

СПАССКОЕ НА УГРЕ. Едешь ли по шоссе, спешишь ли на поезде на юг или плывешь по Оке на местном пароходике, Спасского все равно не минуешь. И увидишь обе его церкви, стоящие рядом: два века нашей истории и нашей архитектуры.

Спасское расположено на приокском обрыве, недалеко от того места, где в Оку впадает Угра. В 1480 году русские войска почти пять месяцев держали на Угре оборону

Столпово (Красное).
Церковь Рождества.
Середина XVIII в.

против последнего золотоордынского хана Ахмета. В ноябре татары не выдержали и повернули назад, и этим кончилось на Руси татарское иго.

Прошло сто лет, и опасность новой — теперь уже польской — интервенции нависла над Русью. Вероятно, в это время здесь, близ Угры, которая долго была естественной границей московской земли, князья Воротынские и основали монастырь. Вотчина Воротынских была рядом: современное село Воротынское — некогда древний город. В 1765 году монастырь закрыли, но запустел он еще раньше. Уже в XIX веке здесь не осталось ни стен, ни келий, только две церкви — Преображенская (середины XVI в.) и церковь Введения (середины XVII в.— точные даты обеих неизвестны) да несколько надгробий XVII века у их подножия.

Церкви стоят почти у обрыва. Между ними и Окой — заливные луга с огородами. На той стороне леса. Ока свежего синего цвета. «Одна из самых роскошных наших

рек»,— писали некогда о ней. Недаром соседнее Столпово (где уцелела великолепная, мало кому известная церковь середины XVII в.) в народе называлось «Красное». Тут обрыв еще ближе к реке и вид сверху и впрямь «красен».

Один из холмов Спасского, вероятно, старое городище. Место слияния двух больших рек было важно во всех отношениях, не удивительно, что его исстари охраняли. А рядом, как вечный часовой, стоит церковь Преображения, сравнительно небольшая, но монументальная, как египетская пирамида. Архитектура ее удивительно немногословна. Откосы узких, как бойницы, окон обнаруживают чудовищную, крепостную толщину стен. Позже (скорее всего, в начале XVIII в.), пытаясь получше осветить аскетический интерьер церкви, окна растесали, но несколько окон остались нетронутыми (в одном сохранилась даже старая кованая решетка). Дореволюционный исследователь зодчества Калужской губернии М. Т. Преображенский, обмеряя эту церковь, не мог видеть под штукатуркой ни декоративных закомар, ни кокошников у основания шатра. Церковь оказалась гораздо более живописной, чем на его чертеже. Легко, без напряжения возносится шатер. Все величаво и рассчитано, все кажется конструктивным. Но огромные закомары с килевидными завершениями (позже срезанными четырехскатным покрытием) — декорация: никаких сводов в шатровой церкви, разумеется, нет. В XVI веке нередко употребляли формы чисто декоративные, но всегда, в отличие от памятников XVII века, эти формы воспринимаются как подлинная конструкция.

По сравнению с церковью Преображения Введенская, хотя и ненамного ее ниже, кажется игрушкой. За сто лет на Руси произошли огромные перемены. Впервые за многие столетия в русской жизни наступила передышка, и архитектура — вернейший барометр — тотчас это отразила. Былая строгость исчезла, на фасаде расцвели радостные, живописные детали. Русская архитектура, несмотря на всю традиционность, начинает уходить из-под всесильного влияния церковной идеологии. Если бы не маленькие шатры, церковь Введения можно бы принять за жилые палаты.

По своему типу Введенская церковь большая редкость. Шатровые церкви (в том числе двух- и трехшатровые) в средней полосе не строились позже середины XVII века, а те, что были построены раньше, по роковому стечению обстоятельств почти исчезли в позднейшее время. С 1652 года патриархом Руси стал Никон. Он принялся ревност-

но искоренять «неканонические» церковные формы и ту «светскость», которая хлынула в церковное зодчество.

Шатровые церкви — одна из самых удивительных страниц русской архитектуры — тоже попали в «неканонические» (это не помешало, впрочем, самому Никону возвести самую большую шатровую церковь России — собор в Новом Иерусалиме). С той поры они строились только на дальнем севере — для деревянных церквей шатер самое естественное завершение, да и держать под контролем огромную территорию севера тоже было не просто. В центральной России шатры остались только в покрытии крылец и в конструкции колоколен.

Шатрики Введенской церкви декоративные, они, как близнецы, стоят рядом на сомкнутом своде. Под этим сводом и находится маленькое помещение «настоящей» церкви. Большая церковная трапезная с центральным столпом посредине — один из старейших типов русских монастырских трапезных и палат. Внизу церкви — обширный подклет. Все помещения хорошо приспособлены к нашей суровой зиме (в отличие от Преображенской эта церковь была теплой). Позже к трапезной Введенской церкви пристроили колокольню (нижний ярус середины XVIII в.). Трудно представить себе, как выглядела она до надстройки начала XIX века; даже не будь ее верх столь уродлив, спорить с шатрами обеих церквей очень трудно.

3. Дорога на юг

Прямо против Калуги, за Окой, раскинулось село, рассеченное оврагами,— Ромодановы дворики, та самая «деревушка с ласковым названием», которая все время видна из города. Лет двести семьдесят назад это название никому не показалось бы ласковым: селом владел «князь кесарь» Ромодановский — наместник Петра I во время его дальних походов и поездок за границу, профессиональный палач (недаром Петр поручил ему расправу над стрельцами). В 1691 году он построил в селе каменную церковь. Церковь гораздо интереснее, чем может показаться с первого взгляда: под штукатуркой сохранились срубленные наличники петровского времени. Нынешний силуэт она получила примерно в середине XVIII века — к этому времени относятся ее главки и очень любопытная колокольня (самый верх и шпиль колокольни начала XIX в.). Крыша собственно церкви в это время была восьмискатной.

В ромодановском храме применена двухстолпная конструкция. Четырехстолпные соборы при всей их красоте тесноваты, даже в огромном соборе Пафнутьева монастыря внутреннее пространство зрительно затеснено. Древние зодчие чувствовали это и с развитием конструкций старались сделать интерьер просторнее и монолитнее. Во многих церквах восточные столпы срослись с алтарной преградой — это, в сущности, уже прообраз двухстолпных храмов. Но есть в двухстолпных конструкциях и нечто новое: в Ромоданове будто побоялись перекрыть церковь сомкнутым сводом, которому не нужны столпы, и поста-

вили промежуточные опоры, поделив пространство на две части, каждую со своим перекрытием.

Из Ромоданова, особенно с колокольни его церкви, видно всю Калугу, которая Н. В. Гоголю показалась отсюда похожей на Константинополь. И с горечью замечаешь, что цельность облика Калуги уже нарушена.

Дорога на юг проходит сейчас почти рядом с церковью. Километрах в пяти отсюда, в Чижевке, стоит одноглавая церковь с шатровой колокольней. Цементная штукатурка стен в последние годы отпала, и открылись прекрасные детали петровского времени. Километров через пять начинаются леса и тянутся на многие версты. Эти места носили поэтическое название «Гамаюнщина». Испокон века к лесам здесь относились с любовью и уважением. К тому же местные жители кормились лесом — жгли уголь, плели лапти, собирали грибы и ягоды. Грибов здесь столько, что они вплотную подступают к проселку, идущему через Козлы, Мужачь и Желово*. Здесь, в стороне от главной дороги, особая тишина и особый воздух.

На этом проселке, ответвляющемся от шоссе, уже за границей лесов, стоит большое село Григоровское, и в нем — замечательная церковь 1673 года. Встреча с ней была для нас двойной радостью: о ней давно уже никто не вспоминал и никто не мог сказать, как она выглядит. В конце прошлого века писали, что деталей первоначального убранства здесь не осталось. Как обычно, их просто срубили при ремонте. Сейчас следы наличников, порталов, украшений глав хорошо видны. Восстановление деталей по таким «отпечаткам» теперь в совершенстве разработано.

Необычайную хрупкость декоративных, глухих глав церкви еще больше подчеркнули завершения середины XVIII века. В это время церковь основательно обновляли: перестроили апсиду, возвели придел и новую колокольню. Грузная, словно осевшая под собственной тяжестью, с фантастическим завершением, от которого отпочковались какие-то крошечные главки, колокольня поразила нас не меньше, чем церковь. Бывают такие люди — далеко не красавцы, но в лице у них столько своего, «необщего» (говоря словами Баратынского) выражения, что невольно начинаешь ими любоваться.

Всего этого не увидишь на торной дороге до Перемышля. Леса кончаются, у села Андреевского шоссе пойдет над Окой. Потом потянется огромное, в четыре с половиной километра длиной, село Корекозово (здесь был когда-то Лютиков монастырь с лучшими в Калужской области

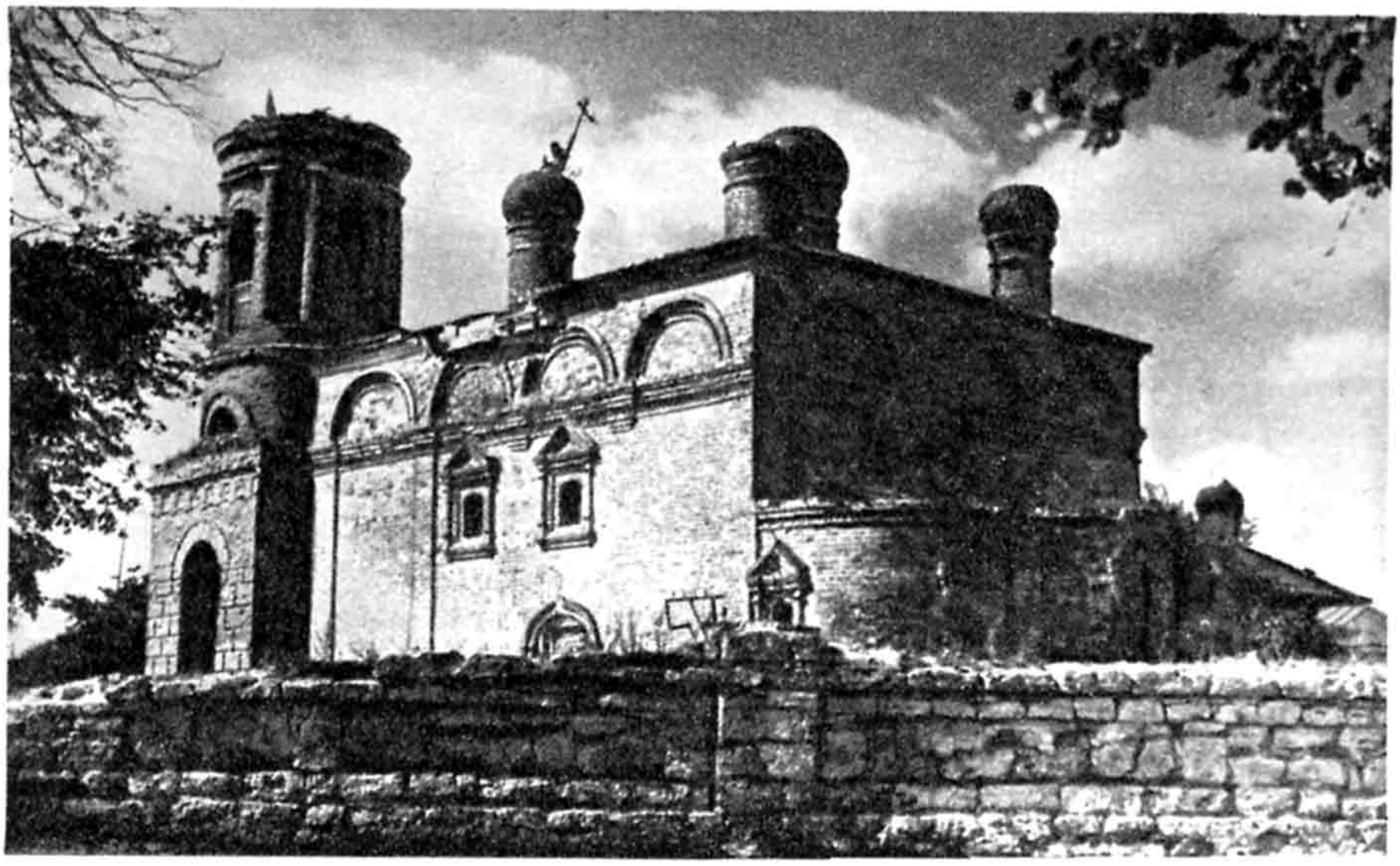

Ромоданово. Церковь Рождества. 1691. Внутренний вид

памятниками XVI в.). Эти просторные, сейчас почти безлесные места назывались «монастырщина», потому что здесь почти рядом стояло пять монастырей. В 60-х годах XVIII века монастыри были закрыты и превратились в обычные приходские церкви. От некоторых из них уже ничего не осталось, другие уцелели, но ограду, правда довольно позднюю, сохранили только церкви в Гремячеве. Без стен, что ни говори, монастырь на монастырь не похож.

ГРЕМЯЧЕВО. Название Гремячево происходит, если верить легенде, от звонкого ключа, сбегавшего под монастырем к Оке. Река в старину текла у самого обрыва, и место это было очень бойким: здесь была пристань и почти рядом с ней проходила Лихвинская дорога.

Монастырь в Гремячеве существовал с XVI века и был, по-видимому, очень бедным. Даже много позже, когда

Гремячево. Успенский монастырь. Общий вид

он процветал, в его владении было всего лишь две деревни. В конце XVII века ему привалила редкая удача: проездом на богомолье в Киев здесь остановился царь Алексей Михайлович. Местоположение монастыря, действительно необыкновенное, ему так приглянулось, что он распорядился выдать деньги на построение храма. На эти деньги в 1695 году был возведен соборный Успенский храм. Немного позже, в 1702 году, собственными силами построили зимнюю Георгиевскую церковь. Закрыт монастырь был в 1764 году и с той поры уже не возрождался.

Ансамбль Гремячева очень невелик. За скромной оградой с уцелевшими створками ампирных ворот стоят зимняя церковь, бывший собор и колокольня. Простая и хорошая колокольня — начала XIX века. Кажется, уже видел когда-то ее, окруженную стаей галок,— до того типична она для русского пейзажа. Не пытаясь подделаться под древность, она своей сильной вертикалью

не только объединила постройки, но и весь ансамбль сделала гораздо звучнее.

Успенский собор тоже вполне обычен для конца XVII века. Хотя построен он позднее, чем церковь Знамения в Трубине, традиция в нем почти ни в чем не нарушена. Он пятиглавый (главы глухие), с трехчастным алтарем и декоративными кокошниками. Но, несмотря на всю традиционность (а может быть, именно благодаря ей), живописная архитектура XVII века нашла здесь яркое воплощение. На примере собора можно изучать художественные принципы и приемы этого времени. При общей симметрии плана боковые фасады совершенно асимметричны: западный кокошник шире других (что примерно отвечает внутреннему делению церкви), портал не на одной оси с окном (хотя требовалось только чуть-чуть его сместить), лопатки под кокошниками не всюду и т. д. Наивно полагать, что все это случайность: всюду словно пренебрегают конструкцией, хотя строители, разумеется, прекрасно знали ее истинные возможности. Недаром главы они сделали небольшие, построив на противопоставлении крупного объема собора и преуменьшенных глав весь художественный образ*. Убранство церкви очень пластично, точно вылеплено руками. Это тем поразительнее, что здесь всюду употреблен суховатый по формам лекальный (а не тесаный) кирпич. Как и в Ромоданове, церковь Успения двустолпная. Чтобы при глухих главах дать естественное для собора освещение сверху, нижних окон вообще не сделали, а верхние подняли очень высоко. Просторный, лаконичный интерьер полон чисто конструктивной красоты и в то же время очень театрален.

Монастырь расположен на «пятачке», но стоит только шагнуть в сторону обрыва, как распахивается великолепный вид. По необъятной низине течет Ока — синяя на фоне лугов и полей, напоенных ее водами. Тени от облаков скользят по земле. До самого горизонта расстилается эта панорама, и ничто, кроме Оки, не оживляет ее, только цвет полей всюду разный. Вот где припомнился нам герб Калуги: зеленое поле — серебряный переклад.

ПЕРЕМЫШЛЬ. Почти под Гремячевым Ока, будто раздумав, сворачивает влево и там, на самом горизонте, вырастает городок, поминутно тающий в дымке и снова обретающий материальность,— Перемышль.

Путешественники начала прошлого века довольно однообразно отзывались об этом городе: «Перемышль —

городок пустой». «Перемышль есть не что иное, как деревня. Только и заметили мы здесь, что превеликое стадо рогатого скота». Действительно, это был один из самых бедных уездных городов, даже гостиницы в нем не было — только постоялый двор. Но все-таки огромное Корекозово — деревня, а маленький Перемышль — город (хотя с 1925 г. считается селом), город и по планировке и по всему облику. И мне хочется нарушить традицию и сказать о нем несколько добрых слов.

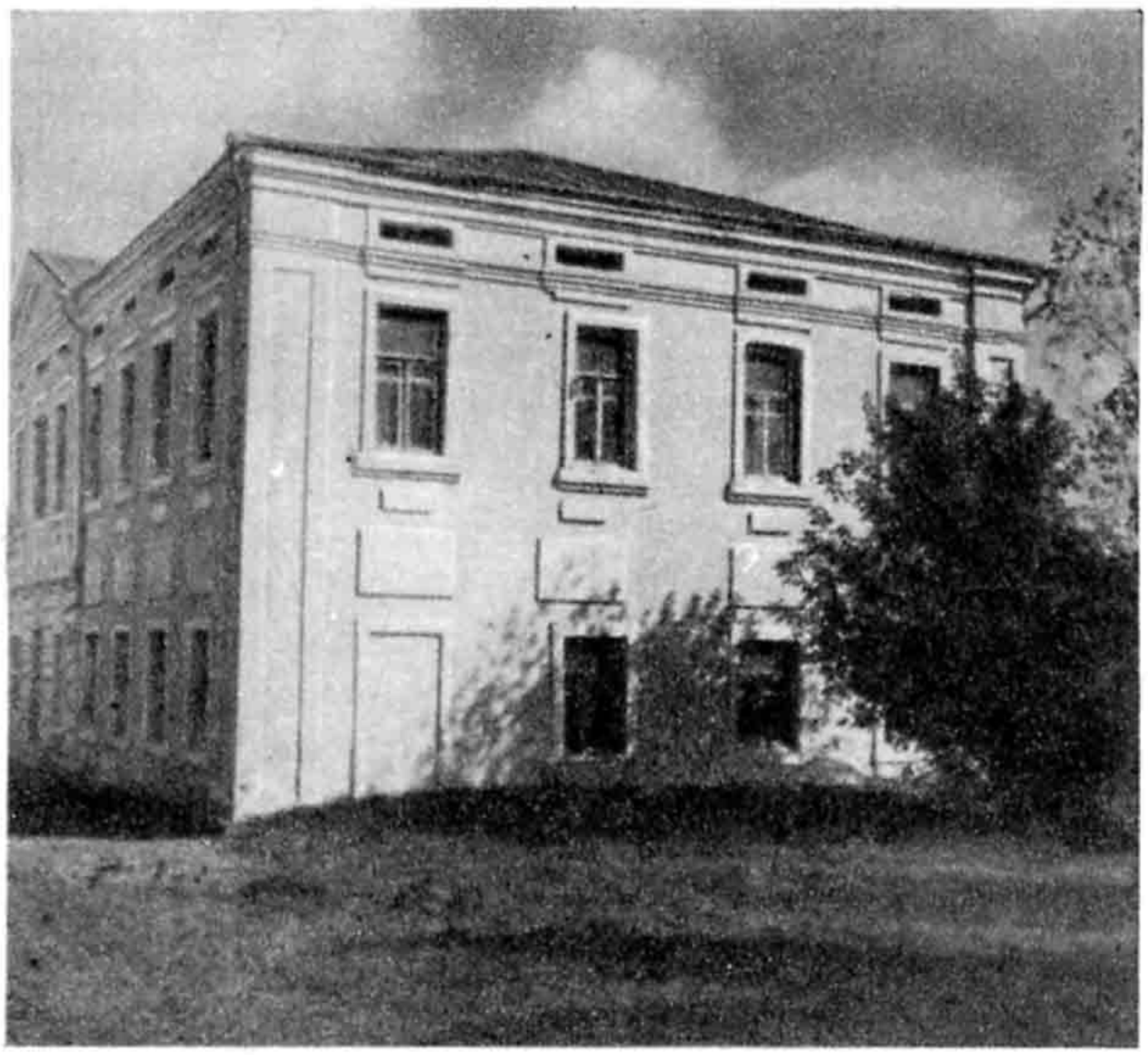
Раположен Перемышль, как маленькая Калуга, на холме над Окой. Недаром и герб у него был почти калужский, только серебряная лента шла по вертикали*. Упоминаемый впервые в XIV веке, он находился одно время под властью Литвы, но с конца XV века числился за Москвой. В XVI веке здесь был деревянный острог с восемью башнями. Город был прекрасно защищен своим положением (в старину это было важнее, чем выстроенная крепость) и сверх того был окопан глубоким рвом. Во время литовской интервенции Перемышль поочередно опустошали войска Лжедимитрия, Сапеги и Лисовского, и освобождал его от поляков князь Пожарский.

К концу XVII века башни и стены укреплений сгнили и вооружения в крепости почти не было, а в XVIII веке Перемышль был уже обычным маленьким городом: два монастыря, собор и ни одного каменного дома (в Описании наместничества здания уездных учреждений — и те указаны деревянными). Даже в 1912 году в нем было только шесть каменных домов.

В 1777 году, став уездным городом, Перемышль вместе с другими городами получил новый план. Это был хороший план, по нему город привели «в регулярство», но не совершили никакого насилия над рельефом. Центр остался на прежнем месте — над обрывом, и пейзаж города уцелел.

Памятников архитектуры в Перемышле немного: очень скромная церковь Рождества (середины XVIII в.) на месте бывшего монастыря, закрытого в 1764 году, каменный дом (на углу улицы, где шоссе поворачивает в Козельск,— быть может, самый старый дом в городе), присутственные места, стоящие рядом с обрывом. Это красивейшее место города. Так и представляется здесь какая-нибудь сцена из пьесы Островского.

Присутственные места построены после 1782 года, наверняка по типовому проекту. Это простое и благородное здание. Интересно, что в нем «вместо окон слуховых — окошки узенькие выше окон обыкновенных» (так описывал

Перемышль.
Присутственные места.
Конец XVIII в.

А. Т. Болотов обычный дом конца XVIII в.). Зрительно они связаны с проемами второго этажа, и масштаб дома от этого очень выигрывает. Этот прием вымер уже в начале XIX века. «Нынче,— писал Болотов,— стали делать большие окна во фронтоне, итальянские дугой».

Полоса вдоль обрыва с давних пор была центром города. Здесь стоит собор и очень эффектная по силуэту церковь Сошествия духа (1767). Трапезная пристроена к ней позже и немного спутала ее образ — это церковь ярусная и центрическая. Убранство ее очень скромно, нет даже капителей у пилястр, вместо них выложено из кирпича нечто похожее на них.

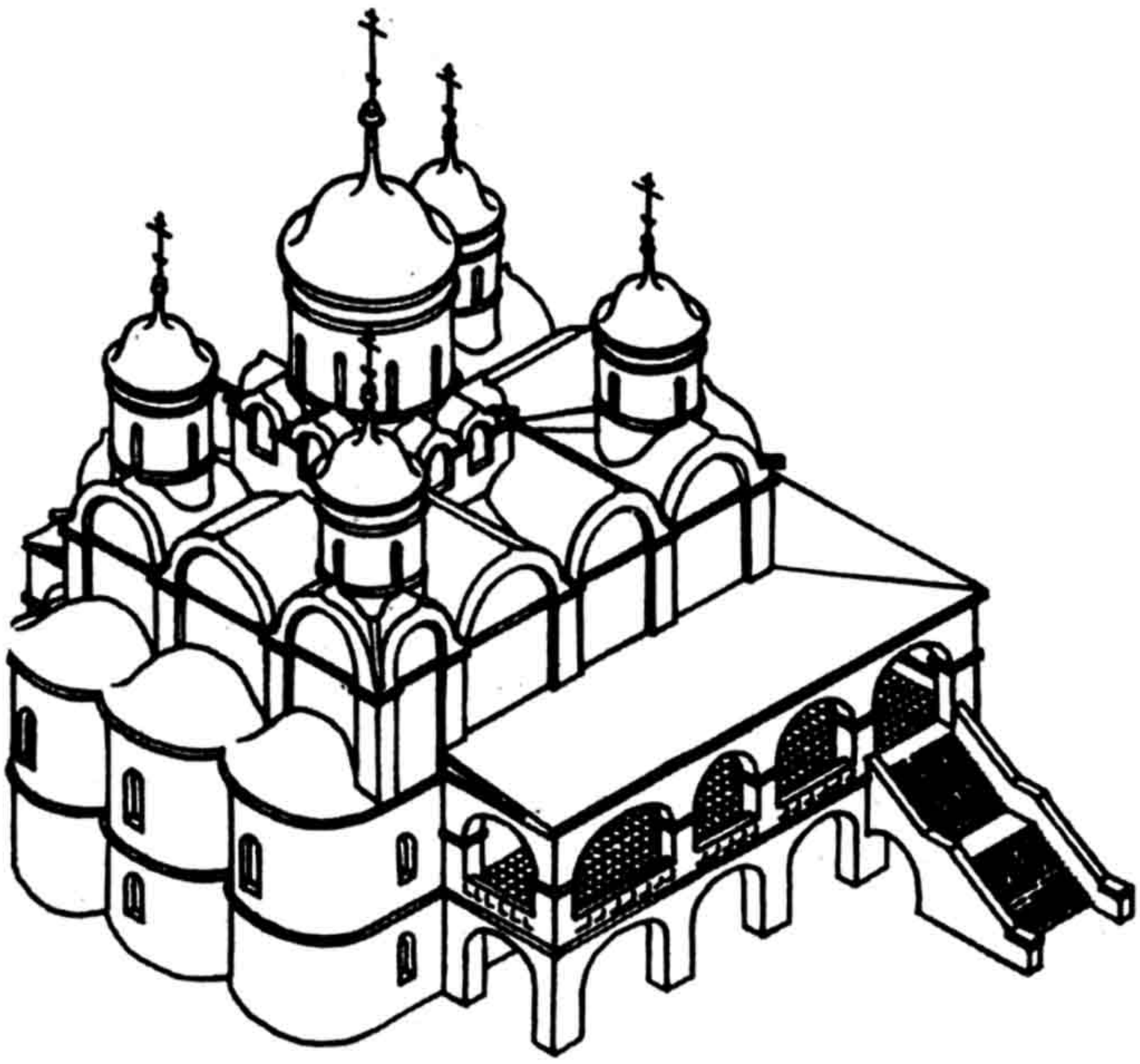
Сильная вертикаль Сошественской церкви уравновешивается на другом краю обрыва собором. Памятники разных времен, они не только уживаются, но и поддерживают друг друга. Между ними нет ни одного здания, только городской сад. Очень важно, чтобы здесь и дальше ничего не строили.

Перемышль. Вид на Успенский собор (XVI в.) от церкви Сошествия

Успенский собор — великолепный памятник XVI века — стоит в «Завершье». Именно здесь и был в XVI веке старый острог (еще в XVIII в. это место так и называлось). Под собором существует обширная палата, где можно было отсиживаться во время осады, а под палатой — погреб, туда в трагические минуты несли ценнейшее имущество (говорят, что из погреба к Оке вел подземный ход). В конце XVIII века здесь, как в самом надежном месте, хранилась городская казна.

Перемышльский собор во многом похож на собор Пафнутьева монастыря. Сходство это объясняется, конечно, только тем, что обе церкви построены примерно в одно время — каждая эпоха имеет свои излюбленные типы зданий, излюбленные приемы и детали. Собор в Перемышле, разумеется, и меньше и беднее боровского. Он проще, суровее, почти вовсе лишен украшений. Но он тоже четырехстолпный и сначала был тоже пятиглавым (когда свод дал трещину, малые главы разобрали). Собор

Перемышль. Успенский собор. Реконструкция Е. Н. Подъяпольской

решен средствами «чистой» архитектуры — гладь стен, мощные объемы и благородство пропорций. Галерея, полная воздуха, игры света и тени, смягчала облик этого крепостного храма. Переделки собора начались давно. В середине XVIII века сменили завершение главы, в 1787 году построили колокольню, в XIX веке сломали галерею. К счастью, все эти переделки не погубили его первоначальный облик. Большинство окон остались нерастесанными — узкие, тесные, как бойницы, в некоторых уцелели решетки. Галерея словно отпечаталась на стенах в тех местах, где к ним примыкала. Даже малые главы можно восстановить, хотя и уничтожены они почти полностью. (Так были восстановлены главы собора в Ярославле, когда удалось разгадать пропорциональное построение собора.)

Вот и все о Перемышле. Нужно только еще обязательно спуститься в теснину между холмами и дойти до Оки. Город отсюда едва виден, он почти весь спрятался за

холмом, как за бастионом. Видны только зелень сада, церковь Сошествия и на самой кромке обрыва собор, глядящий в бесконечные просторы. Нет, Перемышль городок не пустой!

ИЛЬИНСКОЕ НА ЖИЗДРЕ. В истории архитектуры переходные эпохи самые интересные. Иные древние памятники поддаются датировке с точностью только до столетия, а на рубеже XVII и XVIII веков (или сто лет спустя) этот интервал можно сократить лет до десяти — так стремительно менялся стиль. Но всего поразительней, что самые противоречивые черты — старое и новое — порой мирно уживаются в одной постройке.

Еще в XVIII веке в Ильинском был небольшой монастырь, основанный в начале XVI века монахом Феогностом Шаровкой (поэтому и называвшийся Шаровкиным). Монастырь находился под покровительством князей Воротынских, и в нем не раз останавливался Иван Грозный. Но в конце XVII века он обеднел. В XVIII веке монастырь приписали к московскому Донскому монастырю. В 1764 году перевели в заштатные, а в 1766-м он сгорел. Но церкви его остались, а в конце XVIII века была построена прекрасная колокольня.

Сведения о времени постройки церквей Ильинского очень противоречивы: история монастыря почти не изучена, хотя среди бумаг Донского монастыря есть множество документов, относящихся к Шаровкину. Для зимней церкви иногда приводят как дату постройки 1659 год, а для Успенской (бывшего собора) совсем уж фантастическую — XVI век. Гораздо более правдоподобной кажется другая дата зимней церкви — 1700 год, но Успенская церковь построена не раньше начала XVIII века, скорее всего в 1720-х годах (к этому времени относятся богатые пожертвования «на монастырское строение»).

Как и Трубино, Ильинское на Жиздре многое объясняет в истории сложнейшей поры русской архитектуры. Трубино стоит по одну сторону этого рубежа, Ильинское — по другую.

Петровские реформы, в большинстве своем, разумеется, не были произволом, они были подготовлены всем ходом русской истории. Но, несмотря на чудовищную энергию Петра, которому не терпелось увидеть все переделанным, жизнь в глубине России все равно менялась постепенно. В архитектуре это особенно заметно. Время диктовало новые требования, а традиция цепко держала архитектуру

Ильинское на Жиздре. Общий вид ансамбля

Ильинское на Жиздре. Портал Успенской церкви. 1720-е гг.

→

в своих руках. И на Руси стали появляться удивительные памятники, противоречивость которых отражала противоречивость эпохи.

План Успенской церкви глубоко традиционен: притвор, трапезная и «настоящая церковь»—на одной оси, придел смещен к западу. Словом, по плану кажется, что увидишь типичную церковь конца XVII века, вроде Борисоглебской в Боровске. Но церковь в Ильинском ярусная, хотя и сильно асимметричная. Придел, который в традиционных памятниках XVII века мал и неприметен, здесь чуть ниже основной церкви. Вся композиция и силуэт Успенской церкви остры и необычны.

Детали церкви ведут происхождение от «нарышкинских» церквей. Порталы здесь великолепные, с прекрасной белокаменной резьбой. Но всего интереснее, пожалуй, как пытаются освоить в Ильинском ордер — колонну (вернее, пилястры). Архитектонический смысл колонны как опоры, на которой лежит антаблемент (карниз и все,

что с ним связано), здесь не выявлен совершенно. Как и зодчие XVII века, строители в Ильинском понимали ордер как украшение и с наивной радостью нарядили пилястрами все здание. На главке придела пилястры размещены так тесно, что капители почти смыкаются друг с другом. Но какие это пилястры! С ордером в Ильинском расправляются совершенно в духе XVII века. Здесь нарушены все каноны, пилястры то удлиняются, то укорачиваются в зависимости от места, в иных местах капители разрезаны вдоль и половинки разведены. Но обостренный интерес к ордеру, неслыханное изобилие пилястр выдает сравнительно позднюю дату Успенской церкви.

Похожие вещи можно увидеть и в интерьере. Древнерусский интерьер был очень конструктивен и почти лишен украшений. В Трубине сделана попытка по-новому осмыслить интерьер, обжить и украсить его. В Ильинском пошли гораздо дальше. Духом театральности веет от великолепной анфилады: притвор — трапезная — церковь. У окон — наличники с колонками и белокаменные подоконники, у входа в придел — портал. Но алтарь неожиданно маленький, тесный, средневековый. Он разделен на три части арками с висячими белокаменными «гирьками» — деталью до того характерной для XVII века (хотя, кажется, никогда не встречавшейся в интерьерах), что поневоле впадаешь в сомнение — не включает ли церковь более старые части.

Вторая, Сергиевская, церковь сама по себе не маленькая, но ее затмевает гордый размах собора. Она похожа на зимний домик с главкой вместо трубы. Детали обеих церквей почти одинаковы, но пилястры на невысокой стене Сергиевской церкви совсем укоротились. На пилястрах прямо в кирпиче прорублены три глубокие канавки — каннелюры (по классическим канонам их должно быть семь). Во всех формах чувствуется привычка каменщиков работать «в кирпиче». Под церковью огромный подклет с несколькими камерами и отдельными входами в них. Тут было, наверное, место и для ризницы и для монастырской казны. Церковь сильно разрушена. Это катастрофа для всего ансамбля, и, если не принять срочных мер, вся гармония этих непохожих и дополняющих друг друга образов может исчезнуть навсегда.

Поставлены церкви Ильинского великолепно, на самой кромке обрыва, над старицей Жиздры. Боюсь, что от частого повторения фраза эта притупилась, но русские монастыри и церкви действительно поставлены всегда с

математической точностью. «Не можно довольно выхвалить положения городов и деревень,— писал один иностранец.— Кажется, что для каждого из них нарочно выбирали место, с которого бы виды были сколько можно лучше».

Миновав поворот на Ильинское, дорога начинает подниматься в гору. У Верхнего Алопова она забирается на поразительную для среднерусской равнины высоту, а потом стремительно бросается вниз, и следующая деревня так и называется — Подгоричье. Сверху хорошо видны церкви Ильинского и река Жиздра, окаймленная лесами. Леса по Жиздре и Угре издавна ценились за свои качества — недаром из этого леса был построен в XVII веке Коломенский дворец — «восьмое чудо света».

По этой дороге полтораста лет назад возвращался из Киева в Москву необычайный путешественник — замечательный поэт и бывший владимирский губернатор И. М. Долгорукий. Умный и наблюдательный, он любил и понимал архитектуру. Он замечал то, чего не замечали современники, и его описания (которые не раз приводились как безымянные) для нас очень интересны. «От Козельска до Перемышля,— писал он,— дорога усыпана, так сказать, господскими местностями и прекрасно отстроенными. Более всех прочих глядеть хочется на деревню г. Кашкина. Большой каменный дом в три жилья (то есть в три этажа.—*Е. Н.*); вокруг него прекрасный сад, беседки, искусственные шатры, стога сена с многочисленными круглыми окошками («бычьими глазками»)*— немножко некстати: в стогах окошек не бывает, но простим роскоши некоторые отступления от натуры». Усадьба Кашкиных была рядом с Козельском, в селе Нижние Прыски. Это их родовое гнездо, перешедшее к ним по наследству от Ртищевых и Бахметьевых. Высококультурная семья Кашкиных дала в XIX веке несколько замечательных людей: декабриста С. Н. Кашкина, родственника и друга одного из главных деятелей декабризма — Е. П. Оболенского, петрашевца Н. С. Кашкина — товарища Достоевского (они познакомились в кружке Петрашевского, вместе взошли на эшафот и за минуту до казни были театрально помилованы Николаем I), замечательного музыковеда, близкого друга Чайковского, Н. Д. Кашкина. В Прысках гостил Достоевский и подолгу жил поэт В. И. Красов, член кружка Станкевича (он был учителем в семье Кашкиных). Замечательный архив Прысков незадолго до революции был передан владельцами в Академию наук.

Нижние Прыски. Церковь Преображения. 1787

Стога сена с окошками исчезли в Прысках, конечно, уже очень давно, но усадьба дожила почти до наших дней. Здесь был огромный (не меньше гончаровского в Полотняном) дом очень редкой формы — как разогнутая подкова, искусно разбитый парк и десятки служб. От всего этого сейчас осталась только очень неплохая, хоть и немного запоздалая по формам, церковь 1787 года (в ее подклетах и вокруг нее могилы Ртищевых и Кашкиных) да великолепный вид, который открывается с холма, вид на Жиздру, засечные леса и Оптину пустынь.

КОЗЕЛЬСК. В русской истории Козельск известен в основном своей беспримерной обороной против войск Батыя в 1238 году. Тогда это был довольно большой город (впервые он упомянут в 1146 г. как владение Мстислава Святославовича, внука Всеволода — Большое гнездо). Татары не могли взять его в течение семи недель, а когда

наконец они разбили его стены и ворвались в город, озверевший Батый приказал перерезать всех поголовно, включая детей и глубоких стариков. Малолетний козельский князь Василий, по преданию, утонул в крови*.

Но город воскрес. В начале XV века несколько лет он числился за Литвой, потом был выменен Москвой (за Волоколамск и Ржев), при Иване Грозном взят в опричнину. В начале XVII века это был цветущий город с пятнадцатью тысячами жителей, сорока церквами и деревянным острогом. Литовское нашествие его окончательно сокрушило: к концу XVIII века жителей стало впятеро меньше, и было здесь только семь каменных зданий (из них три церкви). К тому же в 1777 году случился сильный пожар, который хоть и облегчил реконструкцию города, но благосостоянию, естественно, не способствовал.

Хотя местные купцы вели большую торговлю, Козельск в начале прошлого века не был ни богатым, ни особенно красивым городом. «Он не велик и не заманчив с виду»,— писал Долгорукий. «Городок пребедный,— заметил другой путешественник,— однако издали имеет вид изрядный». Действительно, Козельск расположен на красивом месте, на обрыве, там, где в Жиздру впадает речка Дуругусна. Но то ли новый план, данный ему в 1777 году, был не очень удачен (он довольно механически «наложен» на старый город), то ли рельеф этого места такой, что здесь нет видов, подобных внутренним видам Боровска, но только «со стороны» город действительно более красив, чем «изнутри».

Главная улица Козельска (Большая Советская) — это дорога, идущая на юг (на Орел). Сейчас магистральные шоссе стараются вести в обход, но старые города, в особенности торговые, естественно росли вдоль таких дорог.

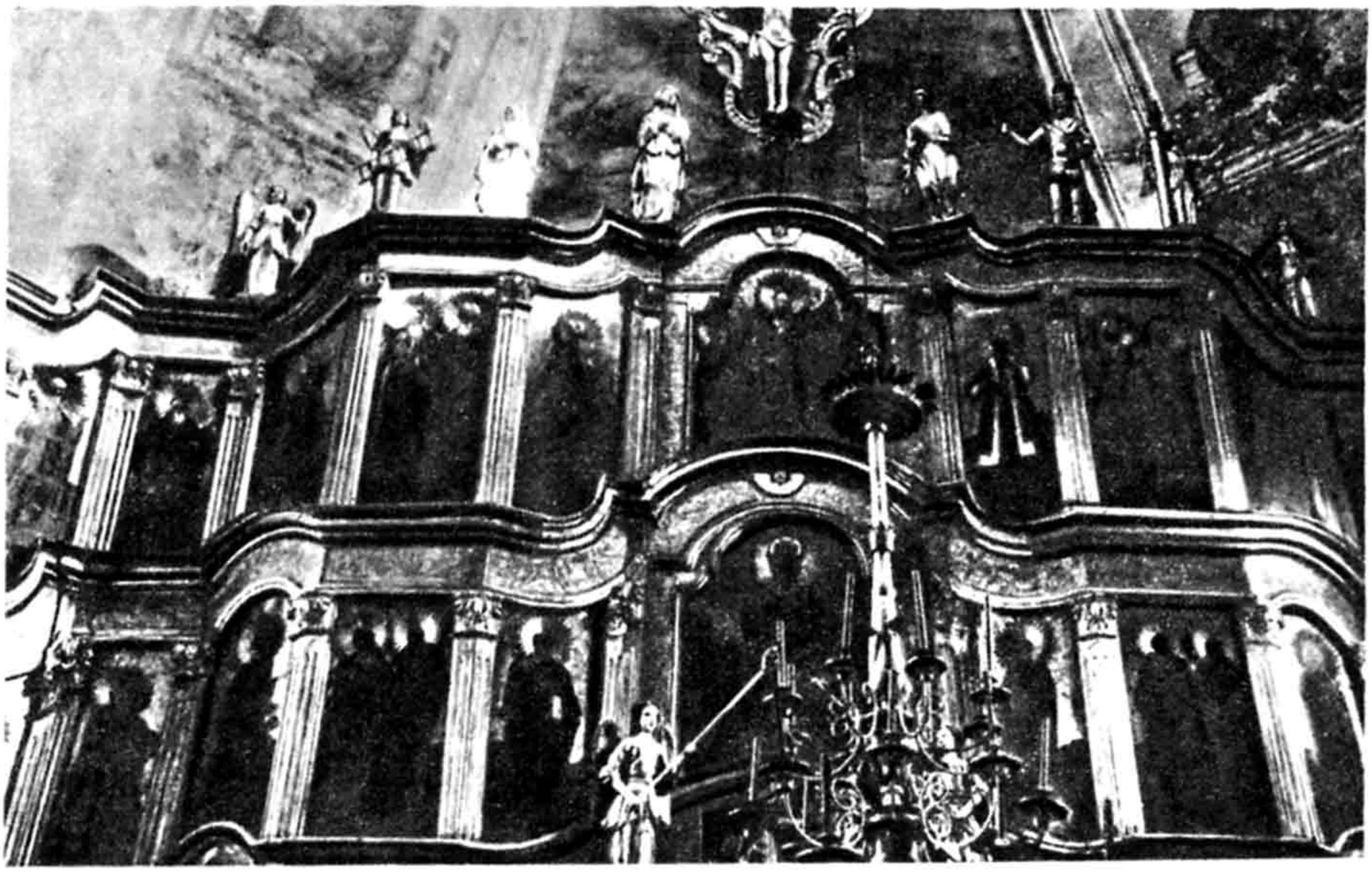
На главной улице и на тесном участке между ней и обрывом стоят все лучшие дома. Первым встречается большой дом купца Циплакова — типичный купеческий дом с каменным низом и колоннадой в деревянном верхнем этаже. Потом, у старой торговой площади, два стоящих рядом каменных дома Брюзгиных (по правую сторону шоссе), против них гостиница Зотова — в середине прошлого века лучшая гостиница города (нынешнее здание почты). Большинство этих домов построено, несомненно, по типовым проектам в самые первые годы XIX века. Более ранних домов в городе не осталось, только небольшой домик рядом с современной гостиницей (против почты) построен, вероятно, в 70-е или 80-е годы XVIII века. У него характерные для этого времени наличники с

Козельск. Дом Брюзгиных. Начало XIX в.

«ушами» и узкие горизонтальные окошки над карнизом, освещающие чердак (как в присутственных местах Перемышля). В самом конце Большой Советской улицы сохранился дом уездного казначея Вялкинского (у которого останавливался И. С. Тургенев) — очень скромный дом начала XIX века, ничем не украшенный, кроме балкончика в мезонине.

Лучшим домом города был упоминавшийся дом Брюзгиных, владельцев парусной фабрики. В мощном, грузноватом здании есть характерная для архитектуры классицизма черта: сочетание монументальности с изяществом архитектурных форм (сравните, например, тяжелый цоколь и тонкую, почти хрупкую колоннаду над ним). С улицы фасад дома симметричен, но со стороны двора о симметрии заботились мало: ризалиты (выступы), построенные, вероятно, позже, чем основная часть дома, разного размера. На одном из ризалитов петербургский чугунный балкон.

Козельск. Никольская церковь. Фрагмент иконостаса. Фото 1920-х гг.

Первый этаж занимали, как обычно, кухня, людские, кладовые и т. п. Кладовые (а может быть, и склады товаров) изолированы от других помещений, двери в них железные, а окна были забраны решетками. Потолки повсюду сводчатые, способные не только выдержать огромную нагрузку, но и помешать огню во время пожара перекинуться с этажа на этаж. Парадные комнаты дома были во втором этаже: старая планировка их уцелела, но из первоначальной отделки сохранились только карнизы, редкая для начала XIX века деревянная обшивка оконных откосов да великолепные двери совершенно того же типа, что и в московских дворцах этого времени. Судя по размаху интерьеров, здесь были, наверное, и паркеты, и росписи, и богатая мебель, купленная в столице.

От сорока церквей, существовавших в городе перед литовским нашествием, к концу XVIII века осталось семь. Административный центр размещался вокруг собора,

Козельск. Никольская церковь. 1740. Фото В. П. Тыдмана

возведенного в 1777 году, в тот год, когда Козельск стал уездным городом (в 1824 г. собор был сильно обновлен). Это довольно ординарное здание, но купол и колокольня его играли в силуэте города большую роль. Со сносом колокольни собор совершенно потерялся в городском пейзаже.

Недалеко от старой базарной площади, где были в конце XVIII века торговые ряды с тридцатью пятью лавками, стоит сильно разрушенная церковь Сошествия. На старых открытках она выглядит довольно уныло, но в действительности оказалась интересным памятником. Детали ее отделки, сочные и традиционные, можно бы отнести к середине XVIII века, но построена церковь в 1789 году — запоздание форм даже для провинции поразительное. Церковь очень характерно стоит — так, будто не обращает никакого внимания на направление улиц: при перепланировке городов приходилось считаться с положением каменных зданий, в особенности

церквей, почти всегда ориентированных с запада на восток, а более новые церкви стоят, как правило, на месте старых.

В эпоху классицизма построены еще две церкви: Благовещенская и Покровская (на кладбище, 1835). Церковь Благовещенья (1810), одна из двух церквей, создающих сейчас силуэт города, стоит в тихом переулке, в стороне от шума главной улицы. Любимым типом церквей в это время были церкви типа ротонды (круглые в плане). Но гораздо чаще, чем «чистые» ротонды, встречались такие церкви, как Благовещенская. В плане она квадратная, но главную роль в ее облике играет огромный, диаметром почти во всю ширину церкви, барабан с куполом. Шпиль колокольни, построенной в 1825 году, кажется иголкой по сравнению с этим барабаном.

Там, где Дуругусна впадает в Жиздру, с древних времен и до перепланировки 1777 года был центр города. Здесь проходит земляной вал, который и сейчас выглядит довольно грозно. В этом месте на краю обрыва стоит древнейшее здание города — Вознесенская церковь (1620-е гг.), очень редкий памятник, потому что в первые годы после «смутного времени», в истерзанной стране строили мало, и церкви эти были очень скромны. Церковь Вознесения была соборным храмом монастыря, закрытого в 1764 году. Конструкции ее сохранились, и, хотя снаружи она давно уже обезличена, первые же раскрытия, сделанные недавно Н. Н. Померанцевым, показали, что облик ее можно восстановить.

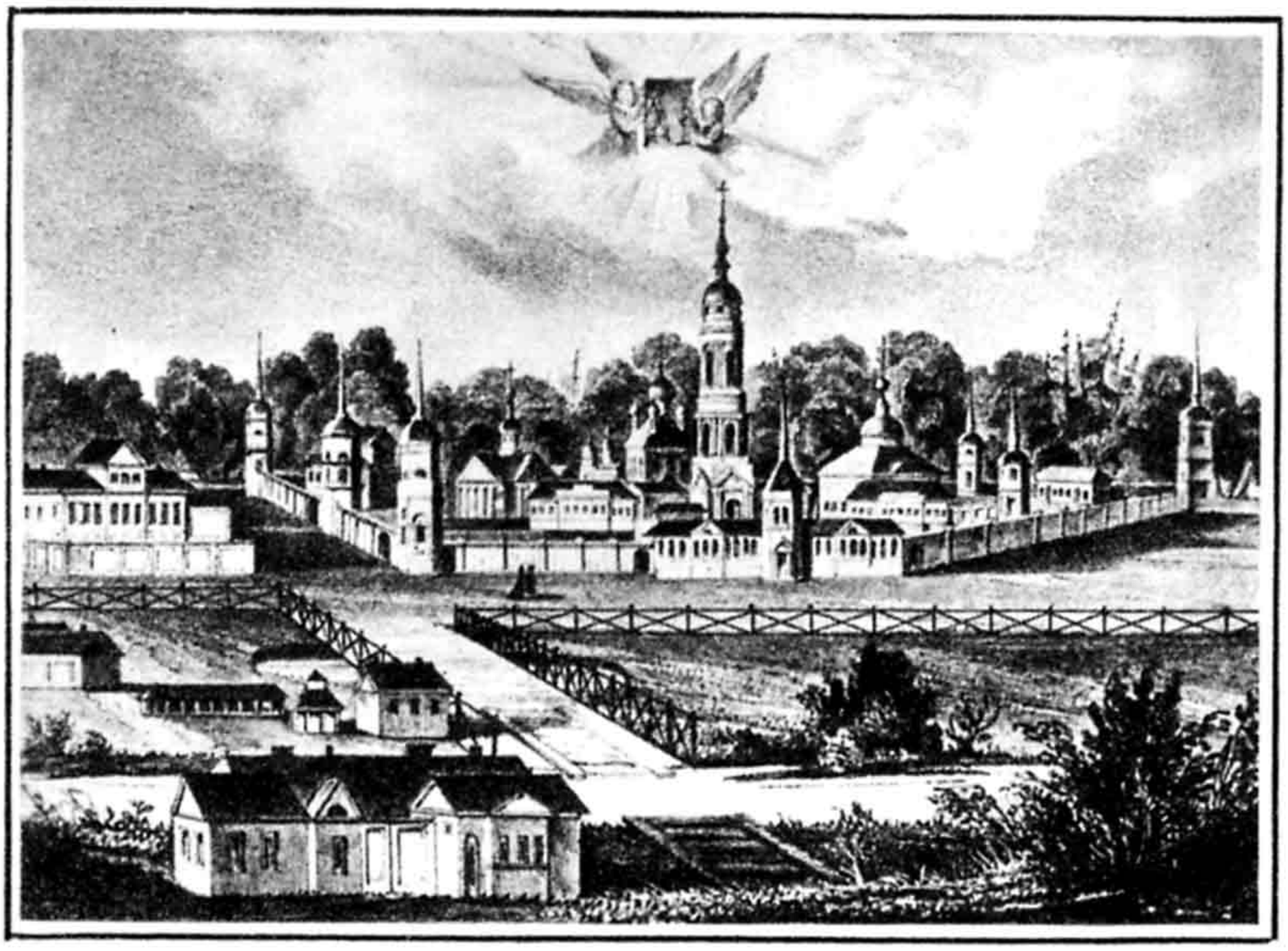
В состав монастыря входила и стоящая рядом Никольская церковь. «Столичный памятник», подумал я, увидев ее впервые. Я даже и не догадывался, до какой степени это справедливо: в Москве существует — мало сказать, аналогия — несомненный ее прототип: церковь Иоанна Воина на Якиманке (ныне улица Димитрова). Конечно, сходство композиции само по себе еще ни о чем не говорит, но тут совпадений слишком уж много. А ведь церкви разделяют почти тридцать лет: церковь Иоанна Воина закончена в 1712 году, а Никольская церковь Козельска — в 1740 году. Чем вызвано это сходство, до сих пор остается загадкой. Может быть, гофмаршал Шепелев, на средства которого она строилась, жил в Москве неподалеку от церкви Иоанна Воина и хотел в Козельске видеть ее повторение?

Козельск далеко протянулся своими слободами. Но со стороны реки он резко обрывается, и когда едешь к Оптиной пустыне, город амфитеатром выстраивается над

обрывом. Над кровлями домов живописно возвышаются островерхие силуэты церквей. Долгорукий все-таки неправ: Козельск «заманчив с виду».

ОПТИНА ПУСТЫНЬ. Помните «Братьев Карамазовых» Достоевского? Монастырь, где жил Алеша, прозрачную фигуру «старца» Зосимы, его беседы в скиту с бабами, забитыми нуждой, с Алешей? Старец этот существовал на самом деле, только звали его Амвросием* и жил он в Оптиной пустыне — монастыре, который виден из Козельска. И скит существовал и находился как раз «шагах в четырехстах» от монастыря. Среди тысячи с лишним монастырей России конца XIX века Оптина пустынь занимала особое место, но не богатством, не архитектурой, а своей удивительной ролью в нашей литературе.

Долгое время этот древний, основанный еще в XV веке монастырь влачил жалкое существование. Вотчин у него не было, единственную мельницу отобрал город. Монахи ели одну вареную капусту и, потеряв от бедности всякий стыд, клянчили подачки. «Пожалейте нас»! — было написано на страницах вкладной книги. Был момент (в 1773 г.), когда здесь было всего двое монахов — оба глубокие старики (один к тому же слепой). Местные жители выкашивали по ночам монастырские луга, ловили рыбу в монастырских прудах, раз украли двух лошадей. Монахов очень смущало, что обыватели устраивают в роще пикники, «ходят по нашим дачам и поют песни, так что и во время божественной службы слышно в церкви». Но с конца XVIII века все начинает меняться. Со всех сторон пожертвования, монастырь приобретает разные угодья, мельницу и молниеносно обстраивается каменными зданиями. Но настоящие перемены произошли в 1821 году, когда на монастырской пасеке был устроен скит, так сказать, монастырь в монастыре. Здесь поселились особо «сподобившиеся» пустынники, люди, которые многие годы провели в совершенном уединении. Всей духовной жизнью стал ведать «старец» (настоятель оставался обычным администратором). Со всех сторон к нему потянулись страждущие: тут были больные и убогие, деревенские бабы, забитые нуждой и бесправием, и интеллигенты, остро чувствовавшие вопиющую несправедливость жизни. Бывали и почтенные профессора — славянофилы вроде Шевырева или историка Погодина. Эта пестрота лиц, разнообразие характеров были одной из причин, привлекавших сюда больших писателей.

Оптина пустынь.
Литография Бореля.
1840-е гг.

О «старце» Амвросии следует сказать особо. Кто был этот человек, от бесед с которым Достоевский вынес «глубокое и сильное» впечатление? Одно время он состоял письмоводителем при «старце» Макарии, его предшественнике. Перед ним прошло бесчисленное количество писем, целая вереница человеческих судеб. Хорошо образованный, обладавший великолепной памятью, Амвросий стал блестящим психологом и мог зачастую с первого взгляда распознать человека. Вопросы церковной догматики его мало интересовали (это видно и из «Братьев Карамазовых»), и советы его бывали порой очень практичны. Амвросий в равной мере умел вести беседу и с Львом Толстым и с невежественными бабами, и речь его, полная народного юмора, производила сильное впечатление.

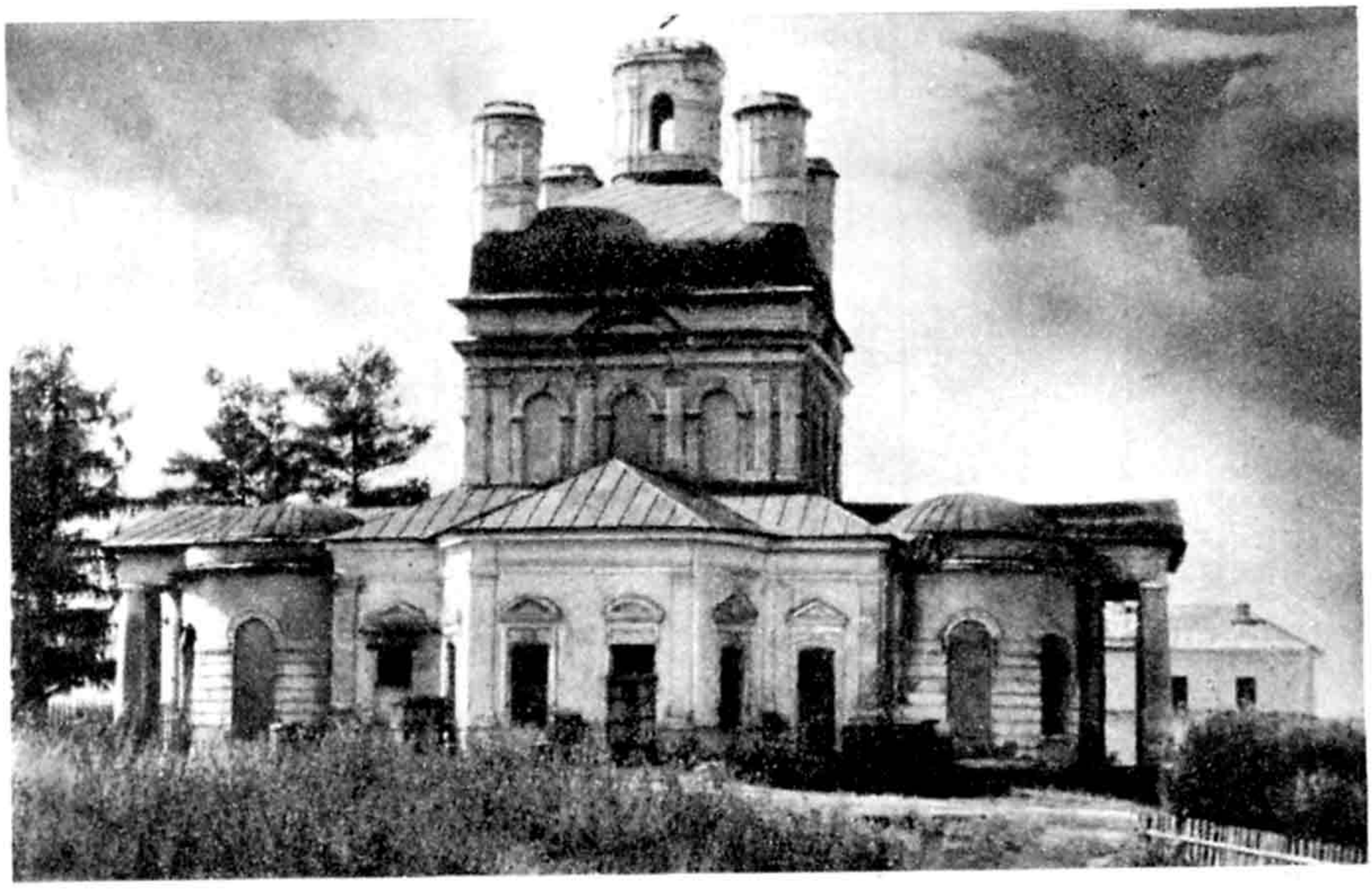
Отражение Оптиной пустыни в русской литературе, связи русских писателей с ней — это тема для большого исследования. С Оптиной связаны многие литературные

замыслы (например, в значительной мере на материалах Оптиной пустыни написан «Отец Сергий» Л. Н. Толстого). В ее стенах вспоминаются имена А. К. Толстого, братьев Киреевских (которые оба здесь и похоронены), А. М. Жемчужникова, Апухтина (в его поэме «Год в монастыре» изображена Оптина пустынь), а в первую очередь, конечно, имена Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Н. В. Гоголь заезжал в Оптину в 1850 году (с М. А. Максимовичем) во время своего путешествия в Малороссию. По словам его первого биографа, этот монастырь он «особенно любил». Бывал он здесь и до этого: дорога на юг была ему хорошо знакома. Со старцем Макарием он до конца дней был связан перепиской. Мятущийся, растерявшийся Гоголь несомненно искал здесь в последние годы душевного покоя, как позже Достоевский и в конце жизни — Л. Н. Толстой.

Ф. М. Достоевский поехал в Оптину сразу после тяжелой драмы — смерти сына (в 1878 г.). Но давно влекли его сюда и литературные замыслы. Он прожил в Оптиной пустыни (в скиту) очень недолго, но множество деталей в «Братьях Карамазовых» возникло под впечатлениями этой поездки. И не только деталей. Миру стяжательства и необузданных страстей противостоит в его романе трезвый разум Ивана и душевная чистота Алеши и «старца».

У Л. Н. Толстого с Оптиной была отчасти особая, личная связь: его родная сестра М. Н. Толстая была настоятельницей основанного Амвросием Шамордина монастыря (недалеко от Козельска, на речке Серёне)*. Толстой был в Оптине пять раз. В 1881 году он пришел сюда (вместе с учителем яснополянской школы) пешком, в лаптях и простой рубахе. В таком обличье монахи не признали его, уже известного всей России, и поместили вместе с нищими в грязную гостиницу для «простонародья» (Толстой выдал себя случайно, купив деревенской бабе дорогое Евангелие). В ту пору он еще не был отлучен от церкви, но уже презирал и ненавидел казенное православие. О монахах Оптиной отозвался сурово: «Горе им, они живут чужим трудом». Но разговором со «старцем» остался в общем доволен, хотя тот и сказал о нем после: «Горд очень». Последний раз Толстой посетил Оптину пустынь за несколько дней до смерти. После ухода из Ясной поляны он отправился в Козельск и один день прожил в монастыре. Официальная религия в это время была полностью вычеркнута из его жизни. «Вы хотели бы узнать, что мой брат искал в Оптиной пустыни? —

Оптина пустынь.
Введенский собор. 1750

писала год спустя М. Н. Толстая.— Горе его было слишком сложно. Он просто хотел успокоиться и пожить в тихой духовной обстановке». Но в России не было места, где Толстой мог бы остаться незамеченным, и он двинулся дальше — в Шамордино, а потом — в свое последнее путешествие.

За такой литературной биографией Оптиной пустыни как-то потерялся ее архитектурный облик. А это хорошая и типичная архитектура начала XIX века (только соборная церковь старше, она заложена в 1750 г.). К тому же Оптина пустынь (и с этого следовало бы начать) играет для козельского пейзажа такую же роль, как церковь Ромоданова для калужского.

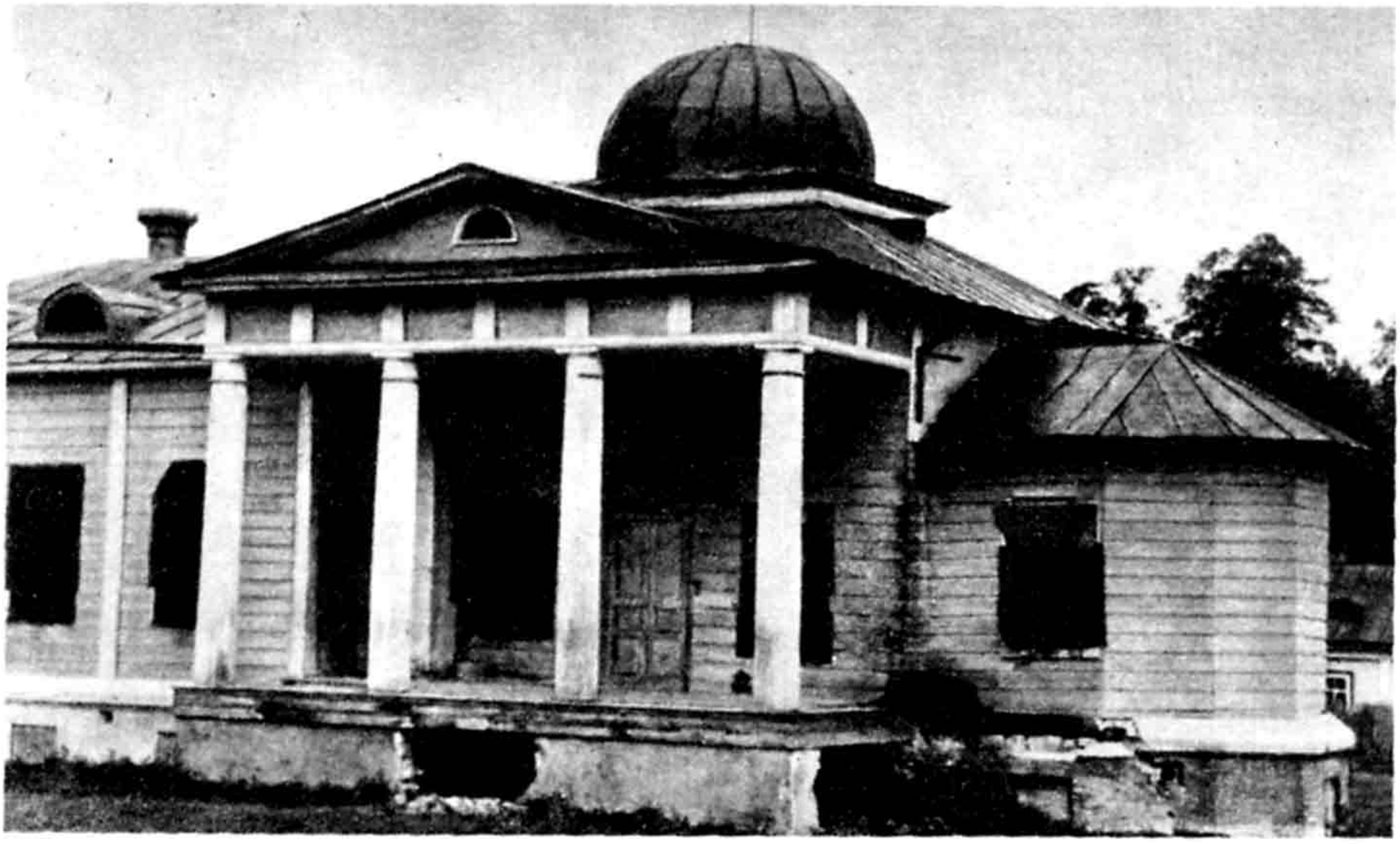
От города до монастыря километра два. Дорога пересекает реку и идет прекрасной, хотя и сильно поредевшей монастырской рощей вдоль Жиздры, текущей рядом в низких песчаных берегах. Монастырь расположен на пригорке, одна только западная стена идет понизу.

Оптина пустынь. Восточная (проходная) башня ограды. 1832

Поэтому сверху все видно: Жиздру, церковь Нижних Прысков, Козельск, поднимающийся прямо против монастыря за рекой.

Невысокая ограда монастыря построена в 1832—1839 годах. Со стороны реки первоначально она шла поверху, так что колокольня приходилась как раз посреди западной стены. От этой ограды до войны сохранилась башня, стоявшая внутри монастыря (южнее колокольни). Ограда скромна и красива. По верху стен шли зубчики, а под ними — стрельчатый узор (позднее срубленный). Четыре наугольные башни использовались как кельи, две башни были проходными, с подъемными воротами. Ни в стенах, ни в башнях нет ничего церковного (кроме разве флюгеров в виде трубящих ангелов, украшавших две башни) — такой могла быть ограда крупной усадьбы. Прекрасные южные ворота могли бы вести в сад, а круглая башенка похожа на парковый павильон. Это и не удивительно: начиная с XVIII столетия главенствовала

Оптина пустынь. Скит. Церковь Иоанна Предтечи. 1822

гражданская архитектура, и формы ее распространялись и на церковное зодчество.

План у монастыря простой и ясный — это почти квадрат, в центре которого собор. Вокруг собора крестообразно расположены церкви. На севере — церковь Марии Египетской, переделанная в 1858 году из старой трапезной (новая трапезная стоит севернее колокольни, ее сухие, безжизненные формы характерны для конца 40-х—50-х гг. XIX в.). На юге — Казанская церковь (1805—1811), скромная постройка, очень характерная для первых лет XIX века, прежде завершавшаяся куполом. На востоке видны фундаменты разобранной недавно больничной Владимирской церкви (Оптина пустынь до сих пор не состоит на государственной охране), а на западе — низкий ярус тридцатисаженной монастырской колокольни, построенной в 1801—1804 годах. По обеим ее сторонам стоят кельи — обычные здания первых лет XIX века, позже (в 1846 г.) надстроенные. Верх колокольни погиб

Губино. Церковь Иоанна Предтечи. 1709. Окно четверика

во время войны. Не многим ансамблям гибель колокольни нанесла такой удар, как в Оптиной,— монастырь потерял сильнейшую вертикаль и расплылся.

Первый каменный собор монастыря был построен в 1689 году. Но уже в начале XVIII века он обветшал, в 1750 году был разобран, и на его месте заложили новый храм. Но «жертвователь» — гофмаршал Шепелев — вскоре умер, и строительство сильно затянулось: отделан собор был только в 1767 году, а освящен и того позже — в 1771 году. Хороший памятник середины XVIII века, собор сохранил редкую деталь — крыльцо у западного входа с изящными, приподнятыми на высокие постаменты колонками. На сводике крыльца сохранились распространенные в то время украшения с нервюрами (буквально — «жилками»). Приделы собора построены в 1837 году, в последний период русского ампира.

Вдоль монастырских стен прилепились кельи, гостиницы, здания библиотеки, хлебопекарни, черепичной фаб-

рики и т. д. Справа и слева от круглой башни стоят небольшие домики с деревянными мезонином и колоннадой (южный — «игуменский», северный — с кельями и аптекой). Похожие на дома скромных дворянских усадеб, одним фасадом они обращены в монастырь, а другим — уже за его пределы, в ту сторону, где за монастырской рощей расположен скит.

Когда он устраивался, лес вокруг запрещено было рубить, «дабы навсегда он был закрытым». Великолепная роща и сейчас надежно прикрывает скит: если не знать, по какой дороге идти, его не сразу и отыщешь. Сосны скрипят на ветру, и их мятущиеся вершины кажутся такими далекими, что как-то не связываются в одно целое с неколебимыми основаниями стволов. Маленькая территория скита была необычайно ухожена. Скит славился изумительным богатством осенних цветов — ими были засажены все свободные клочки земли. По самой сущности скита здесь не могло быть богатых построек. К тому же почти все его здания второй половины XIX века. Значение скита почти исключительно мемориальное — здесь еще целы домики, где останавливались Гоголь и Достоевский, здесь оживают страницы «Братьев Карамазовых». И все-таки есть в скиту одна замечательная постройка — деревянная церковь Иоанна Предтечи (1822), срубленная из того самого леса, который рос на месте скита. Многие сотни таких церквей стояли в усадьбах и селах России. Но сейчас проще, пожалуй, найти деревянную церковь начала XVIII, нежели начала XIX века, и скромная церковь в скиту стала редким и драгоценным памятником. В формах этого храмика нет ничего специфически деревянного — во всем явно чувствуются каменные прототипы. Но всюду сделаны поправки на деревянные конструкции: колонны тонки и отнесены далеко от стен (так что за колоннадой образовалось нечто вроде гульбища), купол очень мал и явно декоративен. Эта двойственность образа — камень, воплощенный в дереве,— характерна для всего русского деревянного ампира.

От ограды скита ничего не осталось, кроме занятной северо-западной башенки (построенной в середине XIX в.). Но линию этой ограды легко проследить по стоявшим у стен домикам «старцев». Здесь в скиту с каким-то недоумением думаешь о людях, которые не могли примириться с миром зла и стяжательства, скрылись от него в этих стенах и забыли о его существовании. Но мир от этого не перестал существовать, и разразившаяся наконец

буря захлестнула крошечный мирок скита. А когда волны схлынули, здесь не осталось ничего, кроме остовов построек.

После скита монастырь с его просторными видами показался нам земным и радостным. Был сверкающий день, свежий ветер ерошил реку и гнал облака. Прорвавшееся между ними солнце слепило глаза. На фоне неба плыл собор. А мне вдруг вспомнилось другое: «Над ним широко, необозримо опрокинулся купол небесный, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Светлая, тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотая глава собора сверкали на яхонтовом небе. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю». Эти строки «Братьев Карамазовых» внушены Оптиной пустынью, и мы всегда с благодарностью будем думать об этом.

Вокруг Козельска есть удивительные природные места, вроде «Чертова городища» с его фантастическим светящимся мхом. Есть и множество памятников, почти не изученных. Мы выбрали наугад три: Хозцы, Губино и Волконское (все три по дороге на Ульяново)—и не пожалели.

Хозцы оказались довольно глухим селом, хотя и расположенным недалеко от прекрасной «бетонки». На краю обрыва лицом к просторным и уютным пейзажам, окаймленным лесами, с блистающей Жиздрой вдали, стоит церковь середины XVIII века (1759) — из числа самых бедных сельских церквей, лишенная всяких украшений. Маленькая церквушка поставлена, как обычно: она не только не теряется среди просторов, но даже главенствует в пейзаже. В начале XIX века ей приделали новую деревянную главку в виде вазы (обычной для того времени формы), а колокольне — высокий шпиль. Когда глядишь на церковь, вспоминается что-то очень знакомое: картины передвижников, стихи Никитина — самые ранние, впитанные с детства образы старой России.

По другую сторону дороги, в Губине, была в конце XVIII века обширная усадьба, от которой не осталось ничего, кроме небольшой, но очень хорошей церкви 1706 года. Церковь почти не подвергалась перестройкам, только в конце XIX века устроены приделы да очень давно обвалился (или обрушен нарочно) шатровый верх колокольни. После надстройки (вероятно, в середине XVIII в.) колокольня стала гораздо выше, но отношения между ней и церковью сместились не в лучшую сторону.

Названия Губина и Хозцов звучат как названия обычных сел, но громкое имя Волконского, лежащего километрах в пятнадцати от Козельска, почти на самой дороге, говорит о тех временах, когда здесь была столица удельного княжества — древний Волконск (отсюда и пошла фамилия Волконских, как фамилия Вяземских — от Вязьмы, а Одоевских — от Одоева). В XVIII веке все это было уже далеким прошлым.

Усадебный дом и деревянная церковь Волконского давно исчезли, но каменная церковь, построенная в 1771 году, цела.

По другую сторону крошечной речки Лукосны на высоком и почти ровном месте расположен старый парк с великолепными прямыми, как стрела, аллеями. Пространства между аллеями засажены плодовыми деревьями. В русских регулярных парках это встречалось очень часто, но сами плодовые сады мало где сохранились. А в Волконском деревья (конечно, далекие потомки яблонь XVIII в.) и сейчас плодоносят. Почти отовсюду видна церковь: здесь она, как во многих русских парках, включена в систему внешних видов.

Волконское было самой дальней точкой нашего путешествия. Надо было возвращаться. А дорога бежала все дальше, среди полей, мимо деревень, то поднимаясь на холмы, то исчезая из виду. Впереди было много неизвестного, и остановиться было так же трудно, как стать посреди быстротекущей реки. И хотя было грустно, мы вспомнили старинную поговорку: «кто надеется вернуться — уходит спокойный». А мы надеялись вернуться.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ КАЛУГИ*

В этот список (он составлен в алфавитном порядке по названиям улиц) включены все общеизвестные памятники архитектуры Калуги, ряд вновь открытых домов середины XVIII века и рядовые дома конца XVIII — начала XIX века, без которых трудно представить облик старого города. Таких домов в Калуге сохранилось гораздо больше, чем их включено в список. Некоторые улицы (Баумана, Дзержинского, Софьи Перовской) представляют собой целые ансамбли времен классицизма и дают хорошее представление о типовом проектировании в это время. Датированы дома в большинстве случаев условно, типовые проекты конца XVIII века были заменены только в 1809—1810 годах. Известный дом Старичковых (на ул. Урицкого) построен для семьи унтер-офицера Старичкова, спасшего в плену полковое знамя, в 1806—1807 годах, а по всем стилистическим признакам он относится к памятникам конца XVIII века.

Имена владельцев, под которыми здания известны в литературе, в большинстве случаев сохранены (хотя зачастую это владельцы конца XIX в.).

Памятники второй половины XIX века и более поздние в список не включены. Тем не менее есть в Калуге интересные образцы стиля модерн, раннего конструктивизма и т. д.

В калужских домах сохранилось много изразцовых печей конца XVIII — начала XIX века.

Ансамбль центра: бывшие присутственные места (1780—1787; портик семинарского корпуса по проекту Н. Соколова, 1823), четверо ворот, Троицкий собор (1786, 1804—1811, архитектор И. Д. Ясныгин), городской сад, Дворянское собрание (1848—1850, строил П. И. Гусев), два дома соборного причта (конец XVIII в., по Пушкинской улице), мост через Березуйский овраг (1780, архитектор П. Р. Никитин), пирамида около моста.

Дома по площади Ленина (№ 8, 9, 10, 11): торговые ряды (1784—1821), городская дума (начало XIX в., отделка фасада — конец XIX в., угол ул. Кутузова);

ул. Баумана: дом № 11 (Гончаровых) — конец XVIII в., с частью середины XVIII в.; № 14 — церковь Георгия за Верхом (1700—1701); № 18—конец XVIII в.; № 35 — конец XVIII в.; № 40 — конец XVIII в. (с изразцовой печью);

ул. Герцена: дом № 15 — Васильевская церковь в Солдатской слободе (1801), колокольня (1830);

ул. Дзержинского: дом № 29 — конец XVIII в., № 34 — середина XIX в., № 35 — конец XVIII в., № 42 — начало XIX в., № 49 (Билибиных) — начало XIX в., № 81 — начало XIX в., № 87 — конец XVIII в., № 88 — начало XIX в.;

ул. Достоевского: дом № 3 — середина XVIII в., № 5 — середина XVIII в. (здесь жил Е. П. Оболенский), № 17 — Успенская церковь — 1762, колокольня — конец XVIII в., дом № 30 — начало XIX в., № 44 — конец XVIII в., дом № 48 (Мешковых) — начало XIX в.;

пер. Достоевского: дом № 3 — начало XVIII в.;

ул. Каракозова: дом № 4 — начало XIX в., № 9 — начало XIX в.;

ул. Карпова: дом № 1 — начало XIX в., № 4 — начало XIX в., № 7 — середина XVIII в., № 23 — начало XIX в.;

ул. Кирова: дом № 38 — начало XIX в. (с изразцовой печью), № 40 (усадьба Кожевниковых) — конец XVIII в. (уличный фасад — начало XIX в.), три службы (деревянные) — начало XIX в., № 41 — церковь Жен-Мироносиц (1798—1815, архитектор И. Д. Ясныгин), колокольня (1818—1831), № 48 (Купцова) — конец XVIII в. (перестроен в 1825 г., архитектор Н. Соколов), № 62 (во дворе) — середина XVIII в., № 66 — конец XVIII в.;

ул. Королева: церковь Одигитрии — конец XVIII в. (перестройка начала XIX в.);

1-й Красноармейский пер.: дом № 5 — середина XVIII в.;

2-й Красноармейский пер.: дом № 10 (Торубаевых)— середина XVIII в.;

ул. Кутузова: дом № 2 — начало XIX в., № 20 (Билибиных) — начало XIX в. (ворота — середина XVIII в.), № 21 — церковь Богоявления — 1735, колокольня — 1834, № 26 (архиерейский дом) — середина XIX в., № 30 — начало XIX в.;

ул. Ленина: обелиск Московских ворот — 1775; без номера, дом у стадиона — конец XVIII в., дом 65а (Толстых) — начало XIX в. (деревянный), № 68 (угол ул. Огарева) — начало XIX в., № 70 (деревянный, во дворе деревянная служба, Теличеевых, потом Польман)— 1806, № 78 (угол ул. Кирова) — конец XVIII в., № 79 (гимназия Самовых) — начало XIX в., № 81а (дом на круглой площади) — конец XVIII в., № 83 (угол ул.

Луначарского) — «народное училище» с флигелем во дворе (1782—1785), с улицы переделан в конце XIX в.; рядом по ул. Ленина — «уездное училище» (1835), № 95/2 — конец XVIII в., № 97 — начало XIX в., № 98 (угол ул. Дарвина) — конец XVIII в., № 104 (усадьба Билибиных, потом Чистоклетовых, дом, флигели, ограда с воротами, сохранились интерьеры дома) — начало XIX в., № 106 — Никитская церковь (1687), галерея (1834, архитектор Н. Соколов), № 111 — начало XIX в., № 115 — конец XVIII в.

пер. Ленина: дом № 12 (Архангельских) — начало XIX в.;

ул. Луначарского: дом № 28 — конец XVIII в., № 20 (угол ул. Каракозова) — конец XVIII в., № 36 — усадьба начала XIX в. (перестроена в середине XIX в.).

ул. Мичурина: дом № 26 — конец XVIII в.;

Московская ул.: дом № 19 — конец XVIII в., № 24 (Горбунова, с росписью плафона) — начало XIX в., № 46 — начало XIX в., № 52 — усадьба конца XVIII в. (дом и флигель), № 56 — конец XVIII в., № 144 — церковь Иоанна Предтечи (середина XVIII в.), № 193 (Билибиных) — начало XIX в.;

ул. Никитина: дом № 3 — конец XVIII в., № 66 (Хлюстинская богадельня) — 1804 (архитектор И. Д. Ясныгин, строил И. Я. Каширин), № 82/83, угол ул. М. Горького (Золотарева, потом Хлюстинская больница) — начало XIX в.;

ул. Плеханова: дом № 19/2 (Сперанских, деревянный) — начало XIX в., № 26 (Толмачевых, деревянный) — 1814, № 86 — конец XVIII в., № 88 (Коробовых) — конец XVII в.;

Первомайская ул.: дом № 37 — усадьба начала XIX в., № 173 — конец XVIII в.;

ул. Подвойского: дом № 17 — церковь Спаса под горой (Казанская) — 1717, колокольня, часовня и ограда — 1802.;

Почтовый пер.: дом № 2 — церковь Покрова на Рву — 1687, главы и колокольня — вторая половина XVIII в., № 4 — конец XVIII в. (ворота начала XIX в.), № 6 — середина XVIII в.

Пушкинская ул.: дом № 2 — начало XIX в. (здесь жил в ссылке Шамиль), № 5 — конец XVIII в., № 7 — конец XVIII в., № 14 (усадьба Золотаревых, потом Кологривовых, сохранились интерьеры главного дома) — 1806—1808, № 15 — начало XIX в., № 16 (Макаровых) — середина XVIII в., № 17 — начало XIX в.;

ул. Революции: дом № 3 — конец XVIII в., № 7 — конец XVIII в., № 9 — начало XIX в., № 10 — начало XIX в. (сохранилась изразцовая печь);

ул. Свердлова: дом № 1 — конец XVIII в., № 21 — Знаменская церковь (1720— 1731);

Смоленская ул.: дом № 8 — церковь Спаса за Верхом (1700), колокольня — конец XVIII в.;

Совхозная ул.: дом № 7 (Унковских, здесь останавливался Г. Р. Державин) — 1793;

ул. Софьи Перовской: дом № 2/11 — конец XVIII в., № 3 — усадьба конца XVIII в., № 6 (Прянишникова, потом Пестриковская богадельня) — конец XVIII в., № 9 (Яновских) — усадьба конца XVIII в., № 12 — конец XVIII — начало XIX в., № 13 (угол Первомайской ул.) — начало XIX в., № 16 — начало XIX в., № 20/27 — конец XVIII в., № 22/26 — конец XVIII в., № 25 — конец XVIII — начало XIX в.; между домами № 25 и № 27 церковь Георгия за Лавками — 1700 (трапезная и колокольня — конец XVIII в.), № 26 — конец XVIII в., № 28 — конец XVIII в., № 29 — начало XVIII в., № 31 — начало XIX в., № 33/13 — начало XIX в., № 39/41 — конец XVIII в., № 40 (служба) — начало XIX в.;

ул. Суворова: дом № 14 (угол Театральной) —конец XVIII в., № 102 (Тимченко) — усадьба начала XIX в. (дом — в основе конца XVIII в.), № 117 (Малютинская богадельня) — начало XIX в., № 153 — начало XIX в., № 177 — церковь Косьмы и Дамиана — середина XVIII в. (колокольня — 1794 г.);

Театральная ул.: дом № 12/15 — конец XVIII в., № 18 — конец XVIII в., № 23/51 — начало XIX в. (угол ул. Дарвина, принадлежал Л. Осипову, перестроен в 1808 г., архитектор И. Д. Ясныгин), № 48 — начало XIX в., № 49 — начало XIX в., № 50 (Билибиных) — усадьба конца XVIII в., № 76 (Осипова) — 1808 г. (архитектор И. Д. Ясныгин);

ул. 1905 года: дом № 84 — середина XVIII в.;

ул. Урицкого: дом № 5 (Старичковых) — 1806—1807, № 10/16 — конец XVIII в., № 14 — начало XIX в., № 20 (Торубаева, потом Сиротский дом) — начало XIX в. (переделывался архитектором Н. Соколовым), № 22 — церковь Сошествия — начало XIX в.;

Парк Циолковского (сад при Загородном доме губернатора) — 1782;

Городское кладбище: Пятницкая церковь — 1781.

БИБЛИОГРАФИЯ

Д. И. Малинин и др., Калуга. Опыт исторического путеводителя, Калуга, 1911.

М. И. Преображенский, Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии, Спб., 1891.

Н. Рошефор, Опись церковных памятников, Спб., 1882.

Леонид (Л. А. Кавелин), Церковно-историческое описание упраздненных монастырей в пределах Калужской епархии, М., 1863.

«Алфавиты и описания Калужского наместничества» т. I и II, Спб., 1782.

«Топографическое описание Калужского наместничества», Спб., 1785.

(Леонид), Историко-архитектурное и статистическое описание Боровского-Пафнутьева монастыря, Казань, 1907.

И. Машков, Крепостные сооружения Боровского-Пафнутьева монастыря. — «Древности». Чтения в комитете по охране древних памятников Московского археологического общества, т. IV, 1912, стр. 313.

Н. Воронин, М. Ильин, Древнее Подмосковье, М., 1947.

«История русского искусства», т. III, М., 1955.

В. В. Косточкин, Государев мастер Федор Конь, М., 1964.

Леонид, Историческое описание Малоярославского Никольского Черноостровского общежительного монастыря, М., 1903.

В. Беспалов, А. Дмитриев, Малоярославец, Калуга, 1962.

М. В. Фехнер, Калуга, М., 1961.

С. В. Безсонов, Дом исторического музея, бывш. Кологривовой в гор. Калуге, Калуга, 1928.

А. Средин, Полотняный завод.— «Старые годы», 1910, июль — сентябрь, стр. 80.

«Записки М. Д. Бутурлина».— «Русский архив», 1897, № 2 и 3.

Г. В. Коган, Полотняный завод. По пушкинским местам, М., 1951.

А. Трубников, Княгиня Голицына в Марьине и Городне.— «Старые годы», 1910, июль — сентябрь, стр. 153.

М. Гончаров, Авчурино. — «Столица и усадьба», 1917, № 89—90.
В. И. Пилявский, Постройки Стасова в усадьбах под Рязанью, Калугой и Торжком.— «Архитектурное наследство», т. 9, Л., 1959, стр. 79.
В. И. Пилявский, Стасов, архитектор, Л., 1963.
Н. Н. Кашкин, О роде Кашкиных, Спб., 1913.
Л. Кавелин, Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни, ч. 1—2, Спб., 1847.
Леонид, Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни, М., 1885.
Е. В., Описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Троицкая лавра, 1902.

В книге использованы также материалы Центрального государственного архива древних актов, Музея русской архитектуры, Государственного Исторического музея, Центральных научно-реставрационных мастерских, Калужского краеведческого музея и Хмыровской коллекции Государственной Исторической публичной библиотеки. Сердечно благодарю всех, кто помогал мне в работе материалами: М. А. Ильина, Г. Д. Гончарова, О. С. и К. С. Любомировых, В. Е. Гончарову, М. М. Днепровского, Г. Н. Клименко, В. Н. Сорокина, Г. Г. Оранскую, Ю. А. Веденина, Г. В. Коган, И. М. Глозмана, Ю. Я. Герчука, С. А. Перову, В. Д. Филиппова.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 9. Названия башен (по Л. Кавелину) от входных ворот по часовой стрелке: Входная, Тайницкая (проездная), Сторожевая (северо-восточная), Оружейная, Круглая, Георгиевская (проездная).

К стр. 13. Это вторая проездная башня (позднее проезд был заделан). Название ее происходит, вероятно, от тайника, шедшего к пруду и служившего для добывания воды во время осады. Называют ее еще и «башня измены»; по преданию, именно через ее ворота проникли в монастырь поляки.

К стр. 14. Точная дата постройки собора неизвестна. Обычно его датируют 1596 годом — годом богатых вкладов на украшение собора. Выстроен он несомненно в годуновское время, ибо очень похож на другие церкви этого времени (в Б. Вяземах, Хорошеве и т. д.).

К стр. 17. Фрески Дионисия не сохранились — от постройки XV века уцелела только часть цоколя (в алтаре нового собора).

К стр. 23. Сейчас эта плита в Калужском краеведческом музее.

К стр. 30. В 1802 году в Белкине в семье бутурлинского управляющего родился известный врач Ф. И. Иноземцев.

К стр. 37. Слухи колокольни — окошки в шатре — заложены в конце XIX века, в это же время сломана и открыта галерея, опоясывающая церковь.

К стр. 44. Другая станция — на 110-м *км* (перед Загорьем).

К стр. 57. Тул — колчан.

К стр. 63. Ныне город Днепропетровск. Сохранилась фотография статуи (см.: Г. Лукомский, Памятники старинной архитектуры России, Спб., 1915, стр. 284).

К стр. 65. Реконструкция автора на основании обмера М. Д. Циперовича. Названия комнат сообщены Г. Д. Гончаровым (в скобках — предположительные названия комнат в конце XVIII века).

К стр. 65. Дом, который существовал до этого, вероятно, был не сломан, а включен в новое здание (в южную его часть).

К стр. 66. Семья Щепочкиных известна в нашей истории тем, что на внучке одного из владельцев усадьбы был женат великий русский хирург Пирогов, бывавший в Полотняном.

К стр. 79. Между ветвями огромного голицынского рода родство было очень отдаленным. Дальше всюду речь пойдет только о тех Голицыных, которые владели Городней.

К стр. 88. До Полторацких Авчуриным владел С. В. Гагарин.

К стр. 89. О С. Д. Полторацком см. в книге Н. Эйдельмана «Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966.

К стр. 99. В глухом Желове уцелела простенькая церковь 1759 года с интересной колокольней.

К стр. 102. Сейчас главы немного закрыты снизу поздней деревянной надстройкой над кокошниками.

К стр. 103 По обеим сторонам переклада (ленты) было изображено по золотому снопу, «изъявляющие плодоносие окрестных полей».

К стр. 111. Подобные павильоны, внутри роскошно отделанные, встречались во многих усадьбах, например в Кускове.

К стр. 113. В гербе Козельска, данном ему, как и Боровску, в 1777 году, отражена эта оборона: «в червленом поле, знаменующем кровопролития, 5 серебряных щитов с черными крестами, изъявляющие храбрость их защищения и несчастную судьбину». В память о сражении с Батыем был сооружен крест, стоявший в центре Козельска, над братской могилой (теперь он в музее).

К стр. 118. Зосима, конечно, не портрет Амвросия, это образ художественный, составленный из многих лиц. Но реальный, виденный Достоевским старец как бы объединил всех их.

К стр. 120. Постройки Шамордина монастыря видны с дороги от Перемышля на Козельск (у деревни Полошково).

К стр. 128. Список составлен совместно с М. М. Днепровским и Г. Н. Клименко.

НИКОЛАЕВ ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

ПО КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

Редактор
И. А. КУРАТОВА

Оформление художника
Ю. К. КУРБАТОВА

Художественный редактор
Е. Е. СМИРНОВ

Технический редактор
Т. Б. ЛЮБИНА

Корректор
Т. В. КУДРЯВЦЕВА

А06476. Сдано в набор 2/VIII 1967 г. Подп. к печати 30/XII 1967 г. Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 75 000 экз. Изд. № 626. «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ № 1199. Калининский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Государственного Комитета Совета Министров СССР по печати, г. Калинин, проспект Ленина, 5. Цена 45 коп.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

ИЗ СЕРИИ «ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ»:

Ю. ГЕРЧУК, М. ДОМШЛАК. «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ» (ОТ КАЛИНИНА ДО ЯРОСЛАВЛЯ).

С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ. «ПО СУХОНЕ И СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ».

В. МАРКОВИН. «В СТРАНЕ ВАЙНАХОВ» (ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ).

45 коп.

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ